

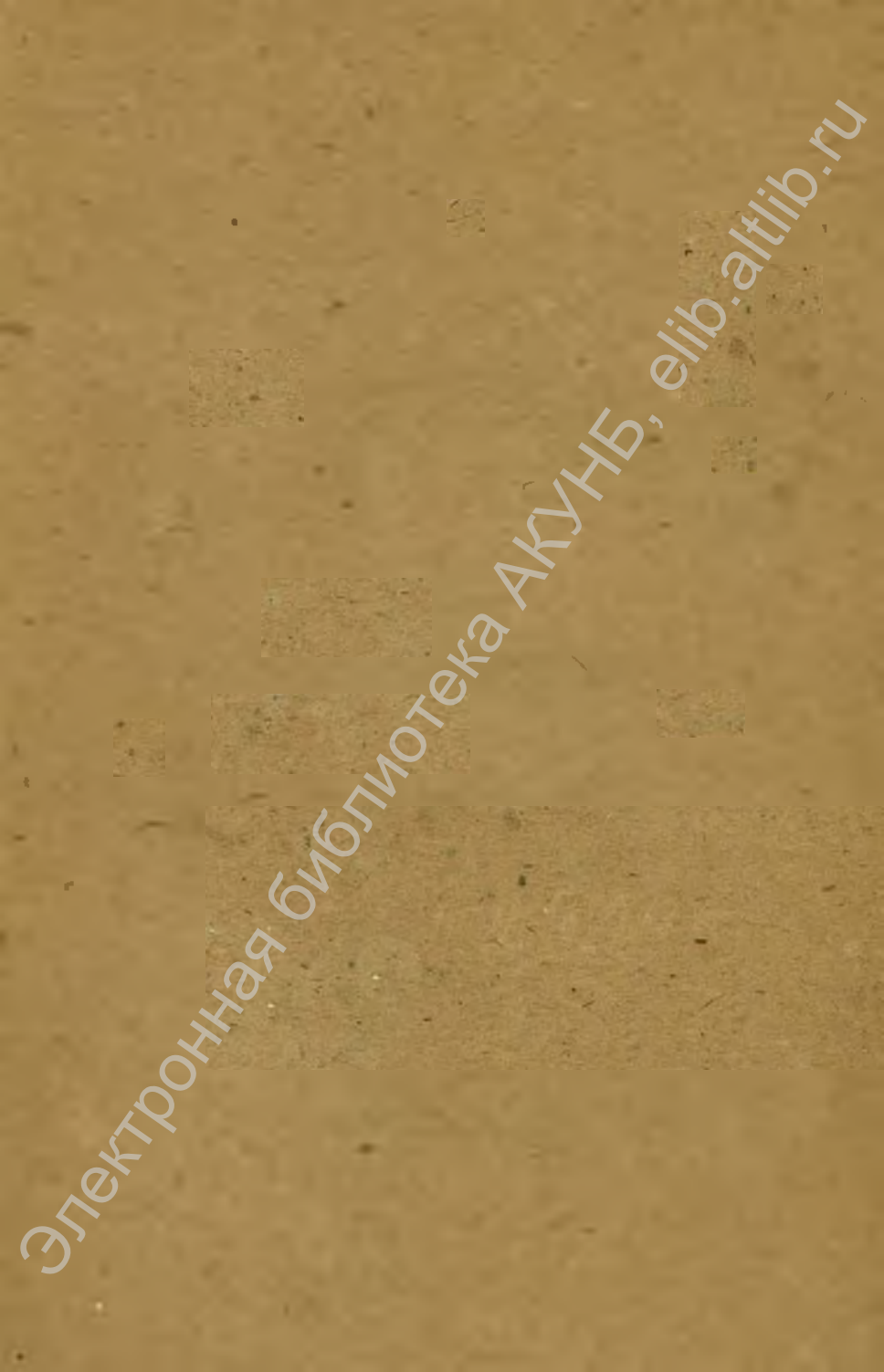
АЛТАЙ

№5

1951

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
А Л Ь М А Н А Х

№ 5

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Барнаул 1951

ПОЛЗУНОВ

(Повесть в стихах)

I

Ещё у крепостного вала
Солдат не взял на караул,
И тройка вскачь не миновала
Посад у речки Барнаул,
Ещё ямщик чернобородый
Не вздыбил взмыленных коней,
У канцелярии завода
Курьер не вылез из саней,
Не бросил хрипло от простуды:
— Погодь недолго, я сейчас! —
А разнесла молва повсюду:
«Её величества Указ!»
Захожий нищий на подворьях
Уже смущал сермяжный люд:
— Пытайте землю, где без горя
Холопы беглые живут.
В народе прозван Беловодьем
Тот потайной кержацкий рай.
Какие хочешь там уголья,
Луга и пашни выбирай.
Царица Катька страх боится,
Что могут вольный край сыскать.
О том и шлёт Указ царица —
Туда людишек не пускать,
Бродяжным не давать потачку,
Ловить и прогонять сквозь строй,
Приковывать навечно к тачке
И в каторжный бросать забой.
Такой забой в горе Змеиной —
В Змеиногорских рудниках.

Там люди ходят с цепью длинной,
В железах ржавых на руках.
И будто кто-то из рабочих,
А кто, дознаться не могли,
Грозился:

— Нету больше мочи,
Дождаться только тёмной ночи —
Сбегу, сбегу до той земли...
...А между тем, курьером спрошен,
Надев парадный свой мундир,
Приехал генерал Порошин —
Заводов главный командир.
Расшнуровал пакет с Указом,
Сломал сургучную печать,
Бумаги прочитал, и сразу
Велел советчиков созвать.
И приказал, чтоб с ними вместе
Явился Ползунов — шихтмейстер.
Сходиться стали командиры,
Саксонской нации мужи,
Из тех, что, позаштопав дыры,
Пожитки в узелки сложив,
В погоне за рублём и чином
В чужие двигались места.
Протоколист явился, чинно
За креслом генерала встав.
Чуть подождали Ползунова.
Вошёл, высок и угловат,
Споткнулся на полу ковровом,
Сказал некстати:

— Виноват.
Порошин поглядел с улыбкой,
Подумал:
— Эх, мужик, мужик,
Умён, а не отёсан шибко,
К коврам и то, вишь, не привык.
Мужик, а всё-таки надёжный,
Не из-за моря как-никак,
Не иноземец, не захожий,
А наш, природный сибиряк.
А вслух сказал:

— Прошу садиться.
Как говорится, в добрый час.
С хорошей вестью из столицы
Мне надлежит поздравить вас.
Указом за прожект машины
Тебя, шихтмейстер Ползунов,
Царица награждает чином
И шлёт четыреста рублёв.

Не буду говорить пространно,
Но случай сей — для всех пример: —
В чужих не обучался странах,
Вчерашний унтер-офицер,
Сын рядового горной роты,
Всю жизнь в заводах прослужил.
Но, думаю, сии щедроты
Своим раченьем заслужил.
Таков указ императрицы.
А с тем указом отзыв шлют.
Профессор Шлаттер из столицы
Премудрый отзыв пишет тут.
Я, господа, от вас не скрою,
Прочёл, а не пойму совсем:
И хвалит, а машину строить,
Видать, не надобно им всем.
Порошин прочитал:
«Машина сия давно измышлена,
И в Англии с великой пользой
употребляется она.
А вымыслил её — Саверий,
И математик Белидор
О ней в своей французской книге
ведёт полезный разговор.
А я не так давно ту книгу
на русский перевёл язык.
Но Ползунов в науку нашу
природной хитростью проник.
И ловко так переименовал машину славную сию,
Что без зазренья может выдать
её повсюду за свою...»
— Как смотришь, Ползунов, на это? —
Пожал плечами генерал.
Задумчив, не найдя ответа,
Иван Иванович молчал.
Смеялись немцы:
— Ви не рады,
Как будто плетью получили...
Вам дали, сударь мой, награду
И новый офицерский чин.
Хотел сказать: «Я не для денег»,
Но в горле вдруг застрял комок.
Мелькали мысли:
«Академик,
Неужли он понять не мог?
Ведь та Саверьева машина
Лишь на подъём воды годна,
К машине той нужна плотина,
К моей машине — не нужна.

Чертёж, быть может, нехороший,
Не все детали я нанёс...
И не заметил, что Порошин
Два раза повторил вопрос:
— Ну, брат, с тобой не потолкуешь, —
Сказал Порошин, чуть сердясь, —
Ты, видно, что-то маракуешь,
Изобретаешь, что ли? Ась?
Машину строй! Но сделай милость,
Ужо меня не подведи.
Чтоб с этим делом не случилось
У нас конфуза впереди...
Механик вышел. Очень длинной
Дорога показалась вдруг.
Ведь дома ждёт его Полина —
Жена и самый близкий друг.
И Поля ничего не знает...
Вот то-то будет торжество.
Она-то, верно, понимает
Заветный замысел его!

II

Спустился долгий зимний вечер,
Метель за окнами кружит.
Механик зажигает свечи,
Раскладывает чертежи.
Без парика,
В рубахе длинной
Из домотканного холста,
Он долго-долго взгляд орлиный
Не сводит с серого листа.
Здесь план её.
Здесь, как живая,
Его машина огневая.
А на других листах — детали.
О, сколько здесь его труда!
Он строит то,
Что не видали
Ещё нигде и никогда.
Он сам не знал, когда впервые
До боли радостна, чиста
Мальчишке на краю России
Явилась дерзкая мечта.
Она мелькнула не тогда ли,
Его мечта — облегчить труд,
Когда ребёнком на Урале
Он наблюдал работный люд.

Вот не спеша, шагая грузно,
Рабочий движется домой,
В лаптях, от грязи заскорузлых,
Бессменных летом и зимой,
В убогой одежонке рваной,
С пустой котомкой на горбу,
Идёт, пошатываясь пьяно,
Ругая клятую судьбу.
А, может быть, в другие годы
Великий замысел возник,
Когда впервые на заводы
Пришёл вихрастый ученик.
Когда, не отходя от горна,
Работал он по целым дням,
И стал плеватьсся гарью чёрной
С пурпурной кровью пополам.
Урал сменяется Алтаем...
В трудах, заботах и нужде,
Зимой руду заготовляя,
Сплавляя летом по воде,
Сопровождая от завода
В столицу золота обоз,
Он через годы и невзгоды
Мечту заветную пронёс.
И вместе с ним росла, мужала,
Достигла зрелости она,
И на столе сейчас лежала,
Уже в чертёж заключена.
Ещё отнюдь не всё готово,
Но всё доступно самому.
Сегодня над вопросом новым
Подумать предстоит ему.
Одну нелёгкую задачу
Решил механик одолеть:
Как регулировать подачу
И уровень воды в котле.
Вот чертит он пером гусиным,
Его глаза горят огнём...

А в этот час в одной гостиной
Чуть захмелевшие мужчины
Ведут беседу за вином.
Один — ассессор Христиани,
Заводов главный инженер,
Другой — заезжий англичанин,
Ботаник, коллекционер.
Профессор Брук — живая сказка,
О нём везде идёт молва,
Что жил когда-то на Аляске

И на Ниппонских островах,
Что где-то торговал рабами,
Недавно пересек Китай,
И неизвестными судьбами
Не зря заброшен на Алтай.
Что ищет жребий он счастливый,
Что он разыскивает клад,
Что беден он, как нищий Иов,
И что несметно он богат.
У Христиани Брук с обеда.
Был стол обилен и богат.
Гость с удовольствием отведал
Отменно вкусный маринад.
И отдал честь
Различным винам,
Предпочитая всем одно —
Сверкавшее на дне графина
Простое хлебное вино.
И с аппетитом ел пельмени,
Шутил:
— Как все сибиряки,
Я буду кушать непременно
По праздникам сии ушки.
Хозяйке льстил:
— Вдали от света,
В такой завьюженной глуши,
Все дамы — чудо как одеты
И столь собою хороши.
Был восхищён, узнав, что дамам
Наряды в этот край лесной
Привозят из Парижа прямо,
Где есть у каждой свой портной.
Потом, как будто между прочим,
Завёл серьёзный разговор.
Сказал, что он хотел бы очень
Добраться до Алтайских гор.
— Ведь я ботаник по призванью,
Исследую земной покров.
— Алтай, — заметил Христиани, —
Богат, хотя весьма суров.
В сём месте проживя немало,
Я предпринял изрядный труд
По сбору редких минералов
И образцов алтайских руд.
Такого редкого собранья,
Я доложу вам, больше нет.
И просит гостя Христиани
Пройти в рабочий кабинет.

— О, чёрт возьми, о, доннер веттер, —
Я не напрасно здесь сижу, —
Кричал саксонец в кабинете. —
Смотрите, я вам покажу.
Чего тут нет? Вот малахиты,
Вот золото, вот бирюза,
Вот чудо-камешек, добытый
Всего два месяца назад.
Так поверните — он зелёный,
А этак —
Красный изумруд...
И Брук бормочет:
— Миллионы
От глаз людских
Сокрыты тут.
— Вот ртуть.
А яшмы сколь прекрасны?
Вы сорт отыщете любой:
От огненной и мясокрасной
До дымчатой и голубой.
Из них изящнейшие вазы
Поделать могут мастера.
А это — редкие топазы,
А это — слитки серебра.
А вот — и новые находки:
Добротный асбест — горный лён...
И гость, не опьянев от водки,
Вдруг стал от жадности хмельён.
— О, если б это всё богатство, —
В экстазе мистер Брук вскричал, —
Да было не у азиатцев,
У нас в руках — у англичан.
Теснить их, подлых азиатцев,
Давить их дерзкую мечту!
Они и по ночам мне снятся,
И просыпаюсь я в поту.
Я вам секрет открою ныне,
Скажу вам пару важных слов
Об этой огненной машине,
Что вздумал строить Ползунов.
Все качества её беспорны,
И та машина бы могла
Поднять не только промысл горный,
Но мощь двуглавого орла.
Сие для англичан нестати,
И Фридриху большой скандал.
Вот почему профессор Шлаттер
И отзыв столь холодный дал. —

Хозяин мягко и без шума
Прокрался кошкой по ковру.
— А Шлаттер служит, надо думать,
Не только русскому двору?
Но гость вопроса не расслышал,
Иль, может, только сделал вид.
Теперь заговорил он тише,
Спокоен стал и деловит.
— Нам нужно, чтобы час от часу
Ему работалось трудней.
Рабочих не давать, припасу
Не подвозить по многу дней.
Он сдастся — подорвёт здоровье,
Ведь без того плюётся кровью...
Они расстались угром ранним.
Метель попрержнему мела.

Немного позже и механик
В раздумье встал из-за стола.
Минувшей ночью недоволен,
Ведь не решил задачи он.
К тому же он немного болен:
В ушах стоит немолчный звон,
Всё тело обняла усталость,
Как, впрочем, каждый день с утра.
Поспать бы, отдохнуть бы малость,
Но в канцелярию пора.
Сегодня, наконец, решенье
Саксонцы вынести должны
По поводу его прошенья
О людях, что ему нужны.
Реестр на семьдесят рабочих
Давно составил Ползунов.
Иковки, и литья, и прочих
Ему потребных мастеров.
Канцелярист Мартынка Второй
Ловчился, нюхая табак,
Вести с соседом разговоры,
Не отрываясь от бумаг.
— Ты, слышь, Игнатий Саватейч,
Не раскошелилась казна,
И вышла изо всей затей
Теперь конфузия одна.
Задумал семьдесят рабочих!..
Ишь, прыток, господин каков,
А трёх учеников не хочешь,
Да двух увечных стариков?

Один с заводов списан, ибо
Стал малозрителен зело
И вельми стар, и от расшиба
Все пальцы на ногах свело.
Другой отставлен, поелику
Вдруг сделался безмерно глух.
Дрожит в коленях, и с великим
Напором переводит дух.
Пусть с ними строит ирод чистый,
Ведь нет подмазать или дать,
Ведь от него канцеляристам
Полушки медной не видать.
— Что толковать?

От всяких татей

Казна должна быть под замком, —

Согласно изрекал Игнатий,

Снимая кляксу языком.

Механик появился в зале,

Спросил сурово:

— Как реестр?

Мартынка молвил:

— Отказали

За пустою здешних мест.

И молча фиг сложил перстами.

— Да, резолюция права,

Коль разумелась под местами

Твоя, Мартынка, голова! —

Заметил Ползунов устало

И вышел,

Мрачен и суров.

Он шёл домой,

В мозгу стучало:

Один —

Не дали мастеров.

Один! Да разве хватит силы...

Но что тут сделаешь, когда...

III

Полина даже не спросила,

А сразу поняла —

Беда!

Сказала:

— Может, обойдётся?

Не убивайся так, родной?

— Нет, видно, нелегко придётся,

Могу сказать тебе одной.

Ведь то не люди — звери, звери,

Их назову, не согрешив.

Ты знаешь, я теперь не верю,
Что отзыв писан от души.
Я силу пара взял в основу,
Познал я теплоты секрет,
Прожект мой не сворован, новый,
Другой такой машины нет.
Огнём я заменяю воду,
Отсюда польза велика.
Сейчас ведь каждому заводу
Нужна поблизости река.
Огнём через посредство пара
Решил я власть воды пресечь,
И твёрдо знаю, что недаром
Он не ведёт об этом речь.
Как это мог профессор рудный
Вдруг не заметить сути всей,
Решил отпиской этой нудной
Запутать дело, фарисей.
Да что там: в Петербурге — Шлаттер,
Здесь — те же немцы в русском платье.
Ассессор — жирный иноземец —
Не даст рабочих мне вовек.
Ведь я-то не француз, не немец,
А русский, русский человек.
Пришельцы из чужой державы,
До денег жадные весьма,
Они боятся нашей славы,
Страшатся русского ума.

IV

Темнеет. Сумерки нависли.
От чёрных труб коптит завод.
Всё с той же неотвязной мыслью,
Сугулясь, Ползунов идёт.
«Один, один. А это значит —
Всему строительству
Конец.
Но кто там у печей маячит?
Ах, это он, Козёл — кузнец».
Глазастый, сухощавый, тонкий,
Козёл был ростом исполин,
А кличку создал бородёнки
Нелепый, рыжеватый клин.
— Меня фортуна не взыскала, —
Козёл говаривал не зря.

Красноречиво подтверждала
Сей вывод рваная ноздря
И след калёного железа,
Что на спине имел Козёл.
Но был кузнец — мужик полезный,
Смышлён и на работу зол.

— Бери! —

Совал он Ползунову
Какой-то маленький чертёж.
— Коль я неправ, гоните снова
Козла-бродягу на правёж!

Чертёж был кое-как наляпан,
Но мысль — отменно хороша,
В котле был нарисован клапан
И в трубке — пустотелый шар.

Козёл толкует деловито:

— Когда воды в котле полно,
Шар жмёт на клапан,
И закрыто

Сие квадратное окно.

А коль воды в котле немножко —
Шар вниз

Спускается тогда,
И открывается окошко,
И вновь в котёл
Бежит вода.

Так вот — решение задачи!

Путь экономен, прост и нов.

Забыв лихие неудачи,

Целует друга Ползунов.

Он верит вновь:

«Создам машину

И буду строить не один!

Ты нас не мерь своим аршином,

Саксонский

Хитрый господин!»

V

Малиновый — от эспаньолки

До пудренного парика;

Казалось —

Щёку ткни иголкой,

И брызнет кровь

До потолка, —

Ассессор, пообедав плотно,

Слегка вином повеселясь,

Сидел,
Тяжёлый,
Жирный,
Потный,
В массивном кресле развальясь.
Был болен Ползунов.
С постели
Он утром встал едва-едва,
Глаза болезненно блестели,
Весь день
Кружилась голова.
Кривились губы некрасиво.
Боясь опять ввязаться в спор,
Преувеличенно учтиво
Повёл он этот разговор:
— Мы строим, — начал он, —
Машину
Великим напряженьем сил.
Вам ведомы сему причины,
Я вам об этом доносил.
Здесь должен
Инженер трудиться,
Ему сей важный труд с руки,
А строят
Левзин да Черницын —
Механики-ученики.
Рабочих нет, и все, кто может,
Препоны ставят без конца:
То нет гвоздей, то нету кожи,
Железа, олова, свинца —
Из-за того стоит работа,
А ведь прошёл чуть-чуть не год...
На Христиани вдруг зевота
Напала,
Округлила рот.
Сказал, зевая:
— Да, припасы...
Горят припасы
Без огня.
Я ездил в Бийск.
Быть может, часом,
Тут что украли без меня?
Проверку учиню вам снова.
(Опять зевнул),
На то — казна!

Взяла обида Ползунова
(Я разбужу вас ото сна!):

— Проверьте, ваше благородье, —
Сказал механик, —
Ваша власть.
У нас воров-то нету, вроде.
Кто ж это мог
Без вас
Украсть?
— Кто вас учил таким ответам? —
Ловил ассессор воздух ртом. —
Вы стали грубым,
Дерзость это!
Жаль, нет свидетеля при том.
— Вы правы, самому сдаётся,
Я огрубел за этот год.
А что свидетель — он найдётся,
Свидетель воровству — народ.
Недаром притча есть в народе,
Я вам её поведать рад,
Откуда, мол, в Сибирь приходят
За казнокрадом казнокрад?
Дороги здесь весьма опасны,
В лесах шалит разбойный люд,
И потому сюда напрасно
Чиновников исправных шлют.
Встречают их, гостей незваных,
Разбойники да варнаки.
В лесах сдирают с них кафтаны,
А им — бросают армяки.
Потом в кафтанах тех богатых,
Покинув свой приют лесной,
Засядут в каменных палатах
И грабят весь народ честной.
Ужо с них спросят, в это верю,
Со всех ворюг и хапунов. —
И вышел, крепко хлопнув дверью,
Закончив притчу, Ползунов.

VI

Он не пошёл к своей машине —
Побывать хотелось одному.
Посад, таясь в глухой низине,
Купался в заводском дыму.
В посаде тоже было людно.
С левобережной стороны
Навстречу шёл рабочий рудный
Да две солдатские жены.

Шёл нищий, тощий и костистый,
С сумой и посохом в руках,
Толпой прошли канцеляристы
В пропахших салом париках.
Проплыл доглядчик — толстый дядя
С извечным другом-батогом.
Механик шёл, на них не глядя,
Не видя никого кругом.
Шагая мимо палисада
По Олонецкой слободе,
Он думал:
«Велика досада,
И нету помощи нигде.
Я одинок, забыт, заброшен,
Кому я нужен из господ?
Помог бы, может быть, Порошин,
Как честный русский патриот,
Да сам — то в Горной Колывани,
То в Локтевский завод спешит,
А здесь ассессор Христиани,
Дела по-своему вершит».
Сверкнул разлив реки могучей,
Давно механик дружит с ней,
Взглянул вокруг и стало лучше,
Спокойней, на душе вольней.
Он здесь любил сидеть подолгу,
Мечтать о будущем любил,
На берегу сибирской Волги,
Раздольной ласковой Оби.
Но вдруг знакомое обличье:
Высок, не в меру длиннорук,
Походкой прыгающей птичьей
Шёл англичанин, мистер Брук.
— Опять болезненный румянец?
Вы нездоровы, милый друг, —
Всплеснул руками иностранец, —
Весьма серьёзен ваш недуг.
Вам надо, милый мой, лечиться,
Совсем иную жизнь вести.
Я говорю вам —
Заграница
Одна лишь может вас спасти.
— А я считал, что для больного, —
Заметил Ползунов в ответ, —
Нет лучше воздуха родного,
Родных лесов целебней нет.
— Но вам сейчас нужней чем воздух,
Чем всех полей целебных ясь,

Стекло да олово, да гвозди, —
Заметил мистер Брук, смеясь.
— Болезням вашим есть причина,
Я твёрдо знаю — в том она,
Что ваша славная машина
В России
Вовсе не нужна.

VII

Порой бессонными ночами
Механик думал: может прав
Сей надоедный англичанин,
Сей мнимый собиратель трав.
У матушки Екатерины
Немало в каторге сынов,
Нужна ли ей твоя машина,
Механик горный Ползунов?
Гляди, стоит у жаркой печи
Старик — рабочий горновой.
Он от натуги сгорбил плечи,
Подрагивает головой.
О, сколько их до самой смерти
Сейчас томятся в том аду.
Доглядчики, как злые черти,
Им передышки не дадут.
И этой ночью он вертится,
Не в силах глаз сомкнуть на миг,
А утром прибежал Черницын —
Его любимый ученик.
С порога закричал:
— Иваныч!
Вставай-ка, погляди-ка вот,
Ведь я, кажись, придумал за ночь,
Как надо направлять привод.
— Ого! — вскричал механик, — ловко!
Ты, брат, порадуешь всегда.
И сразуковка и шлифовка
Без траты лишнего труда.
Но только не было б промашки.
Проверить надобно расчёт,
Оно красиво на бумажке,
На деле глянешь — ан нейдёт.
Решенье здесь весьма простое...
Вскочил, бумагу развернул, —
Считает, чертит, пишет стоя,
Не замечая рядом стул.
Чуть улыбнётся, брови строжит.
Колонки цифр растут, растут,

Что ж, получается похоже,
Но нужно укрепить вот тут.
— Проверим, едем в мастерскую,
Вели закладывать Серка.
— Куда ты, Ваня, рань такую,
Хоть выпей кружку молока.
Ну, выпей, — требует Полина,
На плечи руки положив.
— Ну хоть без хлеба, день-то длинный...
И так не знаю, чем ты жив.
...В черте завода под навесом
Лежат плоды больших трудов:
Тут части от машины, весом
До ста семидесяти пудов,
Станок токарный по металлу,
Большая круглая пила.
Хотя ещё не рассветало,
Но здесь уже работа шла.
Приехал Ползунов и сразу
Спросил:
— Справлялись про заказ?
— Лежат, не движутся заказы,
Завод не делает для нас.
Зато вот заводские сами
Вчера согнули новый вал.
Да вот ещё Козёл с друзьями
Для шестерёнок отковал.
«Так, — думал Ползунов, — лишь с виду
Он не велик, отрядец мой,
Ученики да инвалиды,
Да между ними сам седьмой.
Стоят за нашими плечами
Ещё работные, народ,
Они нам сделают ночами
Всё, что не сделает завод».
И вновь работа закипела.
Ведут рубанки разговор,
Визжит станок, пила запела,
Стучит без усталы топор.
А Ползунов тому подскажет: —
Попробуй так, глядикось вот,
Тому во-время слово скажет,
Тому поможет, подойдёт.
И только лишь когда смеркалось,
Когда сказал:
— Кончать пора,
Он вдруг почувствовал усталость,
И вспомнил, что не ел с утра.

И вновь зима.
Большие сани
Остановились за бугром.
Имел привычку Христиани
К рабочим подходить пешком.
Любил, подкравшись незаметно
И затаившись, словно вор,
Услышать тихий и заветный,
Подчас крамольный разговор.
Беря бугор не без одышки
И часто огирая пот,
Ассессор злился:
«Это слишком,
Не оберёшься с ним хлопот.
Опять запрос от генерала...
А Брук. Он мыслит, чёрт возьми,
Что здесь и дел других не стало,
Опричь с машиной сей возни.
Но хватит.
Я терпеть не стану,
Имею свой особый план.
Вот я сейчас на них нагрюну,
Никем негадан и неждан.
Ни с кем не споря,
Мал-по-малу,
Всё осмотрю, всё изучу,
И рапорт сочиню, пожалуй,
Что нам сие не по плечу...
Там что-то тихо, нет народу.
А это что за чудеса?»
Ассессор видит
Два привода
От водяного колеса.
Налево — молот на приводе
То вниз сорвётся с высоты,
То постепенно вверх заходит —
Клепает медные листы
И приспособлен для шлифовки.
Направо — основной привод.
На нём железные поковки
В цилиндре ходят взад вперёд,
Два престарелых инвалида
Здесь управляют вполне.
И инженер, выдавший виды,
Лишь крякнул, стоя в стороне.
Лишь только глянул ошалело:
Он на заводах прожил век

И дал бы на такое дело
Не меньше сорок человек.
Меж тем, смеясь, о чём-то споря,
Колюч, насмешлив, чуть суров,
Шёл Ползунов походкой скорой
Среди своих учеников,
В простецкой домотканной робе,
С задорной искоркой в глазах.
И немец, искривившись в злобе,
Поспешно повернул назад.
«Цум тейфель! — шепчет он, шагая. —
Молва, конечно, не соврёт,
Что Ползунову помогает
Машину строить весь завод.
Весь этот подлый сброд рабочий,
Паяльщики и кузнецы,
Они ему и днём, и ночью
Придут на помощь, подлецы».

Темнеет.

Устали не зная,
Завод из чёрных труб коптит,
И тройка мчится вороная,
И чёрный снег из-под копыт,
И лента чёрная дороги,
И чёрная в кюветах тень
(По той дороге углежоги
Возили уголь каждый день).
И чёрным словом, чёрной бранью
Ямщик прохожих костерит.
И с чёрной думой Христиани
В санях с разводами лежит.

IX

Подул в посаде ветер южный,
Запахло свежестью лесной...
Ещё сильнее занедужил
Иван Иванович весной.
Его машина огневая
Все силы у него брала —
И на глазах у всех он таял,
Как на глазах она росла.
И, наконец, беда случилась:
Он трясся в кашле вновь и вновь,
И на кафтане появилась
Из горла хлынувшая кровь.
Он дома днём.
Что это значит?
Какой-то в памяти провал...

Жена о чём-то тихо плачет
И кто-то лекаря позвал.
Что он бормочет:
«Бесполезно,
Бессилен я на этот раз...»
А кровь стучит, стучит в железный,
Приставленный к кровати таз.
Нет, то вода струится с гулом,
И вдалеке бакланов крик.
Он где? Идёт по Барнаулу.
А это кто? — слепой старик.
Старик, что с детства был приставлен
Следить за плавкой серебра,
И в час, когда металл расплавлен,
Кричал:
Пора,
Пора,
Пора!
А серебро, ему в отместку,
Незрячим сделало его,
Опречь серебряного блеску,
Старик не видел ничего.
Что он кричит,
Чего он хочет?
— Пойдём?
— Куда пойдём с тобой?
И вот уж не старик, рабочий
Кричит: — Пойдём,
Пойдём в забой.
В забое здесь полно народу.
Один зовёт:
— Побудь со мной,
Я двадцать лет долблю породу
В воде по пояс ледяной.
— Нет, с нами ты пройди по кругу
У ворота без счёта дней.
Мы ходим, ходим друг за другом
Замест коней, слепых коней.
Всё человечье здесь забыто,
В глазах давно погас огонь.
Потрогай — это не ладонь,
Ведь это выросло копыто!
Но вдруг забили барабаны,
Приказано кому-то лечь,
И офицер, от злобы пьяный,
Кричит:
— Засечь его,
Засечь!

До споднёго, сырого мяса,
Чтоб ведал смерд работе срок,
Чтоб помнил, до какого часа
Повинен выполнить урок...
И так, без мала две недели
Механик маялся в бреду,
Кричал, привставши на постели,
Что, видно, не избыть беду,
Что так и будут люди, мучась,
Как в каторге, томиться тут,
И не изменит он их участь,
И не облегчит он их труд.
Жена по комнате металась.
— Молчи! Закрою дверь сперва,
Чтоб и больному не досталось
За те крамольные слова.

Х

Помогло ль Ползунову
Лечение простое —
На волшебных,
На травах алтайских настоев,
Или новым усилием
Воли могучей
Отодвинул он на год
Конец неминуемый, —
Только поднялся он
С надоевшей постели
И увидел в окно,
Что скворцы прилетели,
И слышал, как гулко
Капели стучали.
В эти дни —
Это было апреля в начале —
В скромный дом на Иркутской
Пришёл англичанин.
Мистер Брук сообщил,
Что явился проститься.
Он домой уезжает,
К себе за границу.
Битый час толковал он
О мощи британской,
— Между прочим, завод там
Построен гигантский,
Для машин огневых
Выпускают детали.
Ах, когда б вы, механик,
Завод тот видали!

Покурили мужчины,
Чуть-чуть помолчали.
— Я зову вас к себе, —
Вдруг сказал англичанин, —
Мы построим машину
По вашей модели,
Двести шиллингов буду
Платить вам в неделю.
Соглашайтесь!
Кто служит английской короне,
Тот достоинств и чести своей не уронит.
Ползунов посмотрел
На незванного гостя:
То не сам сатана
Забавляется тростью?
Говорит Ползунов:
— Получается ловко:
Всё отечество, значит,
Продать по дешёвке?
С тёмным лесом могучим,
Со жнивьём золотистым,
С той ли русской берёзонькой
Во поле чистом,
С нашим людом весёлым,
Простым, тароватым?
Вам не кажется, мистер,
Что цена маловата?
— О цене мы сумеем всегда
Сговориться:
Англичане не любят,
Мой друг, мелочиться.
Вы согласны, иного не жду я ответа,
Потому что монета — везде есть монета.
И поверьте бродяге,
Я больше вас пожил, —
Наша родина там,
Где нам платят дороже.
Говорите, механик,
Одно ваше слово...
Оглядел Ползунов чужестранца сурово:
— Может, так и положено
За морем синим,
По-иному у нас поступают,
В России.
Мы живём небогато,
Одеты неважно,
Но отечество, сударь, у нас не продажно.
Вот вам бог, господин, —
И с глубоким поклоном

Ползунов указал на резную икону, —
Вот порог, —
Ползунов повернулся к порогу, —
И надеюсь, вы сами найдёте дорогу?

XI

Прошло ещё почти полгода,
Упорным занятых трудом.
Неподалёку от завода
Построен для машины дом.
Машина собрана любовно,
И чтоб опробовать её,
К канатам привязали брёвна
И прикрепили долготё.
Настало время испытаний.
Приехал старый генерал,
Приплёлся жирный Христиани,
Народ посадский прибежал:
Работные,
Солдаты,
Жёнки,
Ямской проезжий молодец,
В подбитой ветром одежонке
Знакомец наш — Козёл-кузнец,
Купцы, приказчики, мальчишки,
Писцы, лакеи, денщики,
Всегда помятые ярыжки,
Пробирские ученики.
В народе споры, разговоры:
— Чтоб без воды пошла сама!
— Держи карман!
— Какой ты скорый!
— Молчи, не нашего ума.
— Ведь выстроен домина цельный!
— Гляди, воздвиг дворец какой!
Механик вышел из котельной,
Взглянул вокруг,
Махнул рукой.
И тотчас, по волшебству словно,
На блоках брёвна поднялись,
Задвигались на блоках брёвна,
То вверх, то вниз,
То вверх, то вниз.
— Гляди, как брёвна-то летают, —
Кричат работные, — она,
Машина эта огневая,
Заменит тыщи рук одна.

Но вдруг канаты задрожали,
Как судорогой их свело,
И брёвна медленно упали,
К земле приникнув тяжело.
— Эй, — молвил Ползунов с улыбкой, —
Поправь насосну цепь, капрал,
Её, конечно, по ошибке,
Сам господин ассессор снял.
И громче, не смутясь нимало;
— Пошла, родимая, пошла,
Ты рано, милая, устала,
У нас с тобой ещё дела.
Сказал, махнул рукой, и скоро
Была машина на ходу.
Канцелярист Мартынка Второй
Кричал, крестясь:
— Колдун, колдун!
Честной народ, чему дивитесь,
Не лучше ли отселе сбечь?

А Ползунов, как русский витязь,
Стоял высок, широкоплеч.
Камзол его распахнут красный,
И снежную покрыт пылью.
Улыбкой радостной и ясной
Простое светится лицо.

ЭПИЛОГ

Прошли года, но за морями,
Повадки прежние храня,
Всё мыслят
Нашими руками
Таскать каштаны из огня.
Прошли года, но за морями,
Нас дикарями окрестив,
Всё мыслят
Нашими руками
Жар загрести.
Как прежде, смотрят на Россию,
Забыв, по странной простоте,
Что времена теперь другие,
И русские — давно не те.
Но для господ бульдожьей хватки,
Чья память слишком коротка,
Мы можем сделать экскурс краткий
Хотя бы в средние века.
Ещё при Мудром Ярославе
Всегда у княжьего стола,

Как пишут в летописи,
В славе

Наука русская была.

А дочь его прощалась с Русью:
С отцом никак не сговоришь —
Ведь выдал замуж в захоlustье —
В заштатный городок Париж.
С собой

Родной земли напевы
И книги русские брала,
И чуть не первой королевой
В Европе

Грамотной была.

И не устала удивляться
От милой родины вдали,
Что не умеют расписаться
Бароны, графы, короли.
Есть также в летописях старых
О тех суровых днях рассказ,
Когда ордынские татары,
Лавиной двинулись на нас.

И был неслыханно жестокий,
Невиданно кровавый бой.

Стояла Русь лицом к Востоку,
Европу заслонив собой.
И чтоб из тьмы средневековья
Европа к свету поднялась,
Платила Русь своею кровью,
Что в этой битве пролилась.

И чтоб Рембрандт или Петрарка
Творить великое могли,
Во чистом поле,
В битве жаркой,
Сыны России полегли.

Когда ж страна моя мужала,
Кривой татарский нож сломав,
К нам иноземцы набежали
От всех наречий и держав.

Они наветом или лестью
Себе добыть стремились власть,
И почитали делом чести
В России что-нибудь украсть.

Британцы, немцы, фряжцы, свеи
Тащили, что стащить могли,
Тащили сало и идеи,
Чины и длинные рубли.

Но внуки их пусть помнят ныне,
И на столетия вперёд,

Что наши русские святыни
Народ советский бережёт.
И эдиссоновы потомки
Познали, в том сомненья нет,
Что насидятся те в потёмках,
Кто мнит похитить русский свет.
И ясно нынешним Маркони,
Что тем беды не миновать,
Кто стал за золотом в погоне
И честь, и совесть продавать.
Старинный спор решив по праву,
Мы клевету развеем в дым,
И ломоносовскую славу
Лавуазье не отдадим.
И мы не отдадим Уатту,
Что, иноземцам невпример,
В бореньи создавал когда-то
Мужик российский,
Сын солдата,
Алтайский горный инженер.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Иван ФРОЛОВ

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

Ему китайцы
 посылали
 вазу...
И до того ж
 на ней узор хорош,
Что подойдёшь —
 и зачарует сразу,
Да так,
 что целый день
 не отойдёшь.

Но есть в народе
 правило такое:
Чтоб друга жизнь
 была полным-полна,
Нельзя же вазу
 посылать пустою.
— Наполним рисом...
Мерок пять зерна.

Пошлём тому,
Кто побеждает горе,
Кто сеет радость, — говорил народ, —
Вот сколько будет
 в этой вазе зёрен —
Пусть столько лет
 и Сталин проживёт!

Борис ОРЛОВ

ВОЖДЬ

Когда вокруг рвались снаряды
И в битвах было горячо,
Казалось мне, со мною рядом
Вождя любимого плечо.

В пути, охваченном войною,
Был беспощаден мой свинец.
Шёл вождь невидимо со мною,
Как лучший друг мой и отец.

Спускалось небо тучей серой,
Металась смерть недалеко,
Но веяло спокойной верой
На нас от близости его.

Мих. ДЛУГОВСКИЙ

НА ВАХТЕ МИРА

Я сегодня встал на вахту мира,
Мои думы только об одном:
Чтоб в стране моей, в любой квартире
Дети спали тихим, мирным сном.

Не затем мы семьи оставляли,
С боем шли в далёкие края,
Чтоб враги тебя опять терзали,
Дорогая Родина моя.

Не затем у матери от горя
Сединой покрылась голова,
Чтобы снова враг из-за моря
Смог бы кровь народа проливать.

Не затем твои сыны, Отчизна,
На полях сражений полегли,
Чтоб опять губить людские жизни
Звери ненасытные могли.

Не позволим! Мы заткнём им глотки,
Мир крепя стахановским трудом.
На Алтае, в Минске, на Чукотке
Трудовую вахту мы несём.

В САЛАЙРСКОЙ ТАЙГЕ

Позёмка северная юрко
Свивает чёрствый снег в жгуты.
Простуженные пихты гулко
Поют на разные лады.

Морозной ледяною крупкой
Продут необжитый простор.
Дрожь пробирает в полушубках —
Застынешь в стёганке простой.

Но мы совсем не замечаем,
Что стынет в градусниках ртуть,
С утра погревшись сладким чаем,
В тайге прокладываем путь.

Труд согревает. И тепло нам
Итти бригадой на тайгу.
И весело летит по склонам
Бульдозеров могучий гул.

Отроги сносим амоналом;
И вот уже ложатся здесь
Облитые смолою шпалы,
Тяжёлые прогоны рельс.

И ничего, что мёрзнут ноги,
Лицо низовый ветер жжёт.
Южносибирская дорога
Всё дальше в глубь тайги идёт.

Здесь, улицей зелёной, скоро,
Гудком окликнув горы, лес,
Пройдёт блестящим метеором
Московский голубой экспресс.

Василий РАЗЛИВИНСКИЙ

В КИНО

Отчего, когда из тихой ложи
Я смотрю на трепетный экран,
Пробегает холодок по коже,
Искалеченной рубцами ран?

То, что здесь я вижу на экране, —
Ярость схваток, горе, муки, кровь —
Пережил я рано, очень рано,
Для меня и смерть друзей — не новь.

Я ведь сам, вот этими руками,
Задыхаясь, не жалея сил,
Сквозь огонь пронёс к победе знамя
И ни разу слёз не уронил.

А теперь, смотря на кровь и муки
Стариков корейских и детей,
Вновь сжимаю я до боли руки,
Протестую всей душой: «Не смей!»

Не близки земли корейской дали,
Но скажите, верные друзья,
Отчего же в этом тёмном зале
Слёз своих сдержать не в силах я?

А. М. Хмелев.

Обмен опытом

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

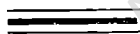
Владимир КУЧИЛК.

НЕ ПОЗВОЛИМ!

Над Кореей
Небо пламенеет,
Кровь течёт
По городским бульварам.
Хочет враг,
Чтоб висла над Кореей
Мраком тень
Разбойного доллара.
Чтоб корейцев
Заковало горе,
Чтоб связать народ
Нуждою злою,
Хищные
Пираты из-за моря
Кружат
Над корейскою землёю.
Но едины
У народов воля.
Гневные звучат
Над миром речи:
— Не позволим, янки,
Не позволим
Упиваться
Кровью человеческой!
Миру — мир
Отныне и навечно!
С берегов
Дуная,

Волги,
Сены
Люди доброй воли
Всех наречий
Шлют привет горячий
Ким Ир Сёну.
Непреклонна у народов воля.
Всюду говорят
Простые люди:
— Развязать войну
Мы не позволим!
Так должно быть!
Так оно и будет!

Перевод К. Козлова.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

НА ЮЖСИБЕ

Глушь. Тайга.
Прохладный, синий вечер.
Пламенея, как кузнечный горн,
Солнце опускается на плечи
Салаирских каменистых гор.

А когда взошёл ему на смену
Месяц над просторами лесов.
Полог неба, словно автогенном,
Осветился золотом костров.

Напряжённо, с боевым напором,
Днём и ночью, не сбавляя ход,
В лес рубаясь и взрывая горы,
Двигались строители вперёд.

И, стремясь из гор в степные дали,
Раздвигая сосен тесный строй,
Новый путь сибирской магистрали
Двигался стальной полосой.

Ранним утром, то и дело кроясь
В белизне дымящихся завес,
Долгожданный, гулкий первый поезд
Огласил гудком дремучий лес.

Борис ВАХРУШЕВ

ЗОЛОТОЕ ОЗЕРО

(пьеса в 3 действиях, 6 картинах).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Константин Зорин	}	Выпускники политехнического института
Юрий Молчанов		
Семён Григорьевич Березин		Директор института
Ирина Гусева	}	Студентки сельскохозяйственного института
Ольга Иванова		
Чечек Ялатаева		
Сергей Дубровин		Корреспондент краевой газеты
Зоя Зорина		Ученица 10-го класса
Вася Ермаков		Бригадир молодёжной бригады

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Один из живописных уголков Горного Алтая на берегу Телецкого озера. Небольшая поляна, окаймлённая густым кустарником. Пологий травянистый склон ведёт вниз, к озеру. Сзади, насколько хватает глаз, открывается величественная панорама гор.

На краю поляны, у ствола могучей лиственницы, стоит палатка с опущенным пологом. Между шестью палатки натянут провод антенны. Справа устроен походный очаг с двумя рогатками для котелка.

Раннее утро. Тишина.

Вдруг, вспугнув эту чуткую тишину, хлопнул далёкий выстрел и прокатился эхом по вершинам гор.

Из палатки выглянули две девушки.

Ирина. Слышишь?.. Стреляет кто-то.

Зоя. Это Костя за кураном охотится.

Ирина. Идёмте на озеро, девушки! (Обращаясь к кому-то в палатке). Ольга, пора вставать. Сегодня твоё дежурство.

Ольга. (Из палатки). Слышу...

Зоя. Готовь чай, а мы с Ириной — умываться.

Ирина. (Выходя из палатки). Чудесное утро сегодня!

Зоя. Красота!.. Смотри, как озеро играет: то синее-синее, то вдруг будто золотом подёрнется.

Ирина. Недаром алтайцы зовут его «Алтын-Куль» — Золотое озеро.

Зоя. Хорошо здесь, уезжать не хочется. Давайте-ка останемся ещё на недельку.

Ирина. Нет, надо ехать.

Зоя. А куда нам спешить? До сентября ещё далеко...

Ирина. Пора в город. К докладу надо готовиться.

Зоя. А если бы Юрий был с нами, ты бы осталась?

Ирина. (С улыбкой). Может быть.

Зоя. Ты любишь его?

Ирина. (Уклончиво). Идём умываться.

Зоя. (С ноткой ревности). Любишь... Я вижу.

Ирина. Ты как будто осуждаешь меня. Разве Юрий тебе не нравится?

Зоя. Отчего же?.. Совет вам да любовь.

Ирина. Нет, ты чего-то не договариваешь. Чем же Юрий не хорош?

Зоя. Всем хорош. Идём умываться.

Ирина. Нет, постой, не хитри. Чем ты недовольна?

Зоя. Я о Косте думаю...

Ирина. При чём же тут Костя?

Зоя. Ты даже не замечаешь, что братец мой влюблён в тебя.

Ирина. Что за фантазия!.. Откуда ты взяла?

Зоя. Я давно вижу. Он очень переменился, особенно за эту поездку. У него дома дипломный проект не закончен, а он здесь стихи читает.

Ирина. Ты преувеличиваешь, Зоя. Костя и здесь занят своим проектом, а ко мне он относится просто, как друг.

Зоя. Я ему намекну, чтобы он не надеялся.

Ирина. Нет уж, Зоя, я тебя прошу: пожалуйста, никаких намёков!

Зоя. Должен же он знать правду!

Ирина. Костя — взрослый человек. Он сам во всём разберётся. (Из палатки появляется Ольга).

Ольга. Ох, какой мне сон снился, девушки!

Ирина. Что-нибудь романтическое?

Ольга. Ужас! Представьте себе: разразился тропический ливень. Жуткая гроза. Потоками воды смываются наши палатки. Мы остаёмся без крова, без пищи, без огня и укрываемся в пещере между скал. Вдруг сверху обваливается огромный камень и закрывает выход из пещеры. Мы погребены заживо!..

Зоя. Прямо как в заграничном фильме.

Ольга. Но вдруг появляется... Кто бы вы думали?

(Появляется Сергей. У него усталый вид).

Сергей. Доброе утро, девушки!

Ирина. А, Серёжа!.. Наконец-то.

Сергей. Не найдётся ли воды для усталого путника?

Зоя. (Подавая воду). Пожалуйста.

Ольга. Куда вы исчезли вчера? Мы уже стали беспокоиться.

Сергей. (Присаживаясь у очага). Ну и поход был, девушки! Как говорится — по долинам и по взгорьям... Чуть не заблудился, честное слово. Вдруг слышу выстрел и вижу — Костя крадется с ружьём. Хорошо ещё, что он не принял меня за горного козла!

Ольга. (Смеётся). Где же вы были?

Сергей. Целый день провёл в соседнем колхозе, среди алтайцев. Интереснейшие люди! Обязательно напишу очерк для нашей газеты. Вот, кстати, свежие номера. (Достаёт газеты). Мне было так приятно купить их в далёком горном селе! А это вам подарок. (Передаёт Ольге свёрток).

Ольга. От кого?

Сергей. От одной девушки — алтайки. Мы ездили вместе на горное пастбище и успели подружиться.

Ольга. Интересно. (Развернула свёрток). Сыр! Честное слово — сыр!

Зоя. Красота! У нас как раз продукты на исходе.

Ирина. Кто же эта девушка? И откуда она нас знает?

Сергей. Она комсомолка, дочь знатного чабана Ялатая Кыдыева. Окончила среднюю школу и собирается в город учиться. Ну, я, конечно, рассказал о вас и о вашем институте.

Ирина. Вы не спросили, как её зовут?

Сергей. О, у неё красивое имя: Чечек.

Зоя. Чечек?

Сергей. Чечек — по-алтайски «цветок».

Ольга. (Не без ревности). Что же, она хороша собой?

Сергей. Смелая девушка. Прекрасно ездит верхом, стреляет без промаха.

Ольга. Да, романтично... Однако, пора готовить завтрак. Сегодня будут бутерброды с сыром.

Сергей. Пойду на озеро, немного освежусь.

Ирина. Идёмте вместе, Серёжа. Вы нам ещё расскажете о своих похождениях.

Сергей. С удовольствием.

Ирина. Давай чайник, Оля, я воды принесу. (Ирина, Сергей и Зоя уходят к озеру).

Ольга. (Задумчиво). Ездит верхом и стреляет без промаха...

А я не умею. (Скрывается в палатке).

(Слева появляется Константин Зорин. В руках у него охапка хвороста, за плечами — ружьё).

Костя.

Много лет я, голубой Алтай,
По тебе бродил из края в край,
Но не пел, не славил до сих пор
Красоту твоих долин и гор.

Ты и в прошлом, помню, был красив,
Но угрюм, задумчив, молчалив,
И сокровища в груди своей
Ты хранил, как тайну, от людей...

Ольга. (Выходя из палатки). Доброе утро, Костя!

Костя. Здравствуй, Оля.

Ольга. Где ваши трофеи, отважный охотник?

Костя. (Сбрасывая хворост). Вот, принимайте.

Ольга. А где же горные козлы?

Костя. Там... бегают.

Ольга. Завтра я тоже пойду на охоту. Хочу научиться стрелять.

Костя. Ну, тогда козлам придётся худо! (Прислушивается).
А почему молчит наше радио?

Ольга. Приёмник, Костя, опять не работает. Придётся вам чинить.

Костя. После завтрака. А сейчас давайте разжигать костёр. Есть хочется.

Ольга. (Укладывая сучья в костёр). А ведь неплохо мы здесь устроились, правда, Костя? Горные вершины вдали, чудесное озеро со странным названием «Алтын-Куль»... Настоящая романтика!

Костя. Дышится здесь легко и думается хорошо. Не зря я взял сюда свои чертежи. Мы с Юркой работаем над одним проектом...

Ольга. Я слышала. Юрий говорил, что это новое слово в технике.

Костя. (Смеётся). Ну, это уж слишком громко... Так вот, вчера пришла мне в голову занятная мысль: что, если режущий диск заменить непрерывно движущейся лентой? Вы понимаете, что это даёт?

Ольга. Нет, не понимаю.

Костя. Очень просто: возможность фигурной резки. Диск неповоротлив, он может дать только прямой рез, а лента может выписать любую линию, прямо с чертежа. Понимаете?

Ольга. (Умоляюще). Костенька, я же агроном, я лесовод...

Костя. Ах, да, простите, Оля... Жаль, Юрия нет, посоветоваться не с кем. Вдвоём мы бы всё продумали, и в октябре могли бы попробовать наш автомат на заводе.

Ольга. Почему же Юрий не поехал с нами?

Костя. Говорит, какие-то домашние дела.

Ольга. Понятно. К свадьбе готовится.

Костя. К свадьбе? С кем?

Ольга. Да вы что — с луны свалились? У нас весь институт знает.

Костя. Ничего не понимаю... Юрка собирается жениться? Вот те на! На ком же?

Ольга. На Ирине, конечно.

Костя. (Изумлён и растерян). На Ирине?..

Ольга. Неужели Юрий вам ничего не рассказывал? А ещё друзья называются! (Смеётся). Ну, разжигайте костёр, а я пока посуду вымою. (Уходит к озеру).

Костя. (Оставшись один). Вот какие дела, Константин Ильич...

(Задумавшись, он зажигает спичку, но забывает про костёр. Спичка горит у него в руке, пока не обжигает пальцы. Входит Ирина с чайником).

Ирина. Здравствуйте, Костя. Вы, кажется, обожглись?

Костя. Да... Обжёгся.

Ирина. Держитесь за ухо. Говорят, помогает.

Костя. (Грустно улынувшись). Не поможет. (Зажигает костёр).

Ирина. Чудесное утро сегодня, правда? (Вешает чайник над костром). Вода в озере такая холодная и чистая-чистая, каждый камешек на дне виден. И небо здесь удивительное, не такое, как в городе, правда? (Костя молчит). Сегодня ночью я долго смотрела на звёзды и нашла среди них Юпитер (Смеётся). Это Юрий меня научил. Однажды зимой он всю ночь рассказывал мне о звёздах и чуть не заморозил меня... Костя, какое сегодня число?

Костя. Десятое августа.

Ирина. Значит, послезавтра едем домой?

Костя. Вы так торопитесь в город?

Ирина. Да, надо готовиться к докладу. Ведь мы с Ольгой собрали интереснейший материал.

Костя. (Рассеянно). Как же будет называться ваш доклад?

Ирина. «Перспективы садоводства на Алтае». Мы побывали на горно-алтайской опытной станции, у Лисавенко. Это поистине чудесный сад, Костя! И такие сады могут быть всюду, было бы желание работать.

Костя. Хорошо... Как это у Чехова: «Вся Россия наш сад».

Ирина. И Сибирь для этого не хуже всякого другого места на земле.

(Появляются Ольга, Зоя и Сергей).

Ольга. (Подходя). Ну, как чай, Иринка?

Ирина. Сейчас закипит.

Ольга. Прошу садиться, друзья. Серёжа, вот ваша кружка.

Зоя. А где же бутерброды?

Ольга. Не торопись. Вот почитай пока газету. Серёжа, держите сахар... А это — сверх нормы. Вы сегодня заслужили.

Ирина. Ольга, ты злоупотребляешь правами дежурного!

Ольга. Смотри лучше за чайником.

Ирина. Чай готов. Прикажете наливать?

Ольга. Наливай. Костя, подвигайтесь ближе.

Зоя. (Просматривая газету). Недавняя, за 6-е августа...

Ольга. Прошу не стесняться. Сахар у всех есть?

Зоя. (Заинтересовавшись газетной заметкой). Смотри, Костенька, здесь о вашем институте!

Костя. Что такое? Ну-ка читай вслух.

Зоя. Вот. «Молодые инженеры». А здесь про Юрия Молчанова.

Ирина. Про Юрия?..

Костя. Ну, ну, интересно.

Зоя. (Читает). «Студент-отличник Политехнического института Юрий Молчанов, проходивший практику на машиностроительном заводе, предложил оригинальный способ автоматической разметки сложных деталей машин. Автомат Юрия Молчанова, снабжённый селеновым фотоэлементом, с большой точностью переносит чертёж на стальной лист, сокращая время разметки в 5—6 раз. Молодому изобретателю объявлена благодарность Министерства».

Ольга. Вот так Юрий!.. Какой молодец, а? (Целует Ирину). Поздравляю тебя!

Ирина. (Смутившись). При чём же тут я?

Костя. (Зое). Зоя, читай дальше.

Зоя. Всё. Больше ничего не написано.

Костя. Дай-ка сюда. (Берёт у Зои газету, пробегает глазами заметку). Так... (Встаёт и закуривает).

Ольга. Садитесь, Костя. Вот вам ещё бутерброд.

Костя. Спасибо, Оля, не хочется... Я пойду почищу приёмник. (Уходит к палатке).

Ольга. (Что-то вспоминая). Постойте-ка товарищи... Одну минутку! (Идёт вслед за Костей). Я вам помогу, Костя.

Костя. Не надо, Оля. Пейте чай.

(Костя склоняется над приёмником. Дальнейшая сцена идёт перед палаткой).

Ольга. Скажите, Костя, в газете описан тот самый станок, о котором вы мне рассказывали?

Костя. Да... То-есть не совсем.

Ольга. Вы говорили, что работали над проектом вместе? Так или нет?

Костя. Допустим.

Ольга. Почему же там написано только про Юрия?

Костя. Не знаю... Не будем об этом говорить.

Ольга. Нет, будем. Я считаю это свинством со стороны вашего друга.

Костя. Напрасно. Идея проекта принадлежит Юрию, а я кое-в чём помогал ему. Вот и всё.

Ольга. Зачем вы прибедняетесь, Костя? Зачем оправдываете его? Ведь вам тяжело, — я вижу.

Костя. (Искренно). Да, Оля, мне нелегко. Конечно, в этом автомате вложен и мой труд. Но что же мне делать? Что?.. Вы думаете — я обижен тем, что не получил благодарность министра и не попал в газету? Тогда вы ничего не поняли, Оля, ничего. Мне обидно за то, что Юрий остановился на полпути, остановился там, где начались трудности. Он сократил время разметки в пять раз и успокоился. Да разве о таком автомате мы мечтали? Что толку в быстрой разметке, если резать металл будут по-старинке — автогенном или ножницами?.. Заводы ждут такой автомат, который режет легированную сталь, как бумагу. Режет, а не размечает, понимаете?

Ольга. Я понимаю только одно: вам надо продолжать работу.

Костя. Нет, Оля. Я подаю в отставку.

Ольга. Это уж, простите, глупо.

Костя. Я не хочу примазываться к его изобретательской славе.

Ольга. А как же ваш дипломный проект? Ведь скоро экзамены...

Костя. Что-нибудь придумаю... «Проект мясорубки, — новое слово в кулинарии». Чем не тема для диплома?

Ольга. Всё это совсем не смешно.

(К палатке подходит Ирина).

Ирина. О чём вы здесь секретничаете?

Ольга. Так... Чиним приёмник.

Ирина. А мы решили взобраться на эту скалу.

Ольга. Вот это мысль! Восхождение на Пик Смерти... Обожаю романтику! (Уходит к костру).

Зоя. Мы свяжемся вместе. Серёжа, держите верёвку!

Ольга. Не бойтесь, друзья, я пойду впереди!

(Ольга, Сергей и Зоя уходят, оживлённо беседуя, Ирина задержалась у палатки).

Ирина. А вы, Костя?

Костя. Я посижу здесь.

(Доносится голос Ольги: «Ирина, где же ты?... Вперёд, друзья!»).

Ирина. Как странно слышать музыку здесь, в горах... Это Рахманинов?

Костя. Да. (Пауза). Вы, кажется, выходите замуж, Ирина?

Ирина. Кажется, да... Но я никак не могу привыкнуть к этим словам: выхожу замуж... (Смеётся). Как странно! И радостно, и грустно, и чувствую, что не во-время: перед экзаменами. Хотя бы вы посоветовали, Костя.

Костя. Юрий — мой друг. Я рад за него и за вас.

Ирина. Спасибо... У вас усталый вид, Костя. Вы нездоровы?

Костя. Пустяки. Всё в порядке, Ирина. Всё в порядке.

(Доносится голос Ольги: «Ирина, где же ты?.. Вперёд, друзья!»)

Ирина. Иду, иду... Счастливо, Костя. (Уходит).

(Костя смотрит ей вслед. Всё громче звучит музыка Рахманинова, скорбная и мужественная).

Костя. Ничего. Всё в порядке.

Занавес.

Комната девушек в студенческом общежитии. Две кровати. Над одной из них — коврик с изображением витязя в тигровой шкуре, фотографии популярных артистов. Другая кровать не застелена, на ней в беспорядке сложены разные вещи, платья, книги. Раскрытый чемодан стоит посреди комнаты. Девушки собирают Ирину в дорогу.

Зоя. (Оправив на Ирине платье). Ну, вот. Невеста готова.

Ольга. А ну-ка, покажись... (Критически осматривает подругу). Ох, и хороша ты сегодня, Иринка! (Обнимает её). Красавица моя!.. Не стоило бы отпускать тебя вот так, без свадьбы. Юрий должен был похитить тебя из-под семи замков. Или взобраться в окно по верёвочной лестнице и унести тебя на руках.

Ирина. (Смеётся). Зачем же лестница? Ведь это — первый этаж.

Ольга. В любви должна быть романтика, борьба, таинственная дымка. А у вас как-то просто получилось. Легко ты ему досталась.

Ирина. Мы не Ромео и Джульетта. Никто нам не мешал, никто не неволил.

Зоя. Ты будь с ним построже, а то он загордится.

Ольга. Характер-то у него, как видно, не из лёгких. Самолюбив очень.

Ирина. Ах, девушки, как мало вы его знаете!..

Ольга. Конечно, тебе лучше знать... Что же, давайте собирать приданое.

Зоя. (Укладывая вещи в чемодан). Сначала положим коврик, потом книги.

Ольга. (Достала большой медный чайник). Чайник не забудь!

Ирина. Чайник я оставлю. У Юрия, наверное, есть.

Ольга. Мало ли что у Юрия есть! Ты должна явиться со своим имуществом. Это придаёт независимость.

Зоя. Правильно. Пусть он видит, что ты и без него не пропала бы.

Ирина. (Смеётся). Да что вы, девчата, будто к врагу меня провожаете! Ведь мы же любим друг друга...

Ольга. Любовь — явление непостоянное, а это — материальная ценность, недвижимое имущество. Бери чайник, тебе говорят!

Ирина. Хорошо, беру.

Зоя. (Укладывая вещи). Это платье — сверху. Пусть он видит: креп-де-шин всё-таки.

Ольга. А это — конспекты. Органика и семеноводство.

Ирина. Пусть остаются у тебя. Всё равно ведь готовиться будем вместе.

Ольга. Бери, бери... Закрывай, Зоя.

Зоя. (Поднимая чемодан). Ого, тяжёлый!

Ольга. Заставим Юрия нести. Пусть привыкает к семейной жизни.

Зоя. (К Ирине). А как ты с фамилией решила? Переменишь?

Ирина. Нет, решила оставить свою.

Ольга. Правильно. Главное — независимость.

(Стук в дверь).

А вот и он, герой романа.

Ирина. Войдите.

(Входит Юрий Молчанов).

Юрий. Здравствуйте, девушки. Извини, Ирина, я немного за-
держался.

Ольга. У вас очень внушительный вид, Юрий. Приобрели шляпу!

Юрий. Да, купил на днях...

Ольга. Конечно, шляпа вам необходима. Ведь вы теперь зна-
менитость.

Юрий. (Польщён). Ну, какая там знаменитость!.. Ты готова,
Ирина?

Ирина. Я сейчас.

Юрий. (Зое). Как поживаешь, Зоя? Довольна путешестви-
ем по Алтаю?

Зоя. (Холодно). Очень.

Юрий. А Костя? Почему он ко мне не заходит?

Зоя. А почему бы вам самому не зайти?

Юрий. Гм... Загляну.

Ольга. Как же со свадьбой, Юрий Александрович? Ведь не-
удобно получается: уводите от нас лучшую красавицу, гордость ин-
ститута — и никакой романтики.

Юрий. Свадьба будет, девушки, и очень скоро. На днях полу-
чу деньги за свою машинку и — милости прошу ко мне.

Ольга. И много вам заплатят?

Юрий. (Небрежно). Тысяч пять... Думаю, на свадьбу хватит.

Ольга. Солидно! Это за тот автомат, который...

Юрий. Автомат-разметчик системы Юрия Молчанова. Слыша-
ли, наверное?

Ольга. Да, кое-что слышали...

Ирина. Это правда, Юра? Ты получил премию?

Юрий. Дело верное, приказ уже подписан.

Ольга. Берегите жену, Юрий, слушайте её во всём. Если
Ирина на вас пожалуется, мы её обратно заберём.

Юрий. (Обняв Ирину, смеётся). Не отдам!..

Ирина. Идём, Юра. Я готова.

Ольга. Мы проводим вас до трамвая. Юрий, берите чемодан.

Юрий. Слушаюсь. (Поднимает чемодан). Ого, тяжело!

Ольга. Привыкайте. Дальше будет ещё тяжелее... Держите
чайник.

Юрий. А это зачем?

Ольга. Как зачем? Солидная вещь, совсем новый чайник... Об-
ратите внимание — Ирина к вам идёт не бесприданницей из дра-
мы Островского...

Юрий. Да ей ничего и не нужно. У меня всё есть.

Ольга. Это вы оставьте, Юрий Александрович. Ирина — чело-

век самостоятельный, независимый. Между прочим, персональную стипендию получает...

Ирина. (Умоляюще). Оля!

Ольга. Хорошо, хорошо, идём. (Пропуская Юрия). Прощу вас, Юрий Александрович.

(Все уходят. Ирина задержалась у дверей, оглянулась).

Ирина. Прощай, милая седьмая комната!.. Спасибо за всё, за всё... (Ирина уходит. Некоторое время сцена пуста, затем раздаётся стук в дверь и с букетом цветов входит Костя).

Костя. Ушли... (осмотрел опустевшую комнату). Ну, что же, закурим, Константин Ильич. Как это говорится: «Благословен и день забот, благословен и тьмы приход...» (Закуривает).

(Быстро входит Юрий).

Юрий. (Заметив Костю). А, Костя!.. Здорово, старина (Подает руку). Ты что же не заходишь?

Костя. Некогда.

Юрий. Шляпу оставил, понимаешь... Ага, вот она.

Костя. Значит, дело в шляпе?

Юрий. (Смеётся). Вот именно!.. (Внимательно взглянув на Костю). Ты, собственно, о чём?

Костя. Так, о разном. Поздравляю тебя.

Юрий. Спасибо. Значит, ты читал эту газету? Приятно, конечно. Только ты не подумай, что я...

Костя. Не думаю. Я совсем о другом.

Юрий. О чём же?

Костя. Об Ирине. (Подает цветы). Поздравляю.

Юрий. А, спасибо... Попал, как видишь, в женихи и даже в мужья. (Берёт букет). Это Ирине передать?

Костя. Как хочешь. (Пауза). Ну, будь здоров. (Идёт к двери).

Юрий. Подожди, Костя. Садись, потолкуем.

Костя. О чём?

Юрий. Довольно притворяться! Ты отлично знаешь о чём.

Костя. (Не садясь). Давай, потолкуем.

Юрий. (Доставая из кармана лист бумаги). Читай.

Костя. Что это?

Юрий. Приказ директора завода. Пять тысяч рублей премиальных. Половина — твои.

Костя. За что же такой подарок?

Юрий. (Взорвался). Ты что, издеваешься?

Костя. Нет, просто удивляюсь. Я читал в газете о твоём изобретении, но при чём же тут я?

Юрий. Понятно... Я догадываюсь, что ты сейчас думаешь! «Юрий Молчанов, с которым я работал вместе и которому я доверял, оказался подлецом и предателем...» Так?

Костя. Не смею спорить.

Юрий. «Воспользовавшись тем, что меня нет в городе, он выдал наше общее изобретение за своё и присвоил себе чужие лавры». Так?

Костя. Лавры принадлежат тебе по праву. Я совсем не думал об автомате-разметчике.

Юрий. Ну да, мы мечтали об электромеханической резке. Больше года возились с этой затеей и почти ничего не достигли. Я советовался с инженером Бельским. Он прямо сказал, что это чепуха, фантазия. В лучшем случае катодный диск может ползти по несколько сантиметров в час. Кому нужен такой автомат? Бельский посоветовал применить наш автомат для разметки и не терять времени даром.

Костя. При чём же тут я? Отдай половину премии Бельскому — за то, что он струсил вместе с тобой.

Юрий. Ну, знаешь...

Костя. Конечно, он прав: диск пока ползёт медленно, несколько сантиметров в час. Но он ползёт, чёрт возьми! И для того у тебя голова на плечах, чтобы он двигался во сто раз быстрее. А ты его совсем остановил. Ты заменил режущий диск карандашиком для разметки и решил, что одержал победу.

Юрий. Оставь этот тон! Я принёс пользу заводу и горжусь этой премией. Мой автомат уже работает, а проблема скоростной анодно-механической резки сомнительна.

Костя. Понятно: лучше синицу в руки, чем журавля в небе... Ты очень боишься ошибиться, Юрий. Это может испортить твою репутацию, и не дай бог — Юрий Молчанов не получит диплома с отличием!

Юрий. (Едва сдержавшись). Я его получу. А ты... Ты ещё о многом пожалеешь, ещё придёшь ко мне!

(Взял шляпу и ушёл, хлопнув дверью).

Костя. Может быть, пожалею... Но не приду. (Берёт цветы, оставленные на столе). Не взял... Ну, что ж, правильно.

(В комнату с чемоданом в руке вошла Чечек Ялатаева. Заметив Костю, остановилась в нерешительности).

Чечек. Простите...

Костя. (Обернувшись). Что?

Чечек. (С чуть заметным акцентом). Это седьмая комната?

Костя. Не знаю... Не помню.

Чечек. (Окончательно смутившись). Я посмотрю ещё раз. (Выходит за дверь и возвращается). Седьмая... Но вы не Ирина Гусева.

Костя. Нет, я Константин Зорин.

Чечек. Значит, я не туда попала. Простите. (Хочет идти).

Костя. Нет, нет, всё правильно. Здесь жила Ирина Гусева, а я... Я здесь случайно.

Чечек. Мне сказали, что здесь свободная койка.

Костя. Да, да... Извините.

Чечек. Я буду учиться в институте. (Улыбнувшись). Меня приняли.

Костя. (Тоже улыбнулся). Очень хорошо.

Чечек. Я из Караташа. Меня зовут Чечек.

Костя. (Смотрит на девушку, что-то вспоминая). Я, кажется, слышал о вас. Чечек по-алтайски цветок?

Чечек. (Смущённо). Да.

Костя. До свидания.

Чечек. До свидания.

(Костя идёт к двери, затем возвращается и подаёт девушке букет).

Костя. Возьмите, Чечек. Это вам от меня. Приезжих друзей ведь встречают цветами.

Чечек. Спасибо. Но мы ведь ещё не друзья...

Костя. Теперь обязательно будем друзьями!

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Вестибюль городского спортивного клуба. Широкая дверь с табличкой «Спортивный зал», указатель со стрелкой — «В гардеробную». У входа висит большая афиша: «Первенство края по боксу» с фамилиями участников соревнования.

Из зала доносится гул многих голосов, бодрая музыка марша.

Вася Ермаков стоит у входа, нетерпеливо поглядывая по сторонам. Это добродушный парень лет 19, атлетического сложения. Стрижка «бокс», куртка спортивного покроя.

Увидев Зою Зорину, Вася идёт ей навстречу.

Зоя. Я не опоздала, Вася?

Вася. Нет, ещё не начинали.

Зоя. Как ты себя чувствуешь, чемпион?

Вася. (Скромно). Пока ещё не чемпион. Дорожкина побить надо.

Зоя. Страшновато?

Вася. Волков бояться — в лес не ходить. Немного волнуюсь, конечно... Хорошо, что ты пришла.

Зоя. Ты не опоздаешь?

Вася. Успею, я в третьей паре. Вот... (Указывая на афишу) — «Дорожкин — Ермаков. Средний вес».

Зоя. Опасный у тебя противник.

Вася. Да, хитёр... (Помрачнев). Знаешь, они ведь у нас знамя отобрали.

Зоя. Как отобрали?

Вася. Так получилось, понимаешь. Обошли нас разметчики. У Дорожкина — 212 процентов, а у нас 140. Дорожкин форс держит: придётся, говорит, к нам знамя-то перенести, а то у вас за три месяца немного запыхалось... Ну, и перенесли.

Зоя. Ай-ай-ай! Как нехорошо!

Вася. Ну, ничего, я ему сегодня за всё наложу. На ринге расчитаемся.

Зоя. Кулаками, Вася, знамя не вернёшь. Работать надо лучше.

Вася. Да разве мы плохо работаем? Ведь это почему так получилось, почему разметчики нас обогнали? Установили, понимаешь, у них в бригаде автомат, он за них всё дело делает. А к нам-

то деталь поступает после автогенной резки, край неровный, оплывший. Пока её обрабатываешь, уйма времени уходит. Дорожкин ухмыляется: буксир, говорит, вам не требуется? (Разминая плечи). Ох, и всыплю я ему сегодня!

Зоя. Всыпать ему, конечно, надо. Но как же со знаменем? Неужели их обогнать нельзя?

Вася. Посмотрим... Мы тоже кое-что придумали.

Зоя. Что же вы придумали?

Вася. Новый станок. (Таинственно). Но это пока секрет... Видишь, твой брат у нас в цехе вроде помощник мастера, — практику сдаёт. Вот мы и собрались однажды после смены...

Зоя. (С интересом). Ну, ну?

Вася. Ну, и побеседовали... Но это пока секрет.

(Входят Ольга и Чечек).

Ольга. Заходи, Чечек, чего ты боишься? Это же бокс, физкультура, понимаешь?

Чечек. Но ведь они будут драться...

Ольга. Вот чудачка! Это же совсем не опасно. Они надевают вот такие перчатки, — и ничего страшного. Ты смотрела «Последний раунд»?

Чечек. Нет, не пришлось...

Ольга. Жуткая картина! Там один боксёр убивает на ринге трёх человек.

Чечек. Он тоже надевал перчатки?

Ольга. Конечно, это совсем не опасно. (Заметив Васю и Зою). Вот, кстати, можешь познакомиться с настоящим боксёром. Это — будущий чемпион.

Вася. (Раскланиваясь). Василий Ермаков. Средний вес.

Чечек. Очень приятно.

Ольга. А это — Зоя, сестра Кости. Она была вместе с нами на Алтае.

Зоя. Вот вы какая... Чечек. (Подавая ей руку). Ваш сыр мы съели с удовольствием.

Чечек. На здоровье.

Ольга. Вася, объясните этой девушке, что бокс — совсем не опасный спорт.

Чечек. Ты же сама рассказывала, что боксёр убил трёх человек.

Вася. (С ноткой превосходства). Ах, это в «Последнем раунде»? Известное дело — Америка. Там боксёр дерётся, чтобы на хлеб себе заработать. Ну и убивают, конечно, для рекламы. А у нас — вполне культурно, без конкуренции. Зачем мне, скажем, Дорожкина убивать? Он тоже комсомолец, на одном заводе со мной работает... Всыпать ему, конечно, надо, но это, так сказать, по производственной линии, личные счёты.

Ольга. Значит, в перчатках совсем не больно?

Вася. Как вам сказать... Больно не больно, а искры из глаз вылетают, и звон, конечно, в голове. Вот, например, короткий боковой удар... (Показывает один из приёмов). Если не успеешь за-

щититься — кислая вещь. Или удар снизу в челюсть, — тоже, будь здоров! А вообще — приятный спорт. Да вы идите в зал, сами увидите.

Ольга. Идём, идём, Чечек! (Увлекает подругу в зал). Вася, желаем вам успеха!

Вася. Спасибо!

(Входят Костя и Сергей).

Зоя. Костенька, скорее! Сейчас начинается.

Костя. Здорово, Василий. Как настроение?

Вася. Боевое, Константин Ильич.

Костя. (Сергею). Это Василий Ермаков.

Сергей. (Подавая Васе руку). Мы знакомы. Я бывал у них в триста десятом цехе.

Вася. Статью вашу насчёт передовой техники мы читали. Очень правильная статья.

Сергей. Приятно слышать.

Вася. (Косте). Ну, как, Константин Ильич, принесли чертежи?

Костя. Принёс. Отойдём в сторонку... (Отошёл, развернул чертёж). Вот какие дела, Василий Васильевич. Главное — вот эта стальная движущаяся лента... (Показывает). Здесь она смачивается электролитом... Этот шатунок крепится подвижно, как будто на шарнире. Его и сделай для начала. Сумеешь?

Вася. Что за вопрос? Шестой разряд...

Костя. Только не торопись и никому не болтай, а то засмеют нас с тобой.

Вася. Ну, уж если получится, — не видать Дорожкину знамя, как пить дать!

Костя. (Улыбнулся). Эх, Вася, неверно ты рассуждаешь...

Вася. Как неверно?

Костя. Видишь в этом только личную сторону, только с Дорожкиным воюешь... А ты смотри дальше, Вася! Разве Дорожкина нам обогнать надо, разве в этом главная задача?

Вася. Это вы насчёт того... Америки?

Костя. (Смеётся). Вон ты куда хватил!.. А в общем — правильно. Именно насчёт того. Значит, Дорожкин — наш друг и союзник.

Вася. Понятно, Константин Ильич. Сделаю. (Берёт у Кости чертёж). Но Дорожкину я всё-таки наложу, как союзнику.

Костя. Это другое дело!.. (Подает руку). Ну, Вася, желаю успеха.

Вася. Спасибо.

Костя. Смотри в оба: Дорожкин — опасный боксёр.

Вася. Да уж постараюсь...

Костя. (Сергею). Идём, Серёжа. Там, кажется, началось.

(Уходит в зал вместе с Сергеем. Из-за двери доносятся аплодисменты).

Зоя. Васенька, я тоже пойду. Буду за тебя болеть. (Подает небольшой свёрток). Это тебе подарок... на счастье.

Вася. Что это такое?

Зоя. Потом посмотришь.

Вася. Спасибо. Садись поближе к рингу, чтобы я тебя видел.

Зоя. Хорошо, хорошо. Иди, Васенька!

(Зоя скрывается за дверью. Вася развернул подарок. Это голубая майка с вышитой красным шёлком звёздочкой и буквами «В» и «Е». Со счастливой улыбкой Вася идёт налево. Появляются Юрий и Ирина).

Юрий. А, Ермаков, здравствуй!

Вася. (Задержавшись). Здравствуйте, Юрий Александрович!

Юрий. Ты ещё не выступал?

Вася. Сейчас моя очередь. Иду одеваться.

Юрий. А что, Василий, побьёшь Дорожкина?

Вася. Всё может быть...

Юрий. Знакомься, Василий: это моя жена, Ирина.

Вася. Понятно....

Юрий. Что это за чертежи?

Вася. Так, небольшое дело. В международном масштабе.

Юрий. (Смеётся). Ого! Ну-ка, покажи... (Внимательно смотрит на чертёж, затем на Василия и снова на чертёж). Что это?

Вася. (Показывая). Это движущаяся стальная лента. Здесь она смачивается электролитом...

Юрий. Откуда у тебя эти чертежи?

Вася. Это пока секрет, Юрий Александрович...

Юрий. Понятно. (Напряжённо рассматривает чертёж). Всё по-новому. Он всё ещё верит.

(Из-за двери слышны аплодисменты и гул голосов).

Вася. (Заторопился). Извините, мне пора. (Берёт у Юрия чертёж).

Ирина. Желаю вам успеха, Вася!

Вася. Спасибо. (Уходит).

Ирина. Хороший паренёк. Только зачем он боксом занимается?

Юрий. (Думая о чём-то своём). Ну, что ж, посмотрим...

Ирина. Что с тобой, Юра? Ты чем-то расстроен?

Юрий. Нет, нет... Тебе показалось.

(Из зала выходят Ольга и Костя).

Ольга. Только дайте мне слово, что не обманете.

Костя. Обязательно приду.

Ольга. И Сергея с собой захватите. А то он не вылезает из редакции. Значит, часам к восьми мы вас ждём. Договорились?

Костя. Договорились.

Ольга. (Заметив Ирину и Юрия). А вот кстати и молодожёны!.. Здравствуйте, Юрий.

Юрий. Добрый вечер. (Не взглянув на Костю, проходит в зал).

Ирина. (Ему вслед). Куда же ты, Юра?.. (Неловкая пауза). Он чем-то расстроен сегодня.

Ольга. Посмотрит бокс — развеселится... Ты не забыла, Ирина, что послезавтра — день моего рождения?

Ирина. Помню. Тебе исполняется 23 года.

Ольга. Не будем уточнять... Так вот, друзья мои, приглашаю вас во вторник на скромный студенческий ужин. Мы с Чечек будем вас ждать в лучших своих туалетах.

Ирина. Приду, Оля, приду.

Ольга. Конечно, с мужем. А вы, Костя, уговорите Сергея, как представителя прессы.

Костя. Обещаю.

Ольга. Вот и отлично. (Слышны аплодисменты). Пойдёмте посмотреть последний раунд. (Скрывается за дверью).

Костя. Идёмте, Ирина.

Ирина. Одну минуту, Костя. Я хотела вас спросить...

Костя. Пожалуйста.

Ирина. Скажите, Костя, что у вас произошло с Юрием?

Костя. Ничего... Право, ничего.

Ирина. Я давно замечаю. С тех пор, как мы вернулись с Алтая. Вы не были у нас на свадьбе. Да вот и сейчас Юрий даже не поздоровался с вами. Вы поссорились?

Костя. Пустяки, Ирина... Ничего особенного не случилось.

Юрий. (Появившись в дверях). Ну, что же ты, Ирина... Ермаков уже на ринге.

Костя. Я должен итти. (Уходит в зал).

Ирина. Подожди, Юра. Я всё хочу с тобой поговорить...

Юрий. О чём?

Ирина. О ваших отношениях с Костей.

Юрий. Здесь не место выяснять отношения. Мы ведь пришли на бокс.

Ирина. И всё-таки я прошу тебя рассказать, в чём дело.

Юрий. Что тут рассказывать? Глупая история... Костя, наверное, уже всё тебе объяснил с точки зрения комсомольской морали.

Ирина. Он ничего не говорил об этом.

Юрий. Странно, что не пожаловался. Он считает себя кровно обиженным, оскорблённым...

Ирина. Чем же ты его обидел?

Юрий. Что за вопрос, Ирина? В конце концов, это наше мужское дело.

Ирина. Я думала, что у тебя нет каких-то «своих» дел, которые бы меня не касались. Да и Костя для меня не чужой человек. Ведь он твой друг.

Юрий. Да, он был моим другом.

Ирина. Юра, что ты говоришь? Я никогда не поверю...

Юрий. Довольно об этом. Поговорим дома, если хочешь.

Ирина. Нет, нет! Я требую, чтобы ты мне сейчас же всё рассказал. (Садится).

Юрий. Да что ты волнуешься? Ну, изволь... (Закуривает). Всё началось с этой дурацкой поездки на Алтай.

Ирина. Почему дурацкой? Ты же сам уговаривал нас поехать, а потом раздумал.

Юрий. Не перебивай... Ну, раздумал! Я думал о тебе, о нашей

свадьбе. Мне представилась возможность заработать, и я сделал этот автомат, чёрт бы его побрал!

Ирина. Разве ты сделал автомат для того, чтобы заработать? И причём тут Костя?

Юрий. Как причём? Мы же работали вместе... Думали построить автомат для электро-механической резки металла. Два года возились и ничего не достигли. Диск режет очень медленно и только по прямой.

Ирина. Но всё-таки режет?

Юрий. Всё-таки!.. Нам нужна скоростная фигурная резка. А это, повидимому, невозможно. Когда Костя уехал на Алтай, я приспособил наш автомат для разметки. Его применили на заводе... Вот и всё.

Ирина. Постой, постой... Ты говоришь, что вы работали вместе. Почему же в газете было написано только о тебе?

Юрий. Мы работали совсем над другим проектом. А идея разметчика принадлежит мне одному... Вернее, мне подсказал её знакомый инженер.

Ирина. Идея-то, выходит, не твоя, а премия досталась тебе.

Юрий. Я предложил Косте половину, но он отказался от денег. (Насмешливо). Ведь он же благородный рыцарь науки...

Ирина. (Встала). Мне очень стыдно, Юра.

Юрий. Стыдно?

Ирина. Ты отступился от трудного дела, в которое вложено много сил, а теперь хочешь поделить с Костей лёгкий заработок... Неужели ты не понимаешь, что это оскорбительно?

Юрий. Начинаю кое-что понимать...

Ирина. Дело не только в проекте, Юрий. Ты так же легко отказываешься от дружбы. Ты сказал: мы были друзьями... Как у тебя язык повернулся?

Юрий. Я вижу, он нашёл в тебе хорошего адвоката...

Ирина. Да, Костя упорный человек. Он будет работать один и добьётся своего.

Юрий. (Холодно). Ну, что ж, желаю вам успеха.

Ирина. Что ты говоришь, Юра?

Юрий. То, что думаю. Костя потерял плохого друга, но приобрёл горячую поклонницу. Очевидно, вы недурно проводили время на берегу Золотого озера!..

Ирина. О чём ты, Юра?

Юрий. Можете продолжать в том же духе. Не буду вам мешать.

(Быстро идёт к выходу).

Ирина. (Ему вслед). Юра... Юра!..

(Юрий вышел. Ирина осталась стоять в полной растерянности. Из зала быстро вышла Чечек. В приоткрытую дверь доносятся шум и аплодисменты).

Чечек. (Заметив Ирину). Хорошо, что ты не была там!.. Подумай, Ирина: бьют так, что с ног валяются. Вася уже два раза падал, а Дорожкин всё бьёт и бьёт... Какая же это физкультура! (Внимательно смотрит на Ирину). Ты нездорова, да?.. Почему ты молчишь?

Ирина. (С усилием). Ничего, Чечек... я пойду.

Чечек. Идём вместе, нам по дороге. (Уходит вместе с Ириной).

(Шум за дверью усиливается, и из зала, оживлённо беседуя, выходят Ольга, Костя и Сергей. За ними молчаливая, расстроенная Зоя).

Ольга. Вот это да! Ну и Дорожкин!.. А кажется таким невзрачным, шупленьким.

Сергей. 69 килограммов. Средний вес.

Костя. Не рассчитал Василий! Горячо взялся, а к третьему раунду выдохся.

Сергей. А ведь неплохо атакował! Способный боксёр, по-моему.

Костя. Выдержки маловато.

Ольга. Бедный Вася! Я думала, что он больше не встанет.

Сергей. Да, сильный удар.

Костя. (К Зое). Ну, что ты расстроилась, сестрёнка?.. Не горюй, Вася ещё покажет себя!

Ольга. (Стараясь утешить Зою). Конечно, Вася держался молодцом. Вот и Серёжа говорит...

Сергей. Безусловно. Я так и напишу в спортивном обзоре: «Против чемпиона края Дорожкина выступал способный, энергичный боксёр Василий Ермаков».

Ольга. А какая на нём красивая майка! Голубая, с красной звёздочкой... Правда, красивая, Зоя?

Зоя. (Чуть не плача). Красивая...

(Справа медленно появляется Вася Ермаков. У него усталый и удручённый вид, волосы растрёпаны, лицо блестит от пота. Куртка его распахнута, открывая голубую майку с красной звёздочкой. В руке у Васи знакомый чертёж. Дойдя до дивана, он устало присел, опустив голову).

Костя. (С участием). Что, Вася, устал?

Вася. (Тяжело вздохнув). Побили...

Костя. А ты что же думал — так легко чемпиона края победить?

Вася. (В отчаянии). Ребята на меня надеялись... Эх! Как я им в глаза-то смотреть буду?

Зоя. (Присаживаясь к нему). Ничего, Вася, ты не расстраивайся... Мало ли что бывает!

Ольга. Вы его побьёте, Вася, вы будете чемпионом! Это я вам говорю, а уж я в боксе кое-что понимаю!

Сергей. Атака у вас хорошая, но защищаетесь вы небрежно, особенно в ближнем бою.

Вася. Ведь как хитёр!.. Я его, понимаешь, нарочно ближе подпускал, он раньше не любил ближнего боя. А тут вдруг — как ша-рахнет! Ну, я и поплыл.

Костя. Не унывай, Ермак, победы даются не сразу. Ты ведь не только боксёр, ты ещё бригадир комсомольской бригады. Помнишь, о чём мы говорили?

Вася. Помню...

Костя. Нам предстоит серьёзный и трудный бой. И мы его должны выиграть.

Вася. Понял, Константин Ильич. (Встал, как будто усталости не бывало, погрозил кому-то). Ну, Дорожкин, держись!

Занавес.

Картина четвёртая

Знакомая комната в студенческом общежитии. Сегодня здесь особенно уютно. Ольга и Чечек готовятся к встрече гостей.

За окном — осенний вечер. Яркая лампа под абажуром освещает заботливо накрытый стол.

На тумбочке возле кровати стоит давно завядший букет.

Ольга. (Перетирая тарелки). Да... Двадцать три года для девушки — возраст критический, особенно если девушка с запросами... Как посмотрю я на жизнь с высоты своих двадцати трёх лет, так прихожу к выводу: не повезло! Не повезло, Чечек.

Чечек. Не понимаю. Тебе 23 года, а ты уж выходишь на широкую дорогу. Кончаешь институт, будешь агрономом. Чего же тебе нехватает?

Ольга. Романтики! Душа моя жаждет чего-то необычного, возвышенного...

Чечек. Вот и прекрасно. Приезжай к нам на Алтай, в горы. Сколько там увлекательных дел, романтических дел для агронома!

Ольга! Нет, Чечек, меня направляют в Кулунду. Как это в песне поётся: «Степь да степь кругом, путь далёк лежит»...

Чечек. Замечательно! Степной пшеничный край... Пусть зашумят там леса и сады, и Кулундинская степь станет ещё плодороднее. Разве это не романтично — изменять природу, заставить её служить человеку?

Ольга. Послушать тебя — так нет на земле профессии лучше агронома...

Чечек. А разве это не так?

Ольга. Ну, довольно меня агитировать!.. Ты не забудь наш уговор: сегодня Костя и Юрий должны помириться.

Чечек. Мы их помирим.

Ольга. Довольно им дуться друг на друга. У них же общий дипломный проект, понимаешь?

Чечек. Конечно, они должны работать вместе.

Ольга. (Указывая на цветы). Этот букет давно пора выбросить. Он нам всю комнату портит.

Чечек. (Умоляюще). Пусть он ещё немного постоит.

Ольга. Ты посмотри, на что он похож! Не букет, а гербарий какой-то. Стоит здесь третью неделю...

Чечек. (Задумчиво). Он сказал: «Мы обязательно будем друзьями...» Может быть, он пошутил?

Ольга. Постарайся сегодня выяснить этот вопрос: стали вы друзьями или нет.

(Раздаётся стук в дверь и в комнату заглядывает Вася Ермаков).

Вася. Можно? Сюда, кажется...

Ольга. Входите, Вася, милости просим.

Вася. (Появляясь с чемоданом и свёртком). Здравствуйте. Вот патефон и пластинки, полный набор... Куда бы поставить?

Ольга. Вот сюда, Вася. Спасибо. Обожаю музыку!

Вася. Конечно... В хорошей компании с музыкой веселей и вообще... приятней.

Чечек. Присаживайтесь, Вася. Сейчас все соберутся.

(Вася сел, не зная, что ему делать дальше).

Ольга. Вина у нас маловато. Как вы думаете, Вася?

Вася. Лично я, как боксёр, не пью.

Ольга. Но вы ведь ещё и токарь, бригадир...

Вася. Как токарю, конечно, не повредит.

Ольга. Вот и отлично. На сегодня мы забудем о боксе. Договорились?

Вася. Можно... Я, пожалуй, схожу за Зоей, она что-то задержалась.

Ольга. Только возвращайтесь скорее. И Костю поторопите.

Вася. Я быстро обернусь. (Уходит).

Ольга. Итак, стол накрыт, музыка есть... Дело за гостями.

(Стук в дверь).

Чечек. Войдите.

(Входят Сергей и Костя).

Сергей. Добрый вечер.

Костя. Здравствуйте.

Ольга. А вот и гости! Здравствуйте. Устраивайтесь, пока есть стулья.

Костя. Разрешите, Ольга Семёновна, поздравить вас с днём рождения... И пожелать... Сергей, что же ты молчишь?

Сергей. Пожелать здоровья... И счастья.

Ольга. (Пожимая им руки). Спасибо, друзья.

Костя. Но это ещё не всё. Мы принесли вам подарок, да не знаем, понравится ли... Показывай, Серёжа.

(Сергей скрывается за дверью и вносит картину в скромной багетовой раме. На холсте смелой кистью изображён знакомый горный пейзаж. Травянистый склон спускается к озеру, а вдаль, насколько хватает глаз, — причудливые линии горных вершин).

Чечек. (Восхищённо). О, Алтын-Кёл! Родные горы...

Ольга. Золотое озеро! Какая красота... Ведь здесь, именно здесь был наш лагерь!

Сергей. Да. Вот здесь стояла наша палатка.

Костя. А здесь был костёр, где мы сидели по вечерам.

Ольга. Где же вы достали эту картину?

Сергей. У одного знакомого художника. Он был в этих местах в июле, а мы — в августе.

Костя. Едва уговорили его. Никак не хотел расставаться с картиной.

Ольга. Спасибо, друзья, спасибо за подарок! Вы угадали мою романтическую душу... Прошу вас, располагайтесь здесь, на диване.

Чечек обещала нам приготовить плов по-алтайски.

Чечек. (Спохватившись). Ох, я о нём совсем забыла! (Убегает на кухню).

Ольга. Я тоже оставлю вас на минутку. Чувствуйте себя, как дома. Патефон и гитара в вашем распоряжении. (Уходит).

Костя. (Сергею). Ну вот, а ты не хотел идти... Заметил, как Ольга обрадовалась твоему приходу?

Сергей. Ты ошибся, Костя. Она радовалась, глядя на картину. А я для неё — ординарная фигура, лишённая романтики. (Указывая на ковёр над Ольгиной кроватью). Разве я похож на этого вятзя?

Костя. По правде говоря, не очень. Но ты мне нравишься и без тигровой шкуры, и Ольге тоже.

Сергей. Оставь, Костя, поговорим о чём-нибудь другом. Как твой станок? Есть что-нибудь новое?

Костя. Есть. Я сейчас монтирую небольшой аппарат — специально для опытов. Хочу попробовать новый электролит и заменить диск движущейся лентой.

Сергей. Костя, я всё хочу тебя спросить... Я в технике очень слаб, но кажется мне, что твой электронный резец и автомат-разметчик Юрия Молчанова — это составные части одной машины, о которой вы мечтали. Или я ошибаюсь?

Костя. (После паузы). Нет, ты не ошибаешься. Это действительно так.

Сергей. Так неужели ты не понимаешь, Костя, как неуместна ваша ссора?

Костя. Не я в ней виноват.

Сергей. Допустим, Юрий виноват перед тобой. Но и ты неправ, дружище. В тебе заговорило самолюбие — и только. Ты забыл, что автомат, над которым вы работали, нужен не только вам с Юрием. Его ждут наши заводы, им будет гордиться ваш институт.

Костя. Я не отказался от него... Я продолжаю опыты.

Сергей. Знаю. Но вдвоём вы добьётесь большего. Подайте же друг другу руки, и выпьем сегодня за ваш автомат!

Костя. Нет, Сергей. Я первый руки не подам.

Ольга. (Появившись в дверях). Серёжа, вы любите плов по-алтайски?

Сергей. (Опешив). Честно говоря, не пробовал...

Ольга. Берите две тарелки и — марш на кухню, в распоряжение Чечек. Ей нужна помощь.

Сергей. С удовольствием. (Берёт тарелки, едва не опрокинув что-то на столе).

Ольга. Давайте, я надену на вас передник.

(Сергей, держа в руках тарелки, безропотно подчиняется. Ольга надевает на него передник).

Сергей. Благодарю вас. (Уходит).

Костя. Ох, и любите вы командовать, Оля!

Ольга. Над Серёжей командовать нетрудно. Мне кажется, он просто боится меня.

Костя. Нет, Сергей не из робкого десятка. Здесь, по-моему, что-то другое.

Ольга. Я читала недавно его очерк «На горном пастбище». Как удивительно он написал о простом пастухе, о старом чабане Ялатае Кыдыеве! Это звучит романтично, как поэма.

Костя. О самоотверженном труде надо писать именно так... Труд на благо родины и подвиг во имя её — это и есть, по-моему, высшая романтика. (Заметил букет, стоящий на тумбочке, улыбнулся, потрогал рукой завядшие цветы).

Ольга. Узнаёте?

Костя. С трудом. Совсем завяли.

Ольга. Я хотела выбросить, но Чечек запретила. Она до сих пор меняет воду в кувшине, всё думает их сохранить.

Костя. Да?.. (Обломил один цветок, спрятал его в карман). Только вы ничего не говорите, хорошо?

Ольга. Я ничего не видела. Абсолютно!..

(Входят Зоя и Вася).

Зоя. Здравствуй, Оленька. (Целует её). Поздравляю тебя.

Ольга. Спасибо. Ты могла бы прийти и пораньше...

Зоя. Я заходила к Ирине. (Отводя Ольгу в сторону). Они не придут. Юрий сказал, что она нездорова.

Ольга. Как нездорова? Мы же вместе были на лекции...

Зоя. Юрий сказал, что они прийти не могут. Просил их извинить.

Ольга. (Огорчённо). Что мне его извинения!

(Входит Сергей, бережно неся что-то в тарелке, за ним Чечек).

Костя. Тише, товарищи! Сергей несёт плов.

Чечек. Вот сюда, Серёжа. Спасибо за помощь.

Сергей. (Снимая передник). Я, пожалуй, больше мешал вам, чем помогал...

Ольга. Я должна вас огорчить, друзья. Ирина и Юрий не придут.

Чечек. Почему?

Ольга. Что-то случилось... Одним словом, семейные дела.

Зоя. Юрий сказал, что Ира нездорова.

Ольга. Всё это выдумки! Сам не хочет идти и жену не пускает.

Сергей. (Взглянув на Костю). Да... очень жаль.

Ольга. Но торжество всё-таки состоится. Прошу всех к столу. В программе сегодняшнего вечера — музыка, тосты и плов по-алтайски. Чечек, командуй.

Чечек. (Рассаживая гостей). Вы сюда, Серёжа. Вася вот здесь... А вы где хотите, Костя?

Костя. Где угодно, Чечек, только бы до плова добраться.

Ольга. Вася, разливайте вино. А вы, Костя, готовьте тост.

Костя. Тост мой будет короткий. (Встал с бокалом в руке). За нашу славную подругу, за агронома-романтика Ольгу Березину!

(Все чокаются с Ольгой и пьют).

Ольга. Спасибо, друзья... Мне даже петь захотелось!

Зоя. Споём! Серёжа, Чечек, что будем петь?

Сергей. Всѣ, что угодно имениннице.

Ольга. Студенческую!.. Костя, начинайте. Серёжа, вот вам гитара.

(Сергей берёт несколько аккордов. В дверях появилась Ирина и остановилась на пороге, не решаясь войти).

Зоя. (Заметив Ирину). Ирина пришла!

Ольга. Иринка! А мне сказали, что ты заболела. Да заходи же, чего ты стоишь? Мы уже выпили первый тост.

Чечек. (Подходя к Ирине). Мы думали, что ты не придѣшь. А где Юрий?

Ольга. Что ты молчишь, Иринка?

Ирина. (Едва сдерживая слѣзы). Я сейчас уйду... Я не думала...

Ольга. Никуда ты не уйдѣшь. (Усаживает её на стул). Садись и успокойся. В чём дело-то, а?

Ирина. (Плачет). Ничего... Я сейчас...

(Ольга делает знаки Сергею. Тот понимающе кивает головой).

Сергей. (Косте). Так мы пойдѣм... погуляем.

Костя. Да, да... Идѣм Вася, покурим на улице.

Вася. Покурить? Можно... (Кланяясь девушкам). До свиданья.
(Вася, Костя и Сергей уходят).

Ольга. Ирина, что у тебя стряслось?

Ирина. (С отчаянием). Он меня не любит!..

Ольга. Кто не любит? Юрий? (Ирина кивает головой). Только и всего?! Ну, знаешь, напугала ты меня! Я думала, что-нибудь страшное.

Чечек. Он так и сказал, что не любит?

Ирина. Когда любят, — не поступают так жестоко...

Зоя. Что же у вас произошло? Поссорились?

Ольга. Известное дело: семейная сценка. Драматический этюд.

Так сказать, уточнение взаимоотношений...

Ирина. Он рассказал мне о ссоре с Костей, об этой истории с автоматом. Я стала защищать Костю, а он решил... он подумал... Как это несправедливо! Как мог он такое подумать про Костю и про меня?..

Ольга. Ах, вот оно что! Ревность! Венецианский мавр! Твой муженёк, Ирина, делает одну глупость за другой.

Ирина. Он обидел не только меня, но и Костю. Он занят только собой и своими успехами.

Ольга. Типичный эгоцентрист. Феодал!

Ирина. Но что же мне делать, девушки, что?.. Я не могу вернуться домой.

Ольга. Дом твой, слава богу, здесь. Никуда ты не пойдѣшь, пока этот феодал не поумнеет.

Зоя. Надо его как следует проучить!

Ольга. (Деловито) Поставим вот здесь третью койку, а то и на одной устроимся. Как ты думаешь, Чечек?

Чечек. Конечно разместимся.

Зоя. А я вот что предлагаю: пусть Ирина живёт у меня. Квартира у нас большая, из трёх комнат, и институт рядом.

Ольга. А как же Костя?

Зоя. У него своя комната. Он нам мешать не будет.

Ольга. Что ж, если Ирина согласна...

Ирина. (Безучастно). Мне всё равно.

Зоя. Вот и прекрасно! Собирайся, Иринушка.

Ольга. Куда?! (Указывая на стол). Сначала надо всё съесть и выпить. Сейчас ребята вернутся.

Ирина. (Заторопилась). Нет, нет, я лучше пойду.

Зоя. Вы тут без нас повеселитесь.

Ирина. Прости, Оля! Я тебе все именины испортила.

Ольга. Ладно уж, какие там именины! Устраивайся пока... Завтра соберёмся, всё обсудим... Да вытри глаза-то, вдова соломенная! (Целует Ирину). Всё будет в порядке.

Зоя. До свиданья, девушки. Идём, Ирина.

(Ирина и Зоя уходят).

Ольга. (Подошла к столу). Садись, Чечек, закусим. Не пропадать же этому богатству.

Чечек. И плова никто не попробовал...

Ольга. Да, славно время провели!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина пятая

Одна из аудиторий политехнического института. На возвышении — длинный стол с приборами, за ним — доска, на которой ещё сохранились записи формул. Слева дверь с табличкой «Лаборатория». Портреты Ползунова, Попова, Якоби.

В глубине стоит небольшой станок, соединённый проводами с электроприборами. Механизм станка закрыт металлическим щитом с окошечком для наблюдения.

Вася Ермаков вошёл нерешительно, с интересом осмотрелся вокруг, подошёл к станку, заглянул в окошечко.

Вася. Интересно...

(За дверью слышны возбуждённые голоса. Проходит группа студентов).

— Нет, извините! Это не личный вопрос. Это дело всего института, всей комсомольской организации.

— Что же ты на собрании молчал?

— За него Галя Чернова сказала. У них общие взгляды на жизнь.

(Смех. Голоса удаляются. Входит Костя).

Костя. А, Вася! (Подает ему руку). Ты давно ждёшь?

Вася. Нет. Я к вам домой заходил, да не застал.

Костя. Только что кончилось комсомольское собрание. С трёх часов воевали... Пить хочется. (Наливает воду).

Вася. Жарко было?

Костя. Да, разгорелось...

Вася. А по какому вопросу собрание?

Костя. Персональное дело Юрия Молчанова.

Вася. Вот оно что!..

Костя. Но вопрос был поставлен гораздо шире: о комсомольской дружбе, об упорстве в труде и даже о любви.

Вася. Значит, тряхнули Юрия Александровича?

Костя. И мне досталось, Вася. Но это хорошо. Это на пользу... Ты не забыл мою просьбу?

Вася. Не забыл. (Достаёт из кармана небольшую деталь). Вот, расточил, как вы говорили.

Костя. (Рассматривая деталь). Молодец!.. Золотые у тебя руки, Вася.

Вася. Да что вы... Привычка.

Костя. Спасибо, друг, спасибо. Это как раз то, что нужно. (Подходит к станку и поднимает щиток).

Вася. А как у вас дела? Получается?

Костя. Кажется, да. Сегодня будем пробовать.

Вася. (Осматривая станок). Уж больно мал станочек-то...

Костя. Увеличим, Вася. Только бы заработал!

Вася. Интересно, как же здесь заготовку закреплять?

Костя. Вот, смотри. (Закрепляет стальной лист). А это—управление. Пока довольно примитивно.

Вася. (Поворачивая рукоятку). Так... Ясно. А это, значит, включение?

Костя. Да. (Смеётся). Я вижу, ты уж во всём разобрался!

Вася. Пока дело нехитрое. Попробовать бы...

Костя. Сейчас нельзя, Вася. Надо сменить электролит.

Вася. Жаль.

(Входит Зоя).

Костя. А это что за явление? Ты зачем?

Зоя. За тобой.

Костя. Что случилось?

Зоя. Обед простыл. Дома совсем не бываешь.

Костя. (Рассердился). Что за детский сад! Ты ещё, чего доброго, сюда горшок с кашей принесёшь?

Зоя. И принесу. Тебе же будет стыдно.

Костя. (Примирительно). Ну, ладно... Идём, Вася, закусим перед боем.

Вася. Я не хочу.

Костя. Идём, идём. Нам предстоит серьёзное сражение!

(Уходит с Васей направо. Зоя идёт за ними. Из другой двери появляется Юрий Молчанов).

Юрий. Зоя! Ты очень спешишь?

Зоя. (Задержавшись). Нет. А что?

Юрий. Я хотел поговорить с тобой...

Зоя. Говорите.

Юрий. (Нерешительно). Как там Ирина поживает?

Зоя. Хорошо живёт, не жалуется.

Юрий. Может быть, нуждается в чём-нибудь?

Зоя. Напрасно беспокоитесь, Юрий Александрович. Ирина — человек вполне самостоятельный и живёт с хорошими людьми.

Юрий. Снег выпал, холодно. А она, наверное, без галош...

Зоя. А вы бы их принесли, — её галоши у вас остались. И чайник захватите, а то мы в кастрюле чай кипятим... За остальныеми вещами я сама найду.

Юрий. (Растерянно). Что же... значит, она надолго у вас поселилась?

Зоя. Думаю, до весны, пока экзамены сдаст. А летом на работу уедет, на опытную станцию.

Юрий. Вот оно что... (Закурив, взволнованно прошёлся по комнате). Зоя, расскажи мне прямо, как другу. Только будь откровенна. Я должен всё знать, это очень важно для меня.

Зоя. О чём вам рассказать?

Юрий. О Ирине и Косте. Ты была вместе с ними на Алтае. Теперь Ирина живёт у вас. Скажи мне честно: как они относятся друг к другу?

Зоя. Очень хорошо.

Юрий. Пойми меня правильно... Я говорю не о дружбе...

Зоя. Эх, Юрий Александрович! Образованный вы человек, комсомолец, а мысли у вас, как у лавочника. Дружбы вы не понимаете, любви не цените...

Юрий. (С надеждой). Значит, Ирина не забыла меня?

Зоя. (Сердито). Судите сами — только о вас и говорит: какой вы умный да талантливый. А вы её ревновать вздумали. Эх вы, Отелло! Вам бы такую жену на руках носить, учиться у неё умному...

Юрий. Когда же она вернётся?

Зоя. Куда?

Юрий. Домой... Ко мне.

Зоя. Чудак вы, Юрий, честное слово! Вы же опять восстановите свои феодальные порядки. Ведь по-вашему муж — это тиран и повелитель, а жена — его бесправная раба.

Юрий. (Горячо). Скажи Ирине, что это никогда не повторится, что я прошу её всё забыть и вернуться.

Зоя. Нет уж, вы сами. Я за вас прощенья просить не стану.

Юрий. Трудно мне самому, Зоя...

Зоя. Как хотите, вас никто не неволит. Видно, для вас самолюбие дороже жены и друзей. Я так и скажу Ирине.

Юрий. Нет, нет, ничего не говори. Я уж как-нибудь сам...

Зоя. Вот так-то лучше.

Юрий. Я приду.

Зоя. Милости просим: Почтовая, 16. От трёх до семи.

(Зоя ушла. Юрий, тяжело вздохнув, потёр ладонями лоб, подошёл к станку, потрогал рукою детали, задумался. Входит профессор Березин).

Березин. А, Молчанов!.. Ты что это уединился?

Юрий. Хочется побыть одному, Семён Григорьевич.

Березин. Понимаю. Тебе есть о чём подумать.

Юрий. Вы ведь были на собрании?

Березин. Да. И надеюсь, что ты правильно воспринял то, о чём говорили комсомольцы.

Юрий. Я многое понял... Постараюсь понять остальное.

Березин. Конечно, дружок, нелегко выслушивать горькие истины, но бриться всё-таки нужно.

Юрий. (Потрогал щёку, улыбнулся). Извините, Семён Григорьевич... Побреюсь.

Березин. Сегодня Зорин будет пробовать свой станок, и мы собираемся обсудить его опыты. Надеюсь, ты примешь участие в обсуждении?

Юрий. Не знаю. Меня никто не приглашал.

Березин. Вот я и приглашаю. Я слышал, что у тебя есть серьёзные сомнения насчёт нового метода резки. Давайте разберёмся. Кстати, у нас будут представители завода.

Юрий. Я советовался с инженером Бельским. Он говорит, что фигурная резка практически невозможна. Лента не выдержит большой плотности тока.

Березин. Это его мнение. А ты как думаешь?

Юрий. Я начинаю убеждаться, что Костя прав. Всё дело в постановке опыта. А здесь он ошибается. Надо попробовать ряд металлов, постепенно переходя к стали. И, конечно, нужны заводские условия.

Березин. Ты пробовал помочь ему советом?

Юрий. Костя не примет моей помощи.

Березин. А ты всё-таки попробуй.

Юрий. (После паузы). Мне неловко напоминать, Семён Григорьевич... Вы не забыли наш разговор насчёт рекомендации в партию?

Березин. Конечно, не забыл.

Юрий. Может быть, вы передумали?

Березин. Передумал?..

Юрий. (С горечью). С тех пор кое-что изменилось... Я оказался плохим мужем, плохим другом и чуть ли не подлецом... Вы вправе отказаться от рекомендации.

Березин. А ты не решай за меня этот вопрос. Я в нём сам разберусь... Если твоё решение серьёзно, то позволь мне говорить с тобой прямо, без валерьяновых капель.

Юрий. Говорите.

Березин. Ты, очевидно, считаешь, что твоя ссора с женой и разрыв с Костей — никого, кроме тебя, не касаются...

Юрий. Я думал — это моё личное дело.

Березин. «Моё личное дело»... Если ты решил стать коммунистом — забудь эти слова. Твои личные дела должны быть частью жизни партии, а дело партии — твоей жизнью. Ты увлёкся своими успехами, Юрий, и не заметил, как оторвался от коллекти-

ва, от друзей, которые помогали тебе расти. Ты бросил важное дело на полдороге; тебя испугали трудности, вставшие на пути, и прельстили лёгкие лавры. А партия требует от коммунистов упорства, смелых дерзаний, учит бороться с трудностями и побеждать их. Ты принял премию завода не как призыв к дальнейшей работе, а как награду, как венец своих достижений. Тебе показалось, что ты взлетел высоко и теперь можешь долго и безмятежно планировать. А партия учит нас не довольствоваться достигнутым и неустанно стремиться вперёд. Вперёд и вверх!.. Скажу прямо, Юрий: трудно будет тебе в партии, если ты серьёзно не задумаешься над этим. (Положил ему руку на плечо). Понимаешь ли ты, как велика честь и ответственность — быть коммунистом?

Юрий. (После паузы). Да.

Брезин. А рекомендация — за мной. Надеюсь, мне не придётся краснеть за тебя...

Юрий. Спасибо, профессор.

Брезин. А теперь — побрейся и приходи на совещание.

(Уходит в лабораторию).

К концу этой сцены в аудитории постепенно темнеет. Сгущаются сумерки. Юрий, не зажигая огня, задумчиво прошёлся по комнате, присел в углу, где сдвинуто несколько стульев. Справа, через открытую дверь в комнату проникает свет и доносятся голоса.

Проходит группа студентов. Голоса:

— Вполне реальная вещь. Полёт на Луну и обратно будет длиться всего 10 суток 11 минут.

— Точно подсчитал!

— А на Венеру?

— Сто сорок шесть суток.

— Ну что ж, Миша, валяй! Только к экзаменам возвращайся.

Слышен смех и удаляющаяся песня: «До самой далёкой планеты не так уж, друзья, далеко...»

Вторая группа студентов:

— Билеты в театр получайте в профкоме.

— А какой спектакль сегодня?

— «Горе от ума».

— Горе не от ума, а от черчения. Вчера третий лист испортил.

— Эх ты, медведь! Придётся тебе помочь...

— Помоги, Верочка.

— Костя, идём в театр!

— Не могу, друзья. Счастливо!..

Входит Костя и зажигает маленькую контрольную лампу возле станка. Остальная часть комнаты остаётся в полумраке, так что Костя не замечает сидящего в углу Юрия.

Поправив какие-то провода, Костя открыл крышку аппарата и наполнил бачок электролитом. Затем включил ток, посмотрел на стрелку амперметра, записал что-то и неуверенным движением стал поворачивать рукоятку. Раздался сухой, нарастающий треск, и снопы искр брызнули вверх и в сторону, освещая напряжённое лицо и фигуру Кости, склонившегося над аппаратом. Взяв со стола кусок синего стекла, он заглянул сквозь него в окошечко, сверкающее тысячами искр. Вдруг, резким движением, он рванул рукоятку назад. Зазвенело разбитое стекло. Костя открыл крышку, быстро ослабил зажимы и вытащил стальной лист. Обжигая пальцы, бросил его на стол и сел, уронив голову на руки.

Юрий, наблюдавший эту сцену, постоял в нерешительности, затем подошёл к станку и, проверив провода, включил ток. Снова раздался треск. Костя устало поднял голову и увидел Юрия. Напряжённая пауза.

Костя. (С усилием). Ты видел?..

Юрий. Да. Мне кажется, ты ошибся, Костя.

Костя. В чём же дело? В чём?

Юрий. Ты перепутал полярность. Смотри... (Открыл крышку аппарата). Анодом стала не деталь, а лента, и она начала разрываться.

Костя. Что? (Подожёл к станку). Чёрт! Я перепутал вводы!

Юрий. Это пустяки, Костя. Надо сменить ленту и пробовать её на разных металлах, постепенно переходя к стали. Твой аппарат должен работать. Должен.

Костя. (Внимательно посмотрев на Юрия). Ты веришь в это?.. Ты хочешь мне помочь?

Юрий. Если ты не откажешься от моей помощи... Я много передумал за эти дни. Мне было нелегко без тебя, без Ирины. А сегодня на собрании... Я многое понял, Костя. Я понял, что друзья не покинули меня, что они не дадут мне заблудиться. Знаешь, у меня такое ощущение, словно я стряхнул с себя какие-то путы и выкупался в холодной и чистой воде. И если ты не злопамятен, Костя, — вот тебе моя рука.

Костя. (Подает ему руку). Спасибо, друг.

Юрий. А твой станок будет работать.

Костя. Наш, наш станок, Юрка!

Юрий. Значит, вместе?

Костя. Вместе!

Занавес.

Картина шестая

Знакомая поляна на берегу Телецкого озера. Та же палатка, походный очаг с котелком. Утреннее солнце окрашивает дальние вершины гор в розовые и голубые тона самых нежных оттенков. Конец лета. Тишина. Откуда-то снизу доносится голос Ольги: «Ири-и-ника! Ау-у!», и далёкий голос Ирины отвечает: «Ау-у-у!»... Некоторое время сцена пуста, затем справа появляются Ирина и Юрий. Взявшись за руки, они поднялись на вершину склона и остановились, глядя на озеро.

Юрий. Как хорошо...

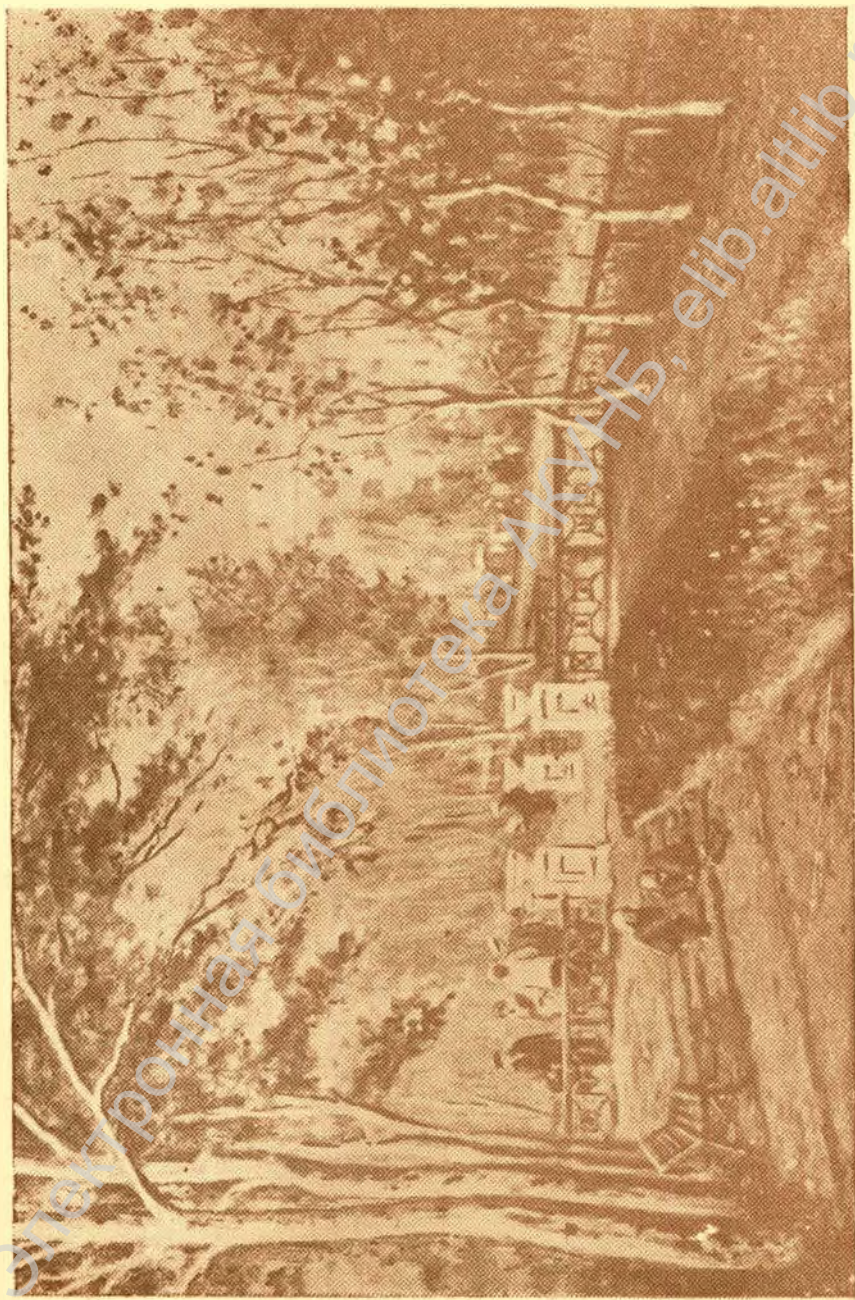
Ирина. Юра, ты помнишь, какой сегодня день?

Юрий. Помню. День нашей свадьбы.

Ирина. Неужели год прошёл? Даже не верится...

Юрий. Этот год был для меня большим испытанием. (Обнимая Ирину). Милая моя жена, как хорошо, что мы вместе! Мне кажется, только сейчас я оценил твою любовь. Она глубока и чиста, как воды этого озера. В ней увидел я отражение своих недостатков и нашёл силы для того, чтобы их победить. Как жаль, что именно сейчас, когда впереди так светло и ясно, надо расставаться.

Ирина. Нельзя иначе, милый. У меня есть возможность работать на опытной станции вместе с профессором Лисавенко. Ведь это большая удача, настоящая научная практика!

Юрий. Понимаю... Да трудно расставаться-то!

Ирина. Такая уж наша судьба. Ты в городе, на заводе, а моё место в поле, в саду. Надо привыкать к разлукам, пока не стёрлась грань между городом и деревней.

Юрий. Скорее бы она стиралась!..

Ирина. Я буду писать тебе каждый день, а зимой постараюсь приехать. Я ведь ещё ни разу не была на вашем заводе.

Юрий. Приезжай, Иринка, я покажу тебе наш завод. Он стал моей школой, моим другом. Как радостно идти по высоким, гулким цехам, чувствовать могучий трудовой ритм завода, сознавать себя частицей его души!.. А в 310-м цехе, в первом пролёте, у окна, стоит небольшой станок, с первого взгляда ничем не примечательный, только справа, на корпусе, поблёскивают две буквы — «З» и «М».

Ирина. Зорин и Молчанов?

Юрий. Да. Это наш автомат, наш красавец. Ты увидишь, как из-под его резца каждые шесть минут выходит готовая деталь, которая раньше обрабатывалась полтора часа. Поверишь ли, первые дни, когда автомат установили в цехе, мы с Костей часами не отходили от него и смотрели, как на удивительную игрушку. Как дети, честное слово! Вася Ермаков работает, а мы стоим и смотрим, разинув рты. Смешно вспомнить.

Ирина. А теперь?

Юрий. Теперь привыкли. Он стоит в строю, среди других машин, и так приятно, проходя мимо, потрогать его рукой, как доброго испытанного друга. Теперь это уже прошлое. Мы с Костей получили задание куда интересней! После отпуска — сразу за дело.

Ирина. Вот и хорошо, ты не будешь скучать без меня. В работе время бежит незаметно.

Юрий. И всё-таки без тебя мне будет тоскливо. Дай поглядеть на тебя, ведь мы последний день вместе... (Обнимает Ирину). Хорошая ты моя. (Целует).

(За сценой слышны голоса).

Ирина. (Испуганно). Кто-то идёт... Бежим!

(Со смехом убегает за палатку. Входят Ольга и Сергей с охапкой хвороста в руках).

Ольга. Вот и пролетел наш отпуск. Пора расставаться...

Сергей. Да... Грустно.

Ольга. Не поминайте лихом, Серёжа, и вспоминайте иногда сельского агронома Ольгу Иванову.

Сергей. (Он очень взволнован). Я так и не успел сказать вам что-то очень важное...

Ольга. Ещё не поздно. Говорите.

Сергей. (Струсив). Давайте разжигать костёр.

Ольга. Давайте. (Пауза): Но вы хоть письмом напишите то, что хотели сказать. Мне очень хочется знать.

Сергей. Я скажу... В другой раз. Мне надо собраться с мыслями.

Ольга. Боюсь, что не успеете. Через неделю я буду уже в Кулунде.

Сергей. В Кулунде? Так вы едете в Кулунду?

Ольга. Да, решено. Дела уже оформлены.

Сергей. (В восторге). Это же замечательно! Оля, я ужасно рад...

Ольга. Чему же?

Сергей. Мы скоро встретимся! Я к вам приеду.

Ольга. Что вы, Серёжа! До Кулунды больше трёхсот километров и нет железной дороги.

Сергей. Ещё нет, но будет. (Увлечённо). Вы, конечно, слышали о Южно-Сибирской магистрали? 550 километров пути по нашему краю. Эта дорога свяжет уральский металл, алтайский хлеб, кузнецкий уголь... Она свяжет и нас с вами, Оля.

Ольга. Каким образом?

Сергей. Видите ли, я назначен специальным корреспондентом на строительство Южсиба. Я проеду по всему краю с востока на запад — от Чумыша до границ Казахстана. И в октябре, даю вам слово, я буду в Кулунде.

Ольга. Я буду вас ждать, Серёжа. Я расскажу вам о первых радостях и горестях своей трудовой жизни. Ох, нелегко мне будет, я знаю! Но я уже не та, что была год назад. Я не могла представить себя в роли колхозного агронома. «Как? С моей романтической душой — в деревню, в глушь? Это ужасно!..» И вот я еду — и ничего, не так страшно.

Сергей. Я вас найду, Оля, и может быть там, в Кулунде, скажу о том, что люблю вас, люблю давно, с тех пор, как впервые увидел. Я скажу...

Ольга. Да вы уж, кажется, сказали.

Сергей. (В ужасе). Не может быть!..

(Входят Чечек и Костя).

Костя. Что с тобой, Сергей? Ты похож на египетскую пирамиду.

Сергей. Не может быть!..

Костя. Вполне серьёзно.

Сергей. (В бурной радости). Налейте, налейте скорее вина!.. Чечек, где ваша лошадь?

Чечек. Там, у ручья.

Сергей. Я еду! (Убегает направо).

Чечек. Осторожнее, Серёжа! Лошадь не взнуздана.

Костя. Куда ты, Сергей?

Сергей. (Из-за сцены). Я скоро вернусь!

(Появляются Зоя и Вася. В руках у Васи чайник).

Зоя. Что с Серёжей? Он болен?

Костя. Нет, влюблён.

Ольга. Он к завтраку вернётся.

Костя. Не уверен. Влюблённые голода не ощущают.

(Входят Юрий и Ирина с букетом цветов).

Ольга. Сейчас проверим. Юрий, вы хотите есть?

Юрий. Очень!

Ольга. Ага, значит вы не влюблены.

Юрий. Помилуйте, друзья мои! Сегодня ровно год, как я женат...

Ольга. (Вспомнив). Совершенно верно! Двадцатое августа!.. (Обнимает Ирину). Иринка, подруженька, поздравляю. Ну как, хлебнула за год горя?

Ирина. Я счастлива.

Ольга. Ну то-то же. Держи его в руках.

Костя. (Юрию). Поздравляю, Юрка.

Юрий. Спасибо, Костя, спасибо, друг.

(Все поздравляют Ирину и Юрия).

Ольга. Какой день, товарищи! Какие события!

Костя. Неужели не выпьем по этому поводу?

Юрий. Увы! У нас нет вина.

Ольга. Не беспокойтесь, Серёжа привезёт.

Костя. Ах, вон он куда поскакал!

Зоя. Вася, разжигай костёр. Пора готовить завтрак.

Ольга. Прощальный завтрак на берегу Золотого озера.

Костя. Да, через час надо выступать. Чечек, куда мы направляемся?

Чечек. До Артыбаша пешком, а там достанем лошадей.

Костя. (Глядя на озеро). Как хорошо! Какая тишина...

Чечек. (Тихо). Вам нравится здесь, Костя?

Костя. Да. У вас прекрасная родина, Чечек.

Ирина. Прощай, Золотое озеро!

Юрий. Прощай, Алтын-Куль!

Зоя. Почему он называется так: Алтын-Куль? Ты знаешь, Чечек?

Чечек. С этим озером связано много народных легенд. Я слышала одну из них. Это легенда о золотом мече богатыря Ай-Катуна.

Юрий. Расскажите, Чечек.

Ольга. Обожаю романтику!

(Чечек садится на камень возле костра. Все располагаются вокруг).

Чечек. Много, много лет назад, когда вершины гор ещё не были седыми, жил на Алтае славный богатырь Ай-Катун. Всё богатство его составляли соловый конь, быстрый, как ветер, да тяжёлый меч из чистого золота. Богатырь был смел и могуч, как горный орёл, правдив и честен душой. Пастухи пели о нём песни на горных пастбищах, а жадные ханы и злые зайсаны ненавидели богатыря и ждали случая, чтобы его убить.

Однажды, когда в горных долинах цвели весенние цветы, Ай-Катун вернулся из дальних краёв и привёз с собой невесту — красавицу Бию. Готовясь к свадьбе, богатырь беспечно пировал в род-

ном аиле. В это время злой хан Кара-Кула со своими войсками подкрался по ущелью, как вор. Услышав тревогу, славный Ай-Катун вскочил на коня, выхватил свой золотой меч и бросился на врагов. Долго бился богатырь с врагами; многих перебил, остальных разогнал по горам, а самого Кара-Кулу приволок на аркане домой. Он хотел убить коварного хана, но красавица Бия сказала ему:

— Мой милый, не омрачай казнью весёлого пира. Отпусти его домой ради нашей свадьбы...

Богатырь послушался своей невесты, развязал аркан и отпустил хана на волю.

Вася. Эх, зря! Отпустил волка в лес — он волком и останется.

Чечек. (Продолжая). Хан Кара-Кула стал благодарить девушку за её доброту и восхищаться её красотой. И сказал Ай-Катуну: «Никогда не забуду, о богатырь, твоей милости! Приезжай ко мне во дворец, будь моим гостем. Лучшими яствами тебя угощу, крепкой аракой тебя напою, дорогие подарки тебе поднесу...»

Так прошёл год и ещё одно лето. Когда осенние тучи закрыли вершины гор, к богатырю приехали гонцы от хана Кара-Кулы. Они привезли дорогие подарки и стали приглашать Ай-Катуна на пир, как почётного гостя. Богатырь сел на коня, поцеловал на прощанье жену и отправился к хану.

— Возьми с собою меч, — сказала ему красавица Бия.

— Я не на битву еду, а на весёлый той, — отвечал богатырь. — Не тревожься, милая жена, я вернусь через четыре дня. И он уехал.

Ласково принял богатыря коварный хан.

— Не забыл я, Ай-Катун, твоей милости, — сказал он богатырю. И подкравшись сзади, как вор, убил его. И в ту минуту, когда Ай-Катун упал на ханский ковёр, его золотой меч, висевший в юрте, сорвался со стены и врезался в землю, образовав глубокое ущелье.

Три дня и три ночи ждала красавица Бия своего мужа. На четвёртый день прискакал в аил соловый конь, но седока на нём не было.

Зоя. (Вытирая глаза). Она же говорила ему: возьми с собой меч...

Чечек. Долго и безутешно плакала Бия. Слезы её текли в ущелье, на дне которого лежал меч Ай-Катуна, и наполнили ущелье до краёв. Так образовалось это озеро — глубокое, как печаль красавицы Бии, и чистое, как её любовь. Слезы не утешили горя несчастной жены. Она бросилась вниз с высоты скалы и погибла. Из озера вытекла быстрая речка, и народ дал ей имя: Бия. А на вершине горы, где погиб богатырь, взяла начало другая река, имя которой Катунь. Эти две реки слились, как любящие сердца Бии и Ай-Катуна, и потекли вместе до самого океана, образуя могучую Обь. А золотой меч остался лежать на дне озера. Народ говорит: кто сумеет достать со дна озера этот богатырский меч, тот спасёт родину в трудный час, отстоит родную землю от любого врага.

Юрий. (После паузы, задумчиво). Прекрасная легенда... Кто же достал этот меч?

Чечек. Сталин. Народ говорит, что Сталин достал этот меч и сохранил его. А с тем, кто хранит этот меч, страна непобедима.

Ольга. (Восторженно). Удивительно, необыкновенно!..

Костя. Спасибо, Чечек.

(Входит Сергей — радостный и возбуждённый).

Сергей. Друзья, извините, что я задержался. Но мне казалось, что нам надо выпить по случаю... По многим случаям. (Достаёт бутылку вина). Вот.

Ольга. Ну, что я говорила!

Юрий. Серёжа, ты гений! Садись, отдохни.

Ольга. Прошу всех к столу. Зоя, давай стаканы.

Юрий. (Открывая бутылку). Грузинское вино здесь, на Алтае. Оно как гость с далёкого Кавказа.

Ирина. Мы вырастим здесь свой виноград. Да, да, так будет! Пройдёт немного времени, и здесь, в долинах Горного Алтая, зацветут виноградники. И поверьте мне, — друзья в далёкой Грузии помянут нас добрым словом за стаканом алтайского вина.

Костя. Друзья! Мы расстаёмся сегодня и, может быть, не скоро соберёмся вновь. Нас ждут большие дела, у каждого из нас своя дорога. Но верю я: где бы мы ни находились, нас будет согревать тепло нашей дружбы. Пусть руки наши не знают усталости, пусть воля крепнет в дерзаннях, пусть разум наш служит на благо советской науки. Мы молоды. Будущее за нами, друзья.

Оно прекрасно! (Поёт).

Сплотим же теснее наш дружеский круг,

Пусть песня звучит веселей!

Мой верный товарищ, испытанный друг,

Вино по стаканам разлей.

Мы выпьем за юность, за наш институт,

За то, чтобы встретиться вновь,

За Родину нашу, за доблестный труд,

За дружбу, за мир, за любовь!

(Подняв стаканы с вином, друзья подхватывают песню).

За Родину нашу, за доблестный труд,

За дружбу, за мир, за любовь!

З а н а в е с .

От редакции: Пьеса Б. Вахрушева «Золотое озеро» напечатана в литературном варианте.

Редакция просит читателей поделиться своими отзывами и впечатлениями об этой пьесе.

Ваши замечания и предложения шлите по адресу: г. Барнаул, Л. Толстого, 29, Краевое издательство.

ОГНИ В СТЕПИ

(Повесть)

1.

Андрей Говорков сходил с парохода на глухой речной пристани. Молоденький паренёк-матрос, одетый под видавшего виды «морского волка», снёс на берег его чемоданы и крепко пожал руку.

— Счастливо вам, капитан!

— Всего хорошего и тебе, брат.

— Наше счастье немудрёное: прошёл рейс благополучно — счастье твоё.

Андрей улыбнулся. Слушая паренька, можно было подумать, что посудина, на которой он плавает, ходит не по спокойной реке, а по неизведанным морским просторам.

Пароход, оставляя позади себя пенный след, ушёл вверх по реке. Андрей, пристроившись на чемоданах под старой ветлой, закурил. На пристани он был единственным пассажиром. Ещё из Москвы он дал телеграмму, чтобы колхоз выслал на пристань подводку, но она не пришла. Могло случиться, что телеграмма опоздала, а может быть, в колхозе не нашлось свободных лошадей.

Бессонная ночь давала себя чувствовать. Андрей задумался. Им овладела дрема.

— Товарищ капитан! — услышал он тихий голос.

Андрей открыл глаза. Возле него стоял коренастый чернобородый старик с кнутом в руке.

— Виноват, вы, случайно, не Говорков будете?

— Говорков. А что?

— За вами приехал. Простите, опоздал малость.

— Ничего. Пароход только-что ушёл.

— Поехали, товарищ капитан. Там вас весь колхоз ждёт.

Андрей уселся на дрожках между чемоданами. Старик вывел лошадей за поворот дороги и также взобрался на дрожки.

Дорога, обогнув небольшое болото, пошла параллельно Оби. От реки веяло прохладой. Андрей оглянулся назад. Вдали, в дымке утреннего тумана, виднелся огромный Сорокин луг. Там, сливаясь,

Бия и Катунь давали начало многоводной сибирской реке, воспетой народом в песнях и легендах. На правом её берегу стеной стоял лес, от левого, к горам, уходила степь. Вся в складках холмов, лежала она огромным ковром, расцвечённая зеленью хлебов и богатыми красками цветов.

Высоко в небе звенели песни жаворонков. В придорожных травах перекликались перепела, трещали кузнечики.

Вдали, на фоне чистого неба, отчётливо вырисовывался причудливый узор голубых горных вершин.

Выехали на тракт. Возница, подоткнув кнут под сиденье, отпустил вожжи. Лошади пошли рысью.

Андрей хорошо знал всех односельчан, но возница был ему не знаком. Подумав, он спросил:

— А вы, папаша, давно в нашей Коченёвке живёте?

— Скоро восемь лет, как прибыл сюда, — охотно ответил старик. — В сорок первом тракторы из Калининской области привозил, да так и остался. Земляки давно уехали, а я отказался.

— Что так?

Лицо старика помрачнело. Он обернулся к Андрею.

— Да как сказать вам... Сын мой на фронте погиб, старуха — два года назад здесь померла. Остался я один, как чинар-дерево в пустыне. Тяжело так вот возвращаться в пустое гнездо... Да и полюбил я Алтай.

Дальше ехали молча.

Солнце припекало всё сильнее и сильнее. Затихли жаворонки, умолкли перепела. Лишь попрежнему трещали кузнечики, да назойливые мухи роем кружились над лоснящимися крупами лошадей.

Над степью заколыхалось марево.

Вдали показалось село. Как маленький островок, лежало оно среди зелёного моря степи. Серые тесовые крыши домов, широкие прямые улицы, одинокие деревья там и здесь... Родная Коченёвка! Во время и после войны Андрей побывал во многих уголках Европы. Видел казематную строгость немецких местечек, привлекательные сёла славян, но роднее, красивее Коченёвки, как казалось ему, не встречал.

Говорковы были основателями Коченёвки. Когда-то, давным давно, воронежский крестьянин Вавил Говорков, гонимый нищетой, в поисках счастья привёз свою семью на берег маленькой речушки Снежети. Срубил домик, распахал полторы десятины вековой залежи и начал хозяйствовать. Вскоре на берегу Снежети выросло ещё несколько избушек, а потом ещё и ещё: не один Вавил Говорков искал счастья в бескрайних просторах Алтая. Но счастья переселенцы не находили и здесь. Нищета цепко держала в своих костлявых руках крестьянина. Земли было вдоволь, но чем её обрабатывать, чем засеивать?

Через десяток лет в Коченёвке обосновались прасолы, братья Пырякины. У Пырякиных — лошади, хлеб, деньги. Щедрыми были прасолы, никому не отказывали в «помощи». Надо занять семян, позаимствовать денег — иди, не откажут. И коченёвцы, скрепя

сердце, проклиная судьбу-махечу, шли на поклон к Пырякиным. И сами не заметили, как вся Коченёвка оказалась обратной крепкой уздой долгов. Выколачивались эти долги беспощадно: Пырякины брали скот, птицу, корма; на дворе прасолов зиму и лето гнули спины десятки семейств коченёвцев. И чем больше они старались выпутаться из долгов, тем крепче затягивалась пырякинская петля вокруг крестьянской шеи.

Шли годы. Коченёвцы продолжали мечтать о счастье, а оно далеко стороной обходило их дома. Не задерживалось оно и в доме Говорковых. Незадолго до Великой Октябрьской революции, в страшное засушливое лето свели Пырякины с говорковского двора последнюю пару рабочих лошадей — нечем Вавилу было погасить долг. Это было полным разорением. Говорковы, бросив насиженное место, подались куда-то в Горный Алтай искать желанного крестьянского счастья. Пошли, и как в воду канули...

В 1920 году один из сыновей Вавилы Говоркова — красавец и песенник Алексей — снова появился в Коченёвке. Привёз с собой жену, трёхлетнего сына Андрея, немного денег. Приобрёл Говорков в Коченёвке дом, получил землю, и зажил небогатой скромной жизнью. Жизнь пошла в гору. Пошла, но скоро опрокинулась. Снимая шкуру с павшей тёлки, заразился Говорков сибирской язвой и помер. Полгода спустя тиф свёл в могилу и его жену.

После смерти матери маленький Андрей Говорков нашёл себе приют у дяди Саввы Сударева — мастера одного из Новосибирских заводов. Думал Сударев сделать из племянника машиностроителя, но Андрей потянул в другую сторону — пошёл учиться в сельскохозяйственный институт. В 1940 году он вернулся в родную Коченёвку агрономом. Да не один, а привёз с собой красавицу жену Евдокию. Сам устроился агрономом в машинно-тракторной станции, а жена — учительницей в сельской школе.

Началась война. Многие коченёвцы, оставив мирную жизнь, ушли на фронт. Вместе с ними ушёл воевать и Андрей. В действующей армии прошёл он путь от старшины до инструктора политотдела дивизии. Во время боёв за Берлин получил известие о смерти жены. В тот же день был ранен и сам. Долго лечили его в госпиталях. Но три года спустя рана дала осложнение и Андрея освободили от службы в Советской Армии.

И вот он снова на родине. Родина... Какое слово! Вместе с молоком матери человек всасывает любовь к ней. Пока человек мал, и Родина кажется ему маленькой: его комната, его село. Растёт человек, растёт и его представление о Родине. Возмужав, он с гордостью заявляет: «Моя страна». Это значит, что у страны появился ещё один хозяин и защитник. Велика гордость советского человека за свою Родину. Куда бы судьба ни забросила его, как бы круто ни обошлась с ним, но если он хоть нитью связан с родной землёй — он не пропадёт. Одно сознание того, что ты — советский человек, что за твоей спиной стоят двести миллионов братьев и сестёр, вселяет в тебя веру, вливает непреоборимые силы.

Коченёвка и была той первой точкой, откуда Андрей Говорков уверенно шагнул в жизнь. Здесь он когда-то босоногим, вихрастым пареньком ловил со сверстниками пискарей, на школьной скамье приобщался к грамоте.

И вот сейчас, подъезжая к Коченёвке, Андрей Говорков чувствовал, как учащённо бьётся сердце, как легко на душе. Лицо его — строгих черт, чернобровое и загорелое, светилось радостью и, вместе с тем, печалью.

* * *

У ворот родного дома Андрея встретил сосед Степан Лукаш, шупленький старичок, с бородкой клинышком и жёлтыми, прокуренными усами. Лукаш с распростёртыми объятиями шагнул навстречу Андрею.

— С возвращением вас, Андрей Алексеевич!

— Спасибо, дядя Степан, — ответил Андрей.

Лукаш вытер ладонью губы и, по старинному обычаю, троекратно поцеловал Андрея.

— В дом проходите, Андрей Алексеевич, полным хозяином пожалуйста! — тараторил возбуждённый Лукаш. Он вытащил из кармана широченных нанковых брюк связку ключей и одним из них открыл большой замок на двери дома.

В комнате, куда вошёл Андрей, было всё так же, как и в то далёкое утро, когда он уходил на фронт. Так же были расставлены стулья, застлан цветастой скатертью стол, заправлена голубая высокая кровать, а с большого портрета над ней улыбалась жена Дуся. Только тогда на ореховой раме портрета не было этого большого траурного банта.

Заметив, с каким вниманием Андрей осматривает комнату, и неправильно истолковав его внимание, Лукаш забеспокоился:

— Не сомневайтесь, Андрей Алексеевич, — всё в сохранности. Здесь моя старуха порядок блюдёт. Порой дома чего не сделает, а здесь — пылинке не даст залежаться. Прошлой осенью полы покрасили, крышу перебрали — всем колхозом субботник устраивали...

— Да для меня не это важно, дядя Степан, — успокоил старика Андрей. — Соскучился я по родному дому. Восемь лет ведь... А за заботу спасибо вам, всем колхозникам спасибо.

Лукаш, найдя благовидный предлог — позаботиться об обеде, ушёл.

Оставшись один, Андрей ещё долго ходил по комнате, любовно прикасался к вещам, словно видел их впервые. Недоставало в доме лишь самого дорогого, родного — жены.

— Эх, Дуся! — прошептал Андрей. — Не дождалась...

2.

Гостей было много. Уходили одни, приходили новые. Лилась тёплая дружеская беседа.

Дольше всех задержались в доме Андрея товарищи его детства — председатель колхоза Лука Карих, бригадир Семён Хлыстов да пожилой колхозный конюх Харитон Баранов.

Карих, одногодок Андрея, коренастый, большелобый блондин, говорил мало, больше слушал. Незнакомый человек мог бы подумать: «Тихоня, но, кажется, себе на уме».

Хлыстов, длинный белобрысый мужчина, с бледным, помятым лицом, одетый в новенький военного образца костюм, был сильно выпивши. Он всё жаловался на какую-то обиду, нанесённую ему Карих. Но говорил он бессвязно, часто повторяя одно и то же, и Андрей не мог понять, на что он жалуется. Андрею надоела болтовня Хлыстова, и он попросил Карих рассказать, чем обижен Семён.

— Ничем я его не обижаю, — сказал Карих. — Он сам себя обижает: пьёт беспробудно. Руководил он у нас животноводством — завалил дело, поставили на бригаду — не блещут дела и в бригаде. Водка губит его...

— За свои пью, — прервал его Хлыстов. — Ты только плохое замечаешь, а хорошего не видишь.

— Нет его у тебя, вот и не вижу, — раздражённо бросил Карих, в упор посмотрев Хлыстову в лицо. Под этим взглядом Семён съёжился.

— Опоздали, брат, мы с тобой, — доверительно сказал Хлыстов Андрею. — Пока мы там, в Европе, порядки наводили, здесь все хорошие места расхватали. Нам одни объёдки остались. Вот мне дали бригадирство и требуют, чтобы я им спасибо сказал. Я, командир роты гвардейского полка — бригадир! — с раздражением продолжал Хлыстов. — У меня в роте взводами командовали Митька Хворов и Серёга Баландин. Где они сейчас? Хворов заведует отделом райисполкома, а Баландин председательствует в колхозе «Красный моряк»... А я, их командир, бригадиром назначен. А почему? Потому, что Лука всё время чернит меня перед районным руководством... Обидно мне, вот и выпиваю иногда.

— Хорошее «иногда» — по неделе в бригаде не бываешь, — заметил Баранов, и его седые брови ещё больше надвинулись на глаза.

— Не твоего ума дело! — оборвал его Хлыстов.

— Насчёт ума — вопрос спорный, а вот совести у меня побольше твоего, — заметил Баранов.

— Бросим об этом, друзья, — попросил Андрей.

— Правильно, не во-время затеяли, — поддержал Андрея Карих. — Да и засиделись мы. Человек с дороги, а мы со своими дрязгами к нему. Пошли, спать пора...

Андрей вышел во двор, осмотрелся. Стояла тихая, лунная ночь. Чуть-чуть ущерблённая луна лила на землю ровный, мертвящий свет. Все предметы казались сказочно нарядными, но, в то же время, лишёнными жизни.

Андрей подошёл к молодому тополю под окном дома. Это дерево он посадил в предвоенную весну. Теперь вершина его поднялась

выше карниза дома. Идёт жизнь! Андрей, в порыве ребяческой шалости, потряс дерево. Приветливо шелестели листья, как бы узнав того, чья рука дала жизнь дереву. На чердаке заворковал проснувшийся голубь.

Говорков присел на скамейку под тополем. Перебирая в памяти разговоры гостей, он думал, как будет жить дальше. Вспомнились слова Хлыстова: «Опоздали, брат, мы с тобой». Опоздали? О, нет! Как это можно опоздать, возвращаясь к мирному труду... Андрей пересёк полстраны и видел, как всюду кипит жизнь. Всем работы хватит, каждому дело найдётся. Видимо, Хлыстова жизнь ничему не научила. Андрей знал его и раньше таким высокомерным, заносчивым, себялюбом. Сказалось, видимо, воспитание.

...Домик Хлыстовых — на отшибе, точно овца, отставшая от стада. Старый, с покосившимися стенами, с подслеповатыми окнами и худой крышей, он привлекал к себе внимание: таких домиков в Коченёвке оставалось всё меньше и меньше. Рядом с домиком — хлев для коровы и овец, небольшой амбарчик, стожок оставшегося от зимы сена.

За амбарчиком огород — темнозелёная ботва картофеля, гряды лука, чеснока, редиса, бобов, огурцов и моркови. Угол огорода занят просом. Из года в год границы огорода всё дальше и дальше отодвигаются к небольшому озеру, захватывая метр за метром пустошь, бросовую землю. Сколько раз Пётр Константинович Хлыстов, отец Семёна, давал себе слово не трогать этой земли, но приходила весна, и не мог он удержаться от соблазна. «Земля эта колхозу ни к чему, а мне лишний мешок картофеля не помешает», — думал он, вскапывая широкую полоску земли за границей своего огорода.

Уход за огородом требовал много времени, но Хлыстов находил его. Он мало работал в колхозе, но зато на своём огороде трудился до пота, до ломоты в спине. Как-то получалось, что коченёвцы мало обращали на него внимания — в колхозе было достаточно мужчин.

Старый Хлыстов — цыганоподобный, горбоносый мужчина лет шестидесяти — сидел на ступеньке крыльца хмурый, злой. Сын, вернувшись пьяным, учинил ему «разнос». За что? Пётр Константинович и сам не знает... Не оправдал его надежды Семён. Да разве только один он? Вся жизнь пошла как-то через пень-колоду. Его мечты одна за другой развеялись как дым, как прах.

До коллективизации он мечтал о хозяйстве. Огромный сосновый домина с голубыми ставнями и резным крылечком стоит на высоком каменном фундаменте, точно памятник его строителю. По обеим сторонам обширного двора — амбары, сараи, конюшни и скотные дворы. Сделано всё из выдержанного леса, прочно, на век. Поодаль от основных построек двора, на берегу озера стоят кирпичные корпуса мельницы, крупорушки и маслобойного завода. В просторных, светлых конюшнях едят овёс и клевер орловские рысаки, в коровниках стоят сытые коровы-холмогорки... Но пришла

коллективизация, и Хлыстову пришлось довольствоваться домом, старым, ещё дедовским, коровой, десятком овец.

Кто знает, быть может, и дожил бы он до конца дней своих в собственном доме, если бы не случай. Во время войны в Коченёвку приехал украинец — толстенный, хитроватый старик со странной фамилией Подайбог. Понравилась ему усадьба Хлыстова, как ребёнку красивая игрушка. Долго ходил Подайбог вокруг неуступчивого сибиряка, пока сторговал усадьбу за немалые деньги. Восемьдесят тысяч рублей положил Хлыстов в сундучок. Купил он себе по сходной цене старенький дом рядом с проданным, да и стал спокойно ждать конца войны, надеясь после войны пустить в оборот своё состояние. Но расчёты Хлыстова не оправдались: захватила его «кубышку» денежная реформа...

Когда Семён вернулся с фронта офицером, у Петра Константиновича ожили надежды поправить дела. Он считал, что сын получит приличное место в районе, или, на худой конец, в колхозе председательствовать станет. Жизнь снова пойдёт в гору. А на деле ничего не вышло из Семёна.

Хлыстов поднялся. Долго возился, открывая замок на двери дома, нервничал и ругался.

Стена единственной комнаты была увешана сохнувшими шкурками кротов и сусликов. Шкурок было много — десятка три. От них в комнате стоял тяжёлый запах псины, но Хлыстов не замечал его. Он снял одну из кротовых шкурок, провёл рукой по нежному бархату густой шерсти. На душе стало легче. Деньги, пусть малые, но деньги. Из копеек складываются рубли, из рублей — сотни, из сотен — тысячи. Любил Хлыстов деньги. Покойный отец поучал его: «Мужицкое счастье — земля. Деньги — сила, но ненадёжная, их могут украсть. Скот может передохнуть, дом сгореть, а земля — она, брат, вечная. Что-нибудь да уродит». Пётр Константинович усвоил эту нехитрую науку, но затем убедился, что отец оказался не прав: была земля и нет её.

Хлыстов повесил на гвоздик шкурку и тяжело опустился на скамейку возле печи.

3

Карих рано утром потянул Андрея знакомиться с колхозным хозяйством. Побывали они в зернохранилищах, на мельнице, в мастерских, на животноводческих фермах, заглянули на пасеку, объехали поля. Андрей вникал во все мелочи обширного хозяйства, подолгу беседовал с людьми. Колхозники это оценили: они увидели в Андрее не праздного экскурсанта (приезжали в колхоз и такие), а хозяина любопытного и умного.

Провожая взглядом Луку и Андрея, колхозники говорили:

— Решил блеснуть наш хозяин перед фронтовиком.

— Это он любит.

— В чём, в чём, а в этом Карих маху не даст.

В конце дня Карих повёл Андрея в ледник — предмет его предсе-

дательской гордости. Вскоре после войны Карих достал несколько барж тёсанного камня, и за каких-нибудь три месяца колхоз построил большой ледник.

То, что Андрей увидел в леднике, поразило его. Здесь, в разных отделениях, лежали сальные туши свиней, битая птица, стояли бочки, ящики, корзины.

— Куда всё это припасено? — спросил Андрей.

— А никуда, — ответил Лука. — Ошибку допустили мы: забрили свиней и птицу, изготовили партию масла, а цены на рынке упали.

— И что же? — не понял Андрей.

— Подождём, — засмеялся Лука. — Нам не к спеху.

— Значит, решил деньги слупить с рабочего и служащего? — строго спросил Андрей. Лицо его помрачнело.

— Я-то, собственно, здесь непричём. Так решило правление, — попытался оправдаться Лука, хотя мысль подзадержать мясо и другие продукты в леднике принадлежала ему.

— Надо уметь руководить людьми, воспитывать их, — наставительно сказал Андрей и вышел из ледника.

— Ты на что обиделся? — спросил его Карих.

— Не нравится мне твоя коммерция, Лука, очень не нравится. Вчера ты жаловался на «дороговизну» сельскохозяйственных машин и промышленных товаров, а сам что делаешь? Ты бы хотел покупать то, что сделано рабочими, за грош, а продукты ему продавать втридорога?

Лука промолчал. Он и не знал, что ответить Андрею. Андрей присел на раму старого плуга, закурил. Карих пристроился рядом.

— Так что ты скажешь о нашем хозяйстве? — спросил он Андрея.

— Крепкое хозяйство, — похвалил тот. — Но это далеко не всё, что требуется сейчас, Лука.

— А чего же ещё нам надо? — удивился Лука. — Колхозники одеты, обуты, сыты. Всё у нас есть.

— Они этим довольны?

— Не все, конечно, — сознался Лука. — Человек никогда не бывает доволен тем, что он имеет...

— А чего народ хочет?

— Не знаю. Бригадир Феня Башлыкова мечтает о колхозном университете, Баранов — о племенной конеферме, комсомольцы пока не дают со стадионом. А вообще колхозники довольны.

— А тебе не кажется, Лука, что Башлыкова, Баранов и все те, что требуют колхозного университета, племенных ферм, стадиона, правы?

— Я думал об этом, Андрей. На всё это понадобятся огромные затраты, а я привык беречь колхозную копейку. Сам берегу и других приучаю к этому. Лошади у нас хорошие, урожаи и без университета высокие, а без стадиона ещё десятков лет жить можно.

— Отстал ты, видимо, Лука, — укоризненно покачал головой Андрей, — очень отстал.

— Куда же мне до тебя? — промолвил обиженный Карих. — Рассуждать, глядя со стороны, легко, а вот попробуй на деле... Отстал. Ты бы видел, до чего мы дошли за войну...

— О тех временах, Лука, не вспоминай. Ты говори о завтрашнем дне, вперёд смотри.

— Мне хотя бы сегодня за всем усмотреть, а «завтра» придёт — видно будет, что делать.

— Вот это и есть отсталость, Лука. Из твоих разговоров я вижу, что ты живёшь и руководишь без перспективы. Вот ты мне показал хозяйство колхоза. Скажу откровенно: хорошее хозяйство, крепкое. Но ведь вы берёте чем? Количеством. А где качество? Были мы с тобой на выпасах, в конюшнях, на свиноферме. Скот у вас упитанный — видно, что уход за ним хозяйский. Но что-то я не видел племенных маток, породистых производителей. Нет их. Отсюда у вас — надой молока малый, небольшой настриг шерсти. По крайней мере, так говорят колхозники.

— В наших колхозах у всех так.

— Не думаю. Трав вы не сеете, севооборот у вас неправильный. А ещё говоришь, что урожай у вас высокие.

— Послушаешь тебя, так я — никчёмный руководитель, — с обидой сказал Лука.

— Я этого не сказал, Лука. Рано мне судить об этом. Я делаю вывод только по твоим разговорам и рассказам колхозников. Если мои выводы правильные, то могу сказать одно: вчера ты был хорошим председателем, сегодня — посредственным, а завтра станешь плохим. Колхоз будешь сдерживать, будешь мешать ему идти вперёд. Ты учишься?

— Нет, — откровенно сознался Лука. — Нехватает времени. За всем приходится смотреть одному.

— Напрасно. У тебя ведь столько помощников: коммунисты, комсомольцы, передовые колхозники.

— Это я знаю. Разве я один смог бы поправить дела в колхозе? Люди, люди золотые у нас.

— Значит, веришь в людей?

— Эх, Андрей, Андрей! — вздохнул Карих. Он поднял с земли палочку, изломал её мелко-мелко и отбросил кусочки далеко от себя. Подумав, продолжал: — Ты думаешь, что я впервые слышу о том, о чём ты говоришь? А что получается? Вот я нынешней зимой ездил в райсельхозотдел просить агронома в колхоз. Их там в конторе целая бригада. С одним поговорил, с другим — не рад, что и связался. Был у заведующего отделом, и тот меня не поддержал: что ты, мол, выдумал? Мы и так без специалистов задыхаемся. А почему бы колхозу не иметь своего агронома, своего зоотехника, пусть бы они живым делом у нас занимались. Я правильно понимаю? — спросил Карих.

— В этом ты прав.

— Вот и ты говоришь, что я прав... Ну, а ты чем думаешь заниматься? — лукаво улыбнулся Карих и пытливо посмотрел приятелю в лицо.

Андрей затушил папиросу, поднялся, стряхнув с гимнастёрки пепел, сказал:

— Это решено. У меня было достаточно времени, чтобы подумать о своём «завтра». Пойду к тебе в помощники — агрономом.

— Не шути, Андрей, — уставился на Говоркова Лука.

— А я не шучу. Истосковался по любимой работе, руки чешутся. Мы говорим о стопудовом урожае на круг. Да на наших землях, при нашей технике, с нашими людьми — разве это урожай! Триста, четыреста пудов с гектара пшеницы — вот чего мы должны добиваться и добьёмся. Надо лишь культуру земледелия поднять, мобилизовать на это хлеборобов. Учить людей будем, агротехнике учить. У нас должны быть десятки своих агрономов-мичуриnceв. Посчитай, сколько в Сибири сельскохозяйственных институтов и техникумов, опытных станций. Подберём человек двадцать молодых парней и девушек, да пошлём их месяцев на десяток в институты и техникумы — пусть посмотрят, что делается в лабораториях, на учебных полях, пусть послушают лекции учёных. Остальных дома учить будем. У наших людей жажда к знаниям огромная. Эх, и развернём же мы дела!

— Посмотрим, как оно будет, — уклончиво ответил Карих.

4.

Надя Хворова, восемнадцатилетняя, худенькая светловолосая девушка, заботливо поправила подушку под головой спящего девятилетнего брата Коли, задёрнула на окне старенькую сатиновую шторку и вышла на кухню. Наскоро позавтракав, она стала собираться на работу. Делала всё бесшумно, стараясь не разбудить большую мать. Надя не заметила, что мать уже не спит.

— Что так рано, доченька? — спросила мать. — Поспала бы часок ещё. Извелась ты с нами...

— Я-то выпалась, а вот вы не спите: всю ночь стонали. Худо вам?

— Нет, Надюша, во сне, наверное.

— Какое уж там «во сне!» По лицу вижу, что глаз не смыкали. Вчера доктор был?

— Был, доченька, был. Хорошая женщина, этот доктор... А ты почему так рано поднялась? — спросила Ирина Карповна.

— Уговорились с девушками на час раньше начинать: перерастает свёкла. Агроном говорит, что надо спешить. Карих обещал мужчин выслать.

— Вчера я мельком видела, как Лукаш мимо нашего дома с каким-то военным прошёл. Вернулся кто? — спросила Ирина Карповна.

— Андрей Говорков вернулся, говорят, — нехотя ответила Надя. Она знала, как волнуют мать вести о чужих сыновьях, возвращающихся из армии домой.

— Вот и ещё один вернулся, а наших нет, — вздохнула мать.

— Нет, да, наверное, и не будет. Надо привыкать к этому, мама: нет наших в живых. Был бы кто живой, откликнулся бы.

— Как жить-то будем: дом валится, коровки лишились... Когда из Рябушки коровка вырастет.

— Ничего, мама. Осенью дом отремонтируем, а к весне корову купим. Урожай бы только высокий вырастить, а там — дела поправим.

Надя взяла со стола небольшой узелок с хлебом, придирчивым взглядом окинула комнату: всё ли сделала вчера. Кажется, всё.

— Что же мало хлеба берёшь: день большой, — забеспокоилась Ирина Карповна.

— Кормят нас в поле, мама. Два раза горячее дают, — успокоила мать Надя. — Я бельё намочила, вы не трогайте его: вернусь с работы, — постираю. Лежите спокойно...

...Нелёгкую жизнь прожила Ирина Карповна. Рано лишившись родителей, она вдоволь хлебнула слёз в чужих домах, на чужой пашне. В батрачестве прошло детство, юность. Семнадцатилетней девушкой вышла замуж за такого же горемыку, как и сама, батрака Михаила Хворова, гнувшего спину у прасола Пырякина. Скоро, очень скоро узнали Хворовы, что права народная поговорка: «Живёт бедняк один и горе одно, вдвоём живёт бедняк — два горя селятся в его доме». Пошли дети, а их — и кормить нечем, и одеть не во что. Из кожи лезли Хворовы, на работе надрывались, а нужны так и не могли одолеть.

Настоящая жизнь пришла вместе с колхозом. Свободно вздохнули Хворовы, разогнули спины. Окрепло их хозяйство, счастье прочно поселилось в их старом доме. В 1940 году Ирина Карповна родила сына Колю. Сколько радости было! Счастливым отец, колхозный бригадир, целую неделю «обмывал» сына. От закусок и вин гнулись столы, гостей никто не считал. С гордостью поглядывая на старших сыновей — Юрия — студента Воронежского университета и Константина — курсанта военного училища, Михаил Хворов говорил гостям: «Зажили, зажили хлеборобы. У пырякинских батраков дети пошли по учёной линии! Вот это жизнь. Долго ждали правды на земле, но дождались. Вот кто принёс её к нам!» — указывал он на большой портрет Сталина, поднимая за него тост. В порыве отцовских чувств Хворов брал из рук счастливой матери сына, кричал: «Расти быстрее, Николай Михайлович, на профессора учить будешь!»

Через год началась война. Ушёл в армию Михаил, ушли на фронт и его сыновья. Ушли, и как в воду канули. Семья получила извещение о гибели Константина, а об остальных двух — отце и сыне — ни звука: пропали без вести. И снова горе наведальось в дом Хворовых. Дети малые, Ирина Карповна — больна. Пошли на топливо брёвна, заготовленные Михаилом для нового дома. Кончилась война, вернулись домой фронтовики — счастье вернулось в избы коченёвцев, а дом Хворовых оно обошло стороной.

Ирина Карповна не хотела верить в гибель мужа и Юрия, жда-

ла — авось отыщется кто-либо из них. Знала, что напрасно ждёт, а ждала.

Подросла Надя. Окончив восемь классов средней школы, не пошла учиться в техникум: как бросить большую мать с маленьким братом. Было бы в коченёвской школе полных десять классов — получила бы Надя среднее образование. Вот и проводит теперь Надя зимние вечера за партией, заканчивая среднюю школу сельской молодёжи.

Ирина Карповна поднялась с постели, оделась. Трудно лежать, когда знаешь, что дочери после работы в поле придётся заниматься хозяйством.

В дверь кто-то постучал — тихо, несмело.

— Можно, можно! — слабым голосом ответила Ирина Карповна.

Вошёл Андрей Говорков. Его появление было настолько неожиданным, что Ирина Карповна растерялась. Смутился почему-то и Андрей.

— Здравствуйте, Ирина Карповна! — поздоровался он, неловко подавая руку хозяйке дома.

— Здравствуй, соколик.

Ирина Карповна по-матерински обняла Андрея. На её глазах заблестели слёзы радости.

— Вернулся, значит? Жив-здоров?

— Не совсем здоров, но бывает и хуже, чем у меня.

— Бывает, бывает, — подтвердила Ирина Карповна, рассматривая гостя. — Ты садись, родной. Своих не дождалась, так хоть на тебя полюбуюсь. Убили моих ведь, всех троих убили.

— Знаю, Ирина Карповна: товарищи писали. Много наших людей сложили головы за Родину... Вот зашёл посмотреть, как вы живёте. Надя, наверное, так выросла, что и не узнать её.

— Выросла моя Надя, на ней и держимся. Коля мал, а я всё болею. Хвалиться нечем — недостатки одолевают. Правда, кушать есть что, Надюша одета, а в доме, как видите, почти ничего не осталось. Что было — за войну прожила... Только я духом не падаю: налаживается жизнь.

— Вам, Ирина Карповна, надо в правление колхоза обратиться: пусть помогут дом новый поставить, — посоветовал Андрей.

— Была я у Карих, родной. Надюшка заявление писала... Обещал помочь, да только забывает наш Лука Петрович о своих обещаниях, — ответила Хворова.

— А вы бы напомнили ему.

— Да что же человеку надоедать? У него и своих дел много: всё колхозное хозяйство на нём. Как-нибудь сами обернёмся, с каждым годом живём всё лучше и лучше. Вот если в этом году получим на трудодни побольше денег — кое-что сделаем.

— А в прошлом году деньги на трудодни давали? — поинтересовался Андрей.

— Давали. По полтора рубля пришлось на каждый трудодень. Плохо у нас с деньгами.

— А в других колхозах как?

— Разно: в «Перекопе» по четыре рубля, в «Прогрессе» — по шесть, а в «Коммунаре» — по шесть с копейками. Нам по ним равняться нельзя. У них копейка откуда? Сады развели, пчёл много, гусей целые стаи ходят, какие-то травы сеют, овощи выращивают, а «Перекоп», так тот породистых лошадей да овец развёл. За одного жеребёнка тысячи получают. У нас же — один хлеб. Мужики — те оборачиваются, а нам, вдовам, туговато приходится... Ну, ничего, мы видели худшее, а сейчас грех на жизнь обижаться, — закончила Ирина Карповна. — Ты, Андрюша, займись чем-нибудь, а я на стол соберу. Вон книжки на полке, почитай.

— Нет, нет, Ирина Карповна! Ничего не надо собирать, — запротестовал Андрей. — Я только что завтракал.

— Не говори, сынок. Обрадовал ты меня своим приходом, так будь хорошим до конца: нельзя отказываться от хлеба-соли. Посидим за столом, поговорим.

5.

Увидев Андрея, вышедшего со двора Хворовых, Лука остановил лошадь. Поздоровался, пригласил друга в пролётку.

— Раненько поднялся, Андрей. Я бы на твоём месте в это время ещё бы в постели нежился. Или не лежится?

— Не лежится, Лука. Вот старушку проведаль, — ответил Андрей и так посмотрел на Карих, что тот поёжился. — Неважно живёт. Ты знаешь об этом?

— Конечно, знаю. Немногих война так подсекла, как её: на фронт ушли трое и ни один не вернулся.

— Ты когда-нибудь заходил к ней?

— А как же? — удивился Лука. — Плохо она живёт. Помочь бы ей надо, да силёнок маловато у нас.

— Как же тебе не стыдно, Лука? — возмутился Андрей.

— Погоди стыдить меня, Андрей, — обиделся Карих. — Что я могу сделать: Ирина не одна такая у нас. Живут в старых домах Вавил Хренов, Володя Дьяконов, Пётр Полторацкий. Не можем же мы в один год вселить их в новые дома.

— А почему бы и нет? — спросил Андрей.

— Да ты что говоришь? Откуда денег столько набрать?..

— При желании можно найти деньги. Ирине Карповне надо помочь дом построить, корову дать. Обсуди этот вопрос на правлении, вынеси на общее собрание. Ты только начни, и увидишь, как колхозники поддержат тебя.

— Поставлю, Андрей, — согласился Лука. — Может ты и прав здесь: просмотрели мы.

— Вот я об этом и говорю, — обрадовался Андрей податливости Карих.

— Не из лёгких характер у тебя, Андрей, — миролюбиво сказал Лука. Не можешь ты без нравоучений, не люблю я этого.

- А знаешь почему? Избалован ты.
— Кем?
— Колхозниками, товарищами из района — всеми.
— Не балуют меня колхозники, а уважают, ценят, — не без гордости сказал Карих. — Один ты такой нашёлся: то тебе это не так, другое не по-твоему.
— Смотри, Лука, ошибёшься.
— В чём?
— В том, что я, якобы, один недоволен тобой. Но я, если говорить прямо, больше других имею право осуждать тебя. Мы оба коммунисты. Не хотел бы я, чтобы с тобой случилось что-нибудь неприятное. От чистого сердца говорю.

6.

Свой рабочий день Лука Карих планировал с вечера. В объёмистую тетрадь он вносил всё, чем собирался заняться завтра. Но как-то получалось, что редко-редко удавалось ему выполнить этот план. Шли к нему, и только к нему, за всякой мелочью, за всякой безделицей. А Лука, приучив людей к этому, решал всё сам. Дни проходили не так, как хотел бы Карих.

Вот и сегодня — не успел он просмотреть рапортчики бригадиров о выполнении нарядов за прошлый день, как вошёл правленческий кучер Алексей Кудряшов подписать ордер на ковочные гвозди. За ним вошёл зоотехник райсельхозотдела заверить командировку, после него явились кузнец и слесарь. У этих дела неотложные: пришли за советом, какое железо ставить на оковку новых дрожек для правления. Беседуя с людьми, подписывая бумаги, Карих чувствовал, как в нём поднимается раздражение. Почему, против чего — он и сам не мог понять. Всё шло как и раньше — вчера, позавчера, неделю назад, а вот почему-то сегодня его раздражают эти мелочные дела, бумажки.

Карих вспомнил вчерашний разговор с Говорковым, его слова: «Не хотел бы я, чтобы с тобой случилось что-нибудь неприятное». К чему это он? Что Говорков от него хочет?

Карих закрыл стол и направился к выходу. В двери он столкнулся с бухгалтером Ионом Барабиным.

— Уходите, Лука Петрович? — спросил Барабин.

— Ухожу. А что у тебя?

— Да тут несколько документов подписать.

— Что-нибудь срочное?

— Да не очень.

— Вечером подпишу. И вообще запомни — все бумаги буду подписывать только вечером. Всякие гвозди, солому, тряпки — подписывай сам, а я потом — разом.

— Андрей Говорков заявление принёс: просит в колхоз принять, — сказал бухгалтер.

— Говорков? — переспросил Карих. — Вечером на правлении разберём.

Хлопнув дверью, Карих ушёл.

— Ай-ай-ай, — покачал головой Барабин. — Что-то вышибло Луку Петровича из колеи.

7.

После госпиталя Андрей хотел месяц-другой отдохнуть. Да и кто упрекнул бы его за это! Но жизнь коченёвцев с первых же дней захлестнула его, втянула в свой водоворот. Его тянуло к людям, к работе. Это было потребностью его души — беспокойной, горячей. Он уже побывал на строительстве гидростанции, помог организовать там социалистическое соревнование, по просьбе заместителя секретаря парторганизации Семёновой провёл семинары агитаторов и редакторов боевых листов, был частым гостем в полеводческих бригадах. Ему, агроному, находилась там работа.

И сегодня, по просьбе комсомольцев, Андрей готовит лекцию «Сталинский план преобразования природы». Лекция была уже написана, но получилась она растянутой. И вот сейчас, устроившись в кабинете председателя колхоза, Андрей ломал голову над её сокращением. О великом сталинском плане можно было бы рассказывать днями, а тут — попробуй уложись в полтора часа!

Андрей устало откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Его воображение перенеслось на десятилетие вперёд. Необозримые просторы европейской части страны разрезаны зелёными валами государственных лесных полос. Под защитой высоких деревьев колосятся хлеба, голубеют воды новых озёр, каналов, прудов. В зелени садов и парков утопают сёда и рабочие посёлки, по широким автострадам во все стороны идут машины. С севера на юг, с запада на восток, как дороги в коммунизм, тянутся электролинии высокого напряжения. По ночам вся степь горит чудесными огнями: «лампочка Ильича» освещает людям путь вперёд. Исчезли из обихода слова «пустыня», «суховей», «засуха».

Не смолкает в степи песня счастливого хлебороба, жизнь поёт гимн тому, чьим гением и волей преобразована степь, гимн великому Сталину.

Мысль Андрея переносится на Алтай... Он видит многогектарные клетки полей, заключённые в зелёную оправу полезащитных лесных полос, широкие, обсаженные деревьями, степные шоссе, колхозные сады и виноградники. Обь, Бия, Катунь и сотни малых рек, перехваченные бетонными плотинами гидроэлектростанций, работают на человека.

Андрей слышит размеренный пульс жизни «Малого Урала» — Горного Алтая: работают десятки комбинатов, заводов, обогатительных фабрик, шахт и рудников, доменных печей и лабораторий. Он видит новые сибирские сёла: широкие мощёные улицы, многокомнатные дома колхозников под черепичными и железными крышами, многоэтажные общественные здания.

Думы Андрея были прерваны стуком в дверь. Вошла замести-
тель секретаря парторганизации Галина Семёнова, тридцатилетняя,
крепкого сложения женщина.

— Сегодня у нас партийное собрание. Коммунисты просят вас
прийти, — обратилась она к Андрею.

— Приду, обязательно приду, — пообещал Андрей. — Какие
вопросы на повестке дня?

— Один вопрос, Андрей Алексеевич, — о достройке клуба. Надо
решать, нельзя дальше тянуть. Сколько раз говорила об этом Луке
Петровичу, а толку что-то не вижу. Отмахивается от клуба. «Зимой
всё сделаем — не к спеху».

— Собрание открытое? — поинтересовался Андрей.

— Закрытое, — ответила Семёнова.

— Почему?

— Думаем резко поговорить с Лукой Петровичем — неудобно
при беспартийных.

— Бойтесь авторитет председателя уронить в глазах беспартий-
ных?

Семёнова молчала.

— Так?

— Так, Андрей Алексеевич, — созналась Семёнова, — уважаем
мы его.

— Уважаете, а сами портите: скрываете недостатки в его рабо-
те от колхозников. Разве так помогают руководителю? От того, что
придётся ему покраснеть перед людьми, кроме пользы ничего не
будет, Галина Тихоновна. Я бы вам посоветовал на собрание при-
гласить комсомольцев, колхозный актив. А сам вопрос немного рас-
ширить. По-моему, надо решать вопрос не только о клубе, но и о
помещении для стационарного детсада, о строительстве домов для
колхозников. Как вы думаете, Галина Тихоновна?

— Что вы, Андрей Алексеевич! — испуганно воскликнула Семё-
нова. — Да Лука Петрович такой шум поднимет, что и до утра собра-
ние не закончим.

— Пусть пошумит. Только много шуметь он не будет — воля
коммунистов и для него обязательна, — твёрдо сказал Андрей.

— Тогда придётся собрание перенести на завтра, — с сожалени-
ем сказала Семёнова.

— Почему? — недоумённо спросил Андрей.

— Не успеем сегодня подготовиться.

— А какая здесь подготовка? Коммунистам известно о собра-
нии, комсомольцам и активу — сообщите. Надо, чтобы они знали,
какие вопросы будет обсуждать собрание. Вы сделаете короткий
доклад — дадите направление, а там — само собой дело пойдёт.
Проект решения напишем вместе. Я на-днях говорил с Карих. Его
мы уломаем, а потом выйдем с предложением на правление колхо-
за и на общее собрание колхозников! Уверен, что люди поддержат
нас, — предложил Андрей.

— Да надо бы сначала договориться с председателем, узнать
возможности колхоза, — нерешительно сказала Семёнова.

— Я думаю, что пока будем говорить о клубе, детсаде и о домах Ирины Хворовой, Петра Полторацкого, Вавила Хренова и Владимира Дьяконова. Им надо помочь в постройке новых домов. Да не просто домов, а типовых, чтобы и других разбередить. Ведь у нас же есть замечательные плотники, столяры, кровельщики. Мне Лука говорил, что в колхозе создана строительная бригада, — продолжал Андрей.

— Есть, — подтвердила Семёнова. — Восемнадцать человек в ней.

— Чем же они сейчас занимаются?

— Восемь человек в совхозе «Обь» конюшню строят, а остальные — кто где.

— Как они попали в совхоз? — спросил Андрей.

— Правление решило — пусть колхозу деньги зарабатывают.

— А колхоз как с ними рассчитывается?

— Трудоднями.

— Странно, — удивился Андрей, — надо будет потребовать, чтобы их отозвали из совхоза.

— Им делать в колхозе нечего, Андрей Алексеевич. Нет у нас ни леса, ни других материалов. Вот вы говорите, что надо обсуждать вопрос о строительстве домов колхозникам. Где у нас лес, железо для крыш, гвозди? Трудно достать всё это в большом количестве. Мы все пороги обили в районе, пока достали досок и тёсу для клуба, а тут — целых четыре дома, — как бы оправдываясь, сказала Семёнова.

— Да, трудно, но строить надо, Галина Тихоновна, — возразил Андрей и умолк.

Долго сидел так, о чём-то размышляя. Семёнова с нескрываемым любопытством смотрела на Андрея и думала: «Этот не из тех, кто легко отступает от задуманного». И как бы в подтверждение её вывода, Андрей спросил:

— В горах уйма строевого леса. Организовать бы там лесозаготовки. Людей и тягла в колхозе достаточно. Почему бы нам не подумать над этим?

— В горах много чего есть. Но попробуйте получить лесной билет: районные руководители ссылаются на краевое начальство, а там, видимо, не до нас. В прошлом году дали нам разрешение на порубку леса в казакпаевских горах. Это — триста километров от тракта, — ответила Семёнова.

Андрей когда-то бывал в районе Казакпая. Скалы, ущелья — к лесу не подступиться. Казакпай — край шишкобоев да смелых охотников-алтайцев, но не лесорубов. В крае не могут не знать этого.

— А если попробовать достать билет в другом месте, скажем, в верховьях Снежети. Заготовить, спустить к реке и сплавом? — спросил Андрей.

— Что вы, Андрей Алексеевич! — широко раскрыла глаза Семёнова. — По Снежети никогда не плавиле леса.

— Эка беда, — улыбнулся Андрей. — Не плавил, а мы будем плавить.

— Рисковое это дело. А Лука Петрович рисковать не станет, — убеждённо сказала Семёнова.

— Вы думаете?

— Не думаю, а знаю, — подтвердила Семёнова.

— А мы попробуем. Надо поднять на это дело колхозников, а Луке Петровичу останется только согласиться, — сказал Андрей.

— Не знаете вы его, — вздохнула Семёнова.

После ухода Семёновой, Андрей задумался: «Чего мне, собственно, надо? Кто я, какое имею право вмешиваться в дела Луки?» И сейчас же прочь отбросил эти мысли. Всё, что делается в колхозе, непосредственно касается его, он за всё, наравне с другими коммунистами Коченёвки, несёт ответственность перед партией. Здесь не скажешь: «моё дело маленькое». Не такой был характер у Андрея.

8.

На партийное собрание Карих пришёл последним и скромно уселся в углу кабинета, у печки. Хмурый, чем-то подавленный, он внимательно слушал доклад Семёновой.

Она говорила, что в ближайшее время надо открыть детский сад, построить четыре дома для колхозников, закончить внутреннюю отделку клуба. Для этого следует пополнить строительную бригаду, отпустить колхозникам денежную ссуду, помочь им приобрести лес и другие строительные материалы. Инициаторами этого дела должны стать коммунисты и колхозный актив. Поделилась она и мыслью Андрея — плавить лес по Снежети.

После доклада наступила тишина. Многие из присутствующих посматривали на Карих, — ожидая, что он скажет. Этого ждал и Андрей. Карих молчал. Казалось, он занят какими-то своими мыслями.

— А как это практически осуществить, Галина Тихоновна? — спросил Харитон Баранов.

— Я советовалась с товарищами, и мы пришли к выводу: часть денег колхозники найдут сами, часть — ссудит им колхоз, а работу проведём путём воскресников. Я думаю, что колхозники не откажут в помощи своим товарищам. Так, товарищи коммунисты?

Собрание загудело:

— Так!

— О чём разговор!

— Пойдут на это колхозники!

— Сами за топоры возьмёмся!

— Затруднение будет с тёсом и кровельным материалом, но я думаю, что нам помогут районные организации, — закончила Семёнова и белым расшитым платочком вытерла вспотевшее лицо. Было видно, что она волновалась.

Семёнова села, и в зале снова воцарилась тишина. Андрей кивнул Карих:

— Твоё слово, Лука Петрович.

Карих поднялся, прошёл к столу президиума.

— Что я могу сказать, товарищи? — начал он голосом уставшего человека. — Деньги на достройку клуба, на детсад и на ссуду колхозникам мы, пожалуй, найдём. Но леса нам не достать. Пробовал я договориться с райисполкомом — ничего не вышло. И в этом году отводят нам участок в Казакпае — за сотни километров отсюда. Как его доставить? Конечно, если мы сумеем уговорить райисполком, чтобы билет на лес он дал в верховьях Снежети, тогда мы справимся со строительством.

Вслед за Карих выступил Андрей. Говорил он о том, что колхоз должен развивать своё хозяйство, что инициаторами этого большого дела должны стать коммунисты и колхозный актив. Строительство домов для острануждающихся колхозников — это только часть большой работы, которую предстоит проделать колхозу. Если весь артельный коллектив правильно уяснит себе перспективы развития — девять десятых задачи будет решено.

Карих уходил с собрания довольным: обошлось без критики, которой он так не любил. Правда, он обещал дать ссуду колхозникам, но это его ни к чему не обязывает. Ссуда будет нужна лишь тогда, когда колхоз получит лес и железо, а леса пока не достать. Вот и выходит: и он, Карих, оказался «на уровне», и колхозные деньги останутся в банке...

9.

Высокий, с выправкой человека, прошедшего не один год в строю, Андрей шёл вдоль безлюдной улицы села.

Из переулка, ведущего на Гайлушинский тракт, выскочил зелёный «ЗИС». Наискосок перерезав площадь, машина остановилась у колхозной конторы. Через минуту, сделав разворот, она вышла на дорогу.

Поравнявшись с Андреем, шофёр резко затормозил машину. Из неё вышел невысокого роста плотный мужчина, одетый в лёгкий белый костюм. Андрей от неожиданности растерялся: перед ним стоял Пётр Михайлович Байкалов — бывший заместитель командира полка по политической части.

Окинув взглядом Андрея, Байкалов бросился к нему.

— Говорков!.. Андрюша!..

Лицо Байкалова, суровое, со шрамом на левой щеке, озарилось мягкой улыбкой.

— Садись, садись в машину, — потянул Байкалов Андрея. — Вот встреча!

Машина вышла за село.

— Вон туда, Серёжа! — показал Байкалов шофёру на большую группу людей, видневшуюся вдали...

Всё время, пока Андрей рассказывал о прошлых днях своей службы, о том, как попал в родную Коченёвку, Байкалов слушал

молча. Лишь когда Андрей упоминал имена людей, знакомых им обоим, лицо Байкалова оживлялось, глаза светлели.

— А сейчас чем думаешь заняться? — спросил Байкалов, когда Андрей закончил свой рассказ.

— Уже занимаюсь, Пётр Михайлович. Вступил в колхоз, назначен агрономом.

— Уже? — воскликнул Байкалов.

— Уже.

— Вот это по-гвардейски. Молодец, Андрей. Нужны нам агрономы. Да кто нам сейчас не нужен? Нужны зоотехники, комбайнеры, механики, электрики, техники-строители, радиотехники... Растёт деревня, Андрей. Учим, учим людей, а всё мало.

— А вы как попали на Алтай? — спросил Андрей Байкалова. — Вы, как кажется, и во сне свою Тулу видели.

— Ты прав, Андрей: мечтал после войны к своим оружейникам вернуться, а вышло по-другому... После ранения на реке Молочной я полтора года в госпитале пролежал. Долечивался в Барнауле. Там и списали меня по инвалидности в отставку. Поблагодарил я врачей, как мог, да и поплёлся на вокзал. Не из весёлых было моё настроение: война в полном разгаре, а я — инвалид... Зашёл проститься к секретарю крайкома — он часто навещал нас в госпитале. Побеседовал он со мной, да и говорит: «Никуда вы не поедете от нас. Тула обойдётся без вас, а нам людей много надо». И попал я вместо Тулы в Горный Алтай секретарём райкома, а с марта здесь работаю. Сибиряком уже себя считаю: к холодам привык, к пельменям пристрастился, — весело засмеялся Байкалов.

Машина, подпрыгивая на кочках, подошла к свекловичной плантации, на которой работало с полсотни колхозниц и колхозников. Байкалов вышел из машины, поздоровался.

— Доброго здоровья, Пётр Михайлович! — хором ответили колхозницы на его приветствие.

Андрей понял, что секретарь райкома — частый гость в колхозах.

Одна из колхозниц оставила работу, поправила сбившуюся набок красную косынку и подошла к Байкалову. Они поздоровались запросто, как старые друзья.

— Много ещё прорывки осталось, товарищ Башлыкова? — спросил Байкалов, кивнув головой на рядок свёклы.

— Сегодня закончим, Пётр Михайлович.

— Молодцы.

— Народу вон сколько работает, — не без гордости сказала Башлыкова. — Армия целая.

— Армия не армия, а рота, пожалуй, будет, — пошутил Байкалов. — А Қарих где?

— На «Холмы» уехал, травы смотреть. Послать за ним?

— Не надо, Фёкла Павловна. Мне бы Семёнову повидать.

— Её бригада вон где работает, — показала Башлыкова на край поля.

Андрей невольно залюбовался колхозницей. У неё были пра-

вильные черты лица, высокий лоб, небольшой, красиво очерченный нос, маленький рот с полными пунцовыми губами, большие выразительные глаза, иссиня-чёрные волосы. «Хороша», — подумал Андрей.

— Со мной пойдёте, Андрей Алексеевич, или здесь останетесь? — обратился Байкалов к Андрею.

— С вами пройду, Пётр Михайлович.

Башлыкова внимательным взглядом провожала ушедших. Было в её взгляде что-то любопытное, серьёзное, чисто женское. Она впервые увидела Андрея, о котором так много слышала от его покойной жены.

— А я, Пётр Михайлович, собирался к вам в райком, — сказал Андрей, когда они с Байкаловым отошли от колхозников. — На учёт надо стать, да дело одно решить. Вчера у нас состоялось партийное собрание. Решили стационарный детсад организовать, дома четырём колхозным семьям поставить, а леса для строительства нет.

— Очень интересно, — оживился Байкалов. — Расскажи, расскажи, дорогой.

— Да, собственно, и рассказывать нечего. В колхозе у нас около шестидесяти «карапузов» дошкольного возраста. Маленькие в яслях, школьники — в пионерских лагерях, а эти — дома. Вот и хотим для них детсад организовать: колхозниц освободим от забот, да и детишки кое-чему учиться будут. Как вы думаете, Пётр Михайлович? — спросил Андрей.

— Хорошее дело, Андрей. Очень хорошее, — одобрил Байкалов. — Надо подобрать туда толковых людей, создать условия. Вашу инициативу поддержим, поможем в чём надо.

— Теперь другой вопрос, — продолжал Андрей, окрылённый поддержкой Байкалова. — Некоторые наши колхозники живут в домах, которые вот-вот развалятся. Хорошо бы помочь им обзавестись новыми. Но без вашей помощи нам этого не сделать.

— А какая помощь нужна? — спросил Байкалов.

— Лес нужен, Пётр Михайлович.

— Трудно с лесом, Андрей.

— Знаю, Пётр Михайлович. Не было бы трудно, мы бы и не обращались к вам за помощью, — ответил Андрей.

— Дом под детсад мы дадим вам готовый: получили восемь домов из Безъюртовского леспромхоза. Хорошие дома, и цена сходная — семь тысяч рублей.

— А пару нельзя? — спросил Андрей. — Есть у нас колхозница одна — Ирина Хворова. Сама больная, муж и два сына на фронте погибли. Бедно живёт она. Семь тысяч мы бы для неё нашли.

— Хворова? — переспросил Байкалов. — Это не мать ли комсомолки Нади Хворовой?

— Она, Пётр Михайлович, — подтвердил Андрей.

— Знаю эту семью. Дадим ей дом. Половину стоимости его внесёт отдел социального обеспечения, а половину — пусть колхоз и

себя возьмёт. Сумеете добиться такого решения? — спросил Байкалов.

— Сумеем, — заверил Андрей.

— Договорились. А другим придётся подождать: нет леса.

— Лес мы достанем. Помогите нам получить билет на порубку леса в верховьях Снежети — завалим село лесом.

Рассказал Андрей о своей мысли заставить Снежеть работать на колхоз. Байкалов слушал молча, хмуря чёрные, сросшиеся на переносице брови.

— Предложение твоё дельное, — сказал он, выслушав Андрея. — Пусть приезжает Қарих, свяжемся с краем.

10.

На партийном собрании Андрей был избран секретарём партийной организации.

После собрания Андрей и Лука возвращались домой вместе. Ночь была тёмной, душной. Село спало, лишь за околицей пела гармонь. Звуки весёлой русской песни плыли над селом, будоражили душу. Не для себя, видимо, старался гармонист.

— Где это играют? — спросил Андрей.

— Хоровод за селом.

— Сходим? — предложил Андрей.

— Нечего нам с тобой там делать. Хороши были бы из нас руководители, если бы мы по хороводам шатались, — ответил Лука.

— «Шататься» не надо, а знать, как наша молодёжь время проводит, мы обязаны, — сказал Андрей.

— Это по твоей линии, ты и занимайся этим.

— Линия одна у нас.

— Не знаю, — раздражённо бросил Лука и, не попрощавшись, свернул в переулок. Андрей тихо побрёл по улице. Шёл и слушал залиvistые звуки гармонии.

Коротки летние ночи. Не успеет потухнуть вечерняя заря, как начинает алеть восток; не успеет как следует отдохнуть натруженное за день тело хлебороба, как надо вставать. Но не хочет мириться с этим юность, нет! Затихнет село в коротком сне — запоёт за околицей гармошка. Поёт, зовёт на весёлый хоровод. Кто устоит против её зова? Спеть песню, пройтись по кругу в танце, обменяться улыбкой с тем, кто мил сердцу, а там — сколько останется для сна? Не беда, что мать попеняет за позднее возвращение домой, — у неё тоже была своя юность.

* * *

Наткнувшись в темноте на каменную ограду колхозного птичника, Қарих вздрогнул. Он не заметил, как вышел за село. Осмотревшись, Қарих подумал: «Что это со мной? Брожу, как лунатик».

Қарих повернул назад, но вдруг почувствовал, как неприятный озноб охватил всё его тело. Лоб покрылся холодным потом, во рту

стало сухо и горько. «Отчего бы это? Не заболеть бы», — со страхом подумал Лука, садясь на землю. Дрожащими руками, рассыпая махорку, кое-как свернул папиросу. Закурил, жадно, со всей силой здоровых лёгких, затянулся едким дымом. Курил долго, до головокружения. Жаркий огонёк папиросы, вспыхивая, освещал острый нос, круглый, с ямочкой, подбородок, расстёгнутый ворот рубахи.

Где-то рядом, часто перелетая с места на место, какая-то пичуга жалобно просила: «Пить-пить! Пить-пить-пить-пить!». И по тому, как она металась вокруг Карих, можно было подумать, что её действительно мучит жажда. Где-то далеко «ухал» филин. На небе, подмигивая друг другу, ярко горели звёзды, силясь рассмотреть, что делается на окутанной ночным мраком земле.

Карих долго не мог успокоиться. До сих пор он считал, что, как руководитель большого общественного хозяйства, ведёт правильную линию, делает всё, что от него требуется. Но пришёл Андрей и не постеснялся сказать, что эта линия порочная. Кто же из них прав: он или Андрей? И впервые за многие годы Карих усомнился в своей правоте.

Внезапно, как незваные гости, нахлынули воспоминания о далёком прошлом — тяжёлом, как кошмарный сон.

...Бам!.. Бам... Бам...

Плывёт над степью тревожный гул набата. Густой голос колокольной меди будоражит людей, зовёт к месту несчастья. Пожар. Горит целая улица. Огонь жадно пожирает сухое дерево построек, соломенные крыши. Над селом плавает багровое облако густого дыма, в раскалённом воздухе стоит истеричный крик женщин, плач детей, крики и ругань мужчин, рёв обезумевшего скота. Страшное бедствие за какой-нибудь час пустило по миру десятки крестьянских семей...

На подворье Петра Карих — зола да тлеющие головёшки. Это всё, что осталось от хозяйства, сколоченного тяжёлым многолетним трудом. Сам хозяин лежит во дворе, накрытый старой дерюгой. Спасая пожитки, Пётр Карих угодил под рухнувшую балку дома. Возле него бьётся больная жена — мать троих детей...

Минуло много лет, но Лука отчётливо помнит эту жуткую картину.

Одиннадцатилетним мальчиком Лука начал зарабатывать свой кусок хлеба. Горек хлеб из чужих рук, очень горек! До самой коллективизации Лука гнул спину на подворье прасола Василия Казарина, беспощадного коченёвского «паука». Работал в поле, ходил за скотом, таскал мешки на мельнице... Так и прошла юность Луки за чужой работой — тяжёлой и безрадостной. Научился Лука вести счёт каждому рублю, каждой копейке. Эту привычку он перенёс и на общественное хозяйство: по сотне, по тысяче вносил в банк на счёт артели, пока не создал миллион. За бережливость, за борьбу с расточительством любили его колхозники.

Но вот жизнь рванулась вперёд, по новому руслу — широкому, прямому. Передовых колхозников уже не удовлетворял «мёртвый» миллион в банке. Они видели, чувствовали, что настало время пу-

стить колхозные деньги в оборот и таким образом умножить этот миллион.

Не видел этого только сам Карих. Он отстал, остановился на одном месте. У коммунистов, у лучшей части колхозников постепенно росла неудовлетворённость своим председателем. Нужен был толчок, чтобы это недовольство стало массовым.

Этот толчок сделал Андрей. Он быстро заметил ту пропасть, которая постепенно выростала между действиями Карих и интересами колхоза. Заметил, и не постеснялся сказать об этом Луке. Лука, самолюбивый и избалованный, понял это по-своему. Он истолковал дружескую помощь Андрея, как выпад против него.

Долго сидел Лука на лужайке. Многое передумал он в эту ночь, но так и не понял, в чём же он не прав.

11.

Травы в этом году удались на славу — только убирай. А в «Берёзовой роще» есть и кому и чем убирать. Выставил Карих на луга десять сенокосилок, три бригады косцов, больше сотни женщин и стариков. В короткий срок на лугах выросли огромные стога пахучего сена. Соседи только развернулись, а «Берёзовая роща» уже выскочила с планом. Карих удовлетворённо потирал руки.

В клубе собиралось общее колхозное собрание. Андрей пришёл, когда почти все места уже были заняты колхозниками. Он осмотрелся, выбирая, где бы ему сесть. На высокой скамейке у окна сидела Башлыкова. Андрей направился к ней. Поздоровались они как старые знакомые. В глазах девушки вспыхнул тёплый огонёк, но Андрей не заметил этого.

На сцену вышел Карих, одетый в белую косоворотку и широкие бриджи, в очках. Хозяйственным взглядом Лука окинул зал и осторожно, точно боясь нарушить воцарившуюся тишину, положил на стол папку. Он открыл собрание.

Первый вопрос — о ходе заготовки кормов — занял без малого полтора часа. Говорил Карих долго и скучно.

Андрей впервые после войны присутствовал на общем собрании колхозников. Он с интересом наблюдал за людьми, ждал, что они скажут.

Колхозники засыпали Карих вопросами. Последний вопрос задала Феня Башлыкова.

— Я хочу знать, — спросила она, — как правление думает организовать помощь колхозу «Перекоп» в сеноуборке?

Карих знал, что «Перекоп» не справляется с планом заготовки кормов. Его правление дважды обращалось за помощью в «Берёзовую рощу», но Карих от имени членов правления отказывал. И он совсем не ожидал, что сегодня на собрании всплывёт этот вопрос.

— О помощи «Перекопу» говорите, Фёкла Павловна? — переспросил он, стараясь выгадать время, чтобы найти нужный ответ.

— Так точно! — съязвила Башлыкова.

— Мы обсудим этот вопрос на направлении и решим, — увильнул Карих от прямого ответа.

Зал заволновался, как растревоженный улей.

— Знаем мы, как решите!

— Решить сейчас!

— Нечего откладывать!

Карих растерялся.

— Я не возражаю против помощи, — сказал он, когда колхозники немного успокоились. — Но я должен предупредить, что мы получили дополнительный план заготовки сена. Значит, у нас ещё впереди много работы. Послать людей и машины в «Перекоп» легко, но как бы нам самим потом не пришлось «дяде» кланяться. Решайте, что важнее: помогать соседям или обеспечить свой скот кормом. Помощь «Перекопу» мы окажем, но не сейчас. Правление решит этот вопрос...

Карих хитрил. Не отказываясь прямо от помощи соседям, он хотел, чтобы собрание поручило правлению решить этот вопрос. Он знал, что с колхозниками ему будет труднее разговаривать, а правление послушно председателю.

Снова загудел зал. Карих внимательно наблюдал за колхозниками, пытался определить, куда клонит собрание. Наконец, он пустил в ход свой последний козырь:

— Да о чём спор? Мы же не знаем, какая помощь нужна «Перекопу» — они ещё не обращались к нам. Чего же мы будем спрашивать!

Этот ход Карих возымел действие — люди притихли.

— Прошу слова! — крикнула Башлыкова.

— Пожалуйста, Фёкла Павловна, — разрешил председательствующий Лука.

Башлыкова поднялась на сцену, к трибуне.

— Помощь «Перекопу» — вопрос нашей колхозной чести, — начала она ровным, певучим голосом. — Почему перекоповцы отстали? Лодырничают они, плохо организовали работу? Я бы не сказала этого. Они работают рядом с нами, и мы видим, что работают они хорошо. В чём же дело? А в том, что у них, по сравнению с нашим, меньше и людей, и машин, а план у них в полтора раза больше нашего. Кроме того, перекоповцы послали на стройку семнадцать мужчин с девятью лошадьми. Мы же с вами туда направили троих мужчин, а лошадей — ни одной. Значит, перекоповцы и своё дело делают, и стройке помогают. А как дело дошло до нас — мы в кусты. Так, Лука Петрович? — в упор спросила Башлыкова. — Это не по-колхозному. Выполним мы и дополнительный план, поможем и перекоповцам. Несколько ночей не поспим, а поможем. Нельзя бросать соседей в беде. Так, товарищи? — обратилась Башлыкова к собранию.

Зал ответил рукоплесканием.

— Слово имеет бригадир четвёртой бригады товарищ Хлыстов, — объявил Лука.

Хлыстов вышел на трибуну, солидно откашлялся. Говорил он медленно, не отрывая глаз от бумаги, которую держал в руках.

— Здесь товарищ Башлыкова много и хорошо говорила. Она мастер на это. По её выходит, что дополнительный план сенокосения выполнится сам собой, а мы все можем итти в «Перекоп».

— Все не все, а половина может! — бросил реплику конюх Барианов.

— Пусть Башлыкова делает, как хочет, а я не пушу из своей бригады ни одного человека, — продолжал Хлыстов, не обращая внимания на реплику. — Пока я ещё хозяин в бригаде, я руководжу своими людьми. У меня простояли более суток обе сенокосилки — надо наверстать упущенное. А тут ещё дополнительный план, — многозначительно поднял вверх палец Хлыстов. — Не дам людей!

Откуда-то от двери по рукам колхозников пошла записка. На сцену её передал Ефим Козодоев, пожилой колхозник, одетый, несмотря на жару, в ватную безрукавку. Это председатель колхоза «Перекоп» Бадулин просил слова.

Бадулин, болезненного вида пожилой мужчина в солдатской гимнастёрке с орденом Ленина на груди, некоторое время молча стоял на сцене. Топорщил чёрную щётку усов под прямым тонким носом, строго смотрел в зал, точно хотел заглянуть каждому в душу.

— Меня прислали колхозники просить у вас помощи, — начал он глухим голосом. — Стыдно мне просить её, но приходится. Конечно, мы сделаем всё, чтобы справиться и без помощи, но проходит золотое время — травы переставают. На лугу ещё ничего, а в степи беда. Мы не просим у вас бесплатной помощи, мы отработаем вам.

После Бадулина взял слово Ефим Козодоев. Он говорил с места, жестикулируя руками:

— У некоторых наших людей очень короткая память. Сидим и рядимся: помочь «Перекопу» или не помочь? Когда в прошлом году после градобития нам надо было срочно посеять триста гектаров проса, то перекоповцы не рядились. Они дали нам семена, лошадей, пришли на наши поля сами. Не рядились и другие колхозы, помогавшие тогда нам. Сейчас перекоповцы просят помощи у нас. Мы можем и должны помочь им. Так я говорю, други? — спросил Козодоев, обращаясь к собранию.

Зал загудел:

— Правильно, Порфирьевич!

— Верно!

— Чего рядиться!

— Вот и я думаю, что правильно, — продолжал старик.

— Товарищ Хлыстов жалуется, что его бригада отстала, что у него видите ли, сенокосилки простояли. На кого он жалуется? Почему у него простояли машины? А простояли они потому, что машинист Рогов ночь прогулял на именинах у Хорева, а утром, с пьяных глаз, машину изломал. Хлыстов молчит об этом, потому что

его самого от Хорева отец на тележке увёз. Молчит Хлыстов и о том, что колхозники его бригады Егор Козодоев и Елена Дзюбич не выходят на работу — косят для себя сено в Гнилой балке. Нельзя так работать, товарищ Хлыстов, — строго закончил Козодоев. По залу пробежал гул одобрения.

Обсуждение вопроса закончили тем, что поручили правлению организовать двухдневный субботник помощи колхозу «Перекоп».

12.

Коченёвка проснулась рано. Ещё не было третьей переключки петухов, а в домах колхозников зажглись огни. Первыми вышли на улицу коммунисты и комсомольцы. Ещё с вечера они распределились по бригадам и сейчас, рассыпавшись по селу, будоражили людей. Здесь и там были слышны голоса:

— На субботник!

— На субботник!

— Выходи на субботник!

Колхозники и колхозницы, молодые и пожилые, с граблями и вилами, с «литовками» выходили на площадь. Смех, говор, шутки... Степан Лукаш проспал. Разбуженный шумом на улице, он соскочил с кровати, метнулся к окну.

— Мать, а мать! — окликнул он Маланью Петровну, возившуюся в кухне. — Какой час?

— Какой тебе «час», неугомонный? — ответила старушка. — Спи себе.

— Да ты что, белены объелась? — напустился старик на жену. — Слышишь, песни поют?

— А тебе какая нужда в песнях? Во сне увидел что-нибудь?

— Субботник же сегодня, идём помогать «Перекопу» в сенокосе.

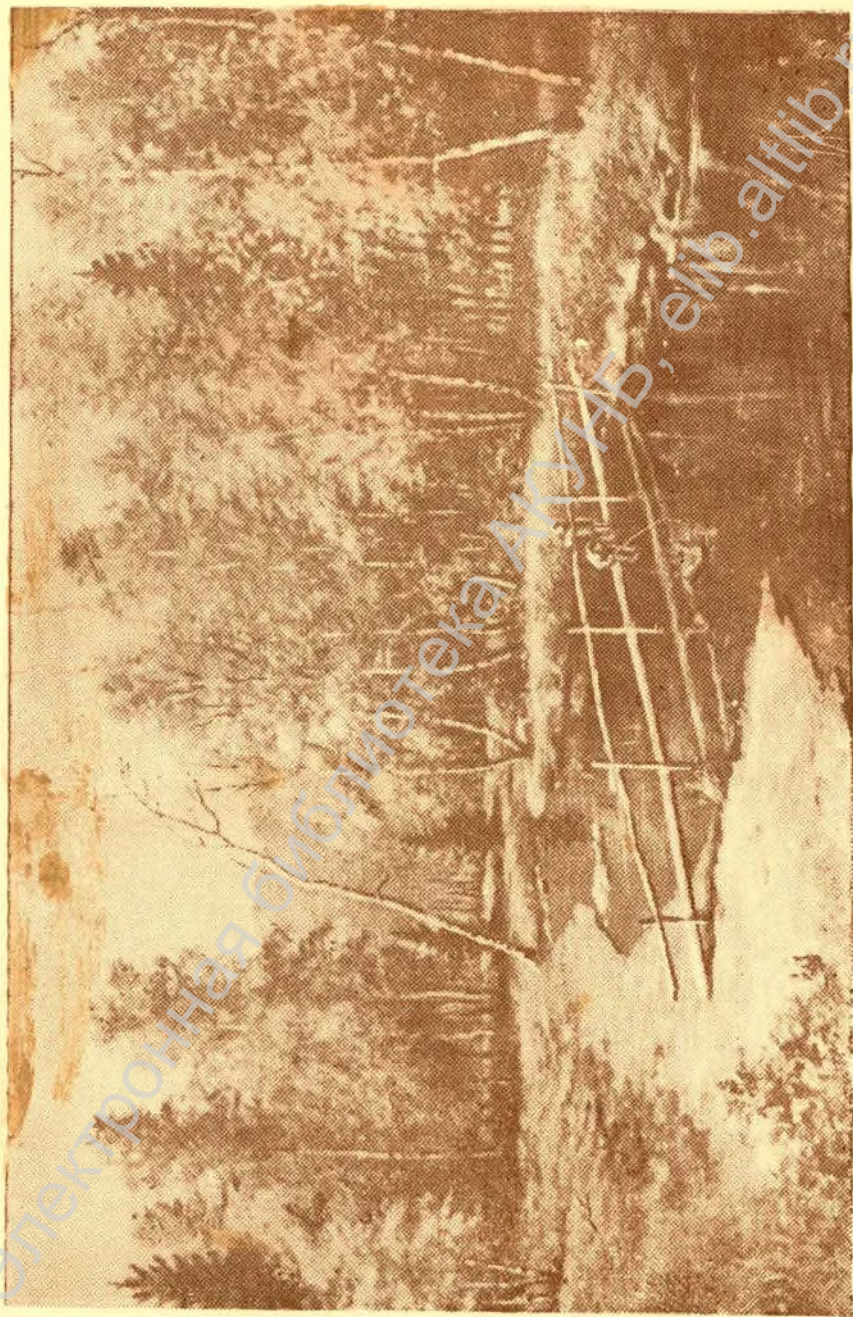
— Вот старый дурень! — сокрушённо покачала головой Маланья Петровна. — Чего же ты вчера не сказал об этом? Ведь у меня и завтрак-то не готов.

Лукаш действительно вечером ничего не говорил о субботнике. Вернулся он домой поздно, когда Маланья Петровна уже спала. Не тревожа её, Лукаш поужинал и лёг спать, надеясь встать во-время. И вот проспал. Такого ещё никогда не случалось с ним.

Лукаш быстро оделся и, закусывая на ходу хлебом и холодной говядиной, выскочил на улицу. Начала собираться и Маланья Петровна, приговаривая:

— Совсем из ума выжил старик. Сам убежал, а ты, старуха, сиди дома... Да разве мои руки лишними там будут? Для всех субботник, а для меня — нет? Нет, не выйдет, голубчик.

Умелые руки старой колхозницы не были лишними в колхозе. Всегда и везде Маланья Петровна находила себе дело. Всё лето проводила на колхозном огороде, не отставала от других на сенокосе, в страду готовила перевясла, к зиме перебиралась на птицефер-

М. А. Парфёнов

Окрестности колхоза им. Мелитова

му. За честность, неутомимость в работе любили колхозники Маланью Петровну, как любили и её мужа.

Оба прямые, острые на язык, Лукаши, казалось, редко когда не были в ссоре между собой. На самом же деле в Коченёвке не было семьи дружнее, чем семья Лукашей.

Было ещё темно, но Лукаш торопился. Он чуть было не налетел на женщину, вышедшую из другого переулка у детских яслей.

— А, пропасть тебя возьми! — выругался Лукаш. И трудно было сказать, кому он желал пропасти: темноте ли, себе или женщине.

— Ты что, как оглашённый несёшься? — набросилась на старика женщина. Это была Улита Козлова — здоровая, широкой кости вдова, с полным лицом и хитроватыми, как у хорька, бегающими глазами.

— Прости, Улита, плохо вижу, да и тороплюсь, — извинился Лукаш. — А ты это куда?

Он с любопытством посмотрел на Улиту.

— Да в Михайловку, в больницу, — ответила Козлова. В руках у неё было по корзине, в одной из которых возились куры: Козлова направлялась в районный центр, на базар.

— Нездоровится, значит? — насмешливо спросил Лукаш.

— Какое уж там здоровье у нас, стариков, — сокрушённо ответила женщина.

— Вижу, вижу, — улыбнулся Лукаш. — Эвон, распёрло тебя! Вот колхозники на субботник идут. Может, и ты с ними? Болезнь твою как рукой снимет.

Козлова, ругаясь себе под нос, поспешила от старика. В её корзине закудахтала курица.

— У тебя, Улита, что, и куры все переболели? — засмеялся Лукаш. — Хитрые, все в хозяйку.

Лука Карих из-за ограды палисадника провожал взглядом колонну колхозников. Нехорошо, очень нехорошо было у него на сердце. Субботник, помимо его воли, был организован коммунистами. И вот колхозники стройной колонной, с песнями уходят из села. И Карих кажется, что уходят они от него, от своего председателя, и вернуть их уже очень трудно. Чтобы не потерять их, не остаться одному, надо идти с ними, стать во главе колонны, петь вместе с ними.

Карих, разыскав под навесом «литовку», пошёл догонять колхозников.

Перекоповцы отвели коченёвцам участок сенокоса, где машины работать не могли: огромный косогор был усеян пнями, изрезан овражинами. На десятках гектаров вековой залежи пырей вымахал в пояс человеку — только режь.

Коченёвцы, поточив «литовки», встали один за другим шеренгой. Ведущим стал лучший косец «Берёзовой рощи» Харитон Баранов, за ним — Лукаш, третьим Андрей, за ним заняли места человек

двадцать молодых и пожилых колхозников. Место Андрею определил Лукаш. Ещё по дороге он сказал Андрею:

— Становись следом за мной. Сегодня мужики намерены крепко поработать, и тебе с непривычки трудновато будет — можешь отстать, а тебя обкосят. За мной пойдёшь — не обкосят.

Андрей знал, что обкоса допустить нельзя, у косцов это считается позором. Но знал и то, что итти ему наравне с косцами, набившими руку на сенокосе в собственном колхозе, будет трудно. Поэтому в душе он благодарил Лукаша.

Харитон Баранов, небольшого роста, кряжистый, рыжебородый мужчина лет пятидесяти, окинув взглядом сенокосный массив, пошутя крикнул:

— Затягивай, мужики, ремни: на такой травушке-муравушке придётся потрудиться...

— Не пугай, Харитон, а то как бы кто не сбежал раньше времени, — ответил кто-то позади Андрея.

— Тебя, Андрей Алексеевич, имеют в виду, — улыбнулся в усы Лукаш.

— Начали! — крикнул Баранов, широко взмахнув «литовкой».

«Ши-ш-ши! Ш-ш-ши!» — запела коса, аккуратно укладывая толстый колос пырея, сверху седоватого, у корня — ядовито-зелёного. Баранов шёл легко, точно играючи. От него не отставал Лукаш.

Андрей торопился. На его ряду торчали несрезанные стебли травы, валок получался неровный. Лукаш, часто оглядываясь назад, тихонько предупреждал его:

— Не торопись, Андрей Алексеевич. Прижимай «литовку» к земле, давай ей ходу.

Андрей, по советам Лукаша, всё меньше и меньше налегал на «литовку», шёл ровно, спокойно, но ему было тяжело. Девять лет тому назад, как он держал последний раз в руках «литовку». Это давало себя знать. Пот катился по лицу, слепил глаза. Лукаш чаще, чем была в этом необходимость, останавливался для того, чтобы поточить косу, делая Андрею небольшую передышку. Вскоре Баранов разгадал хитрость старика и, понимая его, сбавил ход...

К обеду Андрей набил руку настолько, что ни Баранову, ни Лукашу не требовалось больше выручать его.

Женщины работали отдельно — копнили скошенное сено. Оттуда до косцов доходил женский говор, смех.

— У девок веселее, чем у нас, — улыбнулся Лукаш, обращаясь к Андрею. — Слышишь, смех какой?

— Слышу, дядя Степан, — ответил Андрей и посмотрел в сторону колхозниц. Ему почему-то захотелось увидеть Башлыкову. Это ему удалось без труда. Феня работала на ближней делянке, выделяясь белой блузкой и красной косынкой. «Эту не надо выручать, сама сто очков вперёд даст», — подумал он, и вдруг тепло-тепло стало у него на душе.

За обедом Андрей увидел Луку Карих. Увидел, и сам не зная почему, обрадовался. Подсев к нему, спросил:

— Пришёл всё-таки?

— Пришёл, — ответил Лука, краснея. — Посмотрел, брат, как вы пошли, и страшно стало остаться одному.

— Это хороший страх, Лука.

* * *

С работы коченёвцы возвращались двумя партиями. Часть пошла по дороге, часть напрямик, через Гнилую балку. Андрей пошёл с первыми. Шёл, чуть-чуть прихрамывая, не спеша. У него ныла спина, горели ладони рук, неприятно покалывало в бедре. Это давала себя знать старая рана. Он сам не заметил, как отстал от колхозников.

Его догнала Феня. Раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, весёлая, она показала Андрею красивую.

— Как работали, Андрей Алексеевич? — спросила она, замедлив шаг.

— Ничего, спасибо, Феня.

— Устали?

— Устал. Да и нога что-то побаливает, — ответил Андрей.

— А зачем же вы за косу взялись? Ваше ли это дело... — тепло, с ноткой беспокойства сказала Феня.

— Ничего, пройдёт, — успокаивал её Андрей.

— Один раз пройдёт, второй пройдёт, а третий — кто знает? Беречься вам надо, — укоризненно сказала Феня.

И захотелось Андрею взять руку этой славной девушки, сказать что-нибудь ласковое-ласковое. Но он погасил своё желание.

14.

Жара...

Высоко в небе медленно плывут на восток белые хлопья облаков.

Над просторами полей гуляет ветерок, колышет хлеба. Андрей идёт вдоль берега Снежети, поросшего густым тальником. Высокие, одетые нежной розовой кожурой, прутья тальника стоят стеной. Местами через проветы в тальнике видна Снежесть. Её быстрые воды несут опилки, щепу, короткие обрезки дерева: в километре вверх по реке строится гидростанция.

Видны Андрею поля колхоза. Сейчас же за рекой начинается овимый клин, стоят желтоватая от цветения рожь, густая зелень озимой пшеницы. Вдали, на склоне холма, седой квадрат рано выколосившегося овса, а ещё дальше — бело-розовая скатерть гречихи. Полей яровой пшеницы не видно, они по ту сторону холма. Хороши хлеба! Ничто так не радует глаз хлебороба, как хорошие хлеба.

Андрею видны далёкие горы. От голубых кражей в строгом порядке открываются холмы, бегут вниз, навстречу степи.

У подножья одного из холмов работают тракторы. Мощные машины, скованные короткими гонами полей, точно на приколе: пять-

сот метров туда, пятьсот — обратно. Сколько драгоценного времени уходит на повороты! Сколько горючего расходуется зря! Рядом — паровые поля колхоза «Прогресс». Там также машины на приколе...

Андрей задумался. Кому нужны эти карликовые клетки полей? Почему необходимо так непроизводительно использовать технику?

Но что это? Машины, обслуживающие поля двух колхозов, сошлись и остановились. Прошло несколько минут, и тракторы двинулись один за другим через поля обоих колхозов. Трактористы сами нашли решение того вопроса, который только что задал себе Андрей.

Случайно ли, что трактористы решили объединить свои карликовые поля в единый массив? Вряд ли. Андрея поразило, что его мысли нашли своё подтверждение в действиях трактористов. Да, с карликовыми колхозами, видимо, надо кончать. Пора нашей технике дать настоящие размах, ликвидировать препоны на её пути.

У реки кто-то кашлянул. Андрей подошёл к обрывистому берегу, раздвинул руками тальник. У самой воды, на большом розовом камне, сидела Башлыкова — заплетала косы. Постояв немного, Андрей решил уйти, но было поздно: Башлыкова заметила его. Андрей смутился, как будто его уличили в чём-то недозволенном. Девушка улыбнулась.

— Здравствуй, Феня! — поздоровался Андрей.

— Здравствуй, Андрей Алексеевич! Спускайтесь ко мне, — приветливо крикнула она.

Андрей спустился с берега. Пожимая маленькую руку Фени, он заметил, что её иссиня-чёрные волосы, заплетённые в две толстые косы, были мокрыми. «Купалась», — подумал он.

— Вы куда направились? — спросила Башлыкова.

— На свёклу. На участке второй бригады появились какие-то гусеницы, хочу посмотреть.

— Вместе пойдём, я тоже на свёклу. На ржи была — искусственное доопыление делаем. На мост обходить далеко, решила Снежень переплыть. Глубока нынче река, а вода — как лёд, — сказала Феня.

— Белки тают. Самое время им.

— А вы, Андрей, лёгок на помине: я думала о вас, — сказала девушка.

— Обо мне? — удивился Андрей.

— Да. А почему вы так удивились? — спросила Феня.

— Да с какой стати вам думать обо мне?

— Значит, есть причина, коль думала... — полушутя, полусерьёзно ответила она.

Андрей, прихрамывая, шёл медленно, и ей приходилось часто менять шаг. Он украдкой смотрел на Феню и его поражало сходство этой девушки с его покойной женой.

Такой же высокий открытый лоб, широкий разлёт бровей, большие, полные жизни глаза, такие же ямочки на покрытых золотистым пушком щеках, доверчивая простота в разговоре...

Действительное ли было это сходство, или только так казалось впечатлительному Андрею, он не знал. Было у него такое чувство, точно давно минувшие дни снова вернулись к нему. Вот так же в годы своей юности гулял он с Дусей по берегу уральской речушки.

— Я всё хочу зайти к вам, Андрей, да никак смелости не наберусь. У вас дома библиотечка большая, а мне читать нечего. В клубе есть книги, да всё не то, что мне надо. Вчера даже к воротам подошла, да раздумала. Неловко мне заходить к вам, — продолжала Феня разговор.

— Что же в этом неловкого?

— Разговоры могут пойти.

— А вы не обращайтесь внимания. Заходите, книг у меня много, — предложил Андрей.

— Зайду как-нибудь, — пообещала Башлыкова.

15.

Весёлый перестук топоров идёт по Коченёвке. Не поднимая, по часам растут стены четырёх новых домов колхозников. Крыша дача уже поблёскивает на солнце оцинкованным железом, на домике Ирины Хворовой плотники устанавливают стропила. Домик четырёхкомнатный, на высоком кирпичном фундаменте, окнами — на юг. Поднявшаяся на ноги Ирина Карповна не налюбуется новым домом, не знает, как и угощать плотников. Повеселела, расцвела и Надя. Как рукой сняло ту усталость, которую так часто чувствовала девушка.

Новоявленный «прораб» Степан Лукаш подтрунивает над Ириной:

— Не лезут в горло твои пельмени, Ирина Карповна, — сухова ты. Горькой бы промочить их.

— Да разве я против? — восклицает Ирина Карповна. — Вы же сами отказались, дядя Степан. Только скажите — сейчас принесу. Хотите?

— Ишь ты, щедрая какая, — смеётся Лукаш. — Нельзя сейчас: начнём пить — прольём. Попадёт капля на дерево — пропало, сгинет дерево. Нет, обмоем твои хоромы, когда вселим тебя. Я своей старухе «медовуху» заказал для этого случая. Не только дом обмоем, но и тебя в «медовухе» выкупаем: сразу на двадцать лет помолодеешь — от женихов отбоя не будет. В случае чего — не забудь на свадьбу пригласить.

— Чур вам, дядя Степан! — отмахнулась Ирина Карповна.

Во двор Хворовых вошла Улита Козлова.

— Здравствуйте, дядя Степан, — поздоровалась она с Лукашом.

— Здравствуйте! Как ваше здоровье, Улита Марковна?

— Какое уж там здоровье у нас, стариков, — вздохнула Улита.

Лукаш знал, что ей исполнилось только сорок лет, но спросил:

— Сколько же вам годков-то стукнуло, Улита Марковна?

— За пятьдесят перевалило, — не моргнув глазом, ответила Козлова. — Пора бы на покой отправляться, да бог смерти не шлёт.

— Это верно, заблудилась где-то твоя смерть, — подтвердил Лукаш. — Будем надеяться, что тебе долго ждать смерть не придётся.

Козлову передёрнуло. В другое время она отчитала бы Лукаша за его пожелание, но сейчас сдержалась: в её планы не входило ссориться с влиятельным в колхозе Лукашом.

— Говоркова здесь нет? — спросила Козлова.

— Нет его здесь. А что за дело у тебя к нему? Поведай, если не секрет. Я бы мог передать ему.

Насмешливый тон Лукаша прошёл мимо ушей Козловой.

— Правды пришла искать: всем помогают, а до меня никому и дела нет. Богатеям дома можно строить, а бедная женщина по чужим углам живёт — этого никто не хочет видеть. Хоть бы вы, дядя Степан, за меня словцо замолвили Андрею Алексеевичу. Человек он новый, моей бедности ещё не знает, — слезливо говорила Козлова.

— Словцо замолвить? Это можно, Улита Марковна, — сказал Лукаш, и в его глазах зажёгся недобрый огонёк.

— Вот-вот, дядя Степан. Так, мол, и так — живёт старушка одна-одинёшенька, в бедности... А я бы отблагодарила вас.

— Да я бы со всей душой, только ничего у нас с тобой не выйдет, — притворно вздохнул Лукаш.

— Почему? — удивилась Козлова.

— Вишь, какая история с этими домами: кто в колхозе больше работает, тому и дом больше делают. Мера такая есть: как десяток трудодней — одно бревно на стену дома. А у тебя, Улита Марковна, столько этих самых трудодней, что и на гроб леса нехватит, если по такой же норме давать. Подожду я обращаться к Андрею Алексеевичу, пока у тебя не заведутся трудодни. Да и тебе не совету — не любит он дармоедов.

Только сейчас поняла Козлова Лукаша. Лицо её побагровело, глаза стали злыми.

— Мошенники! Деньги колхозные транжирите! — заорала она во весь свой звонкий голос. — Я в Москву жаловаться буду, я найду на вас управу... Совсем уйду из колхоза...

— Скатертью дорога! — расхохотался Лукаш вслед уходящей Козловой.

16.

Пётр Константинович Хлыстов сидел на скамейке у двери кабинета Андрея — терпеливо ждал, когда секретарь парторганизации останется один. Прошло не менее двух часов, как он пришёл сюда, а люди, как на зло, шли и шли к Андрею. Хлыстов начинал нервничать.

— И зачем они только идут к нему? — думал он, всё больше и больше раздражаясь. — К председателю столько не ходит...

Действительно, в это утро кабинет Андрея не пустовал. Минут сорок Андрей потратил на беседу с секретарём комсомольской ор-

ганизации Сашей Захаровым. Не успела закрыться дверь за Захаровым, как вошла колхозница Татьяна Скорина. У неё своя забота: младший сынишка Юрик совсем отбился от рук, хулиганить стал. Просила колхозница Андрея поговорить с пареньком.

Побывали у Андрея доярка Устинья Курочкина, конюх Баранов, бригадир Семёнова и ещё несколько человек — всяк по своим делам.

Хлыстов терпеливо ждал: не хотел разговаривать с Андреем при свидетелях. Наконец зашёл в кабинет и он.

— Добрый день, Андрей Алексеевич, — поздоровался Хлыстов, остановившись у самой двери.

— Здоров, здоров, дядя Пётр, — ответил Андрей. — Проходи, присаживайся.

Хлыстов прошёл к столу, сел. Сидел молча, рассматривая кабинет. Большой, под зелёным сукном письменный стол, коврик на полу, ряд стульев у стены, в углу — небольшой сейф, рядом с ним — высокая тумбочка с телефоном, шкаф с книгами — вот и вся обстановка кабинета: скромная, как и сам его хозяин.

— Слушаю тебя, дядя Пётр, — сказал Андрей, отложив в сторону бумаги.

— Спешешь?

— Спешу.

— Куда ты всё торопишься? Не жалеешь ты себя, — с укором в голосе сказал Хлыстов: — Долго ли надорвать себя? Тогда никому до тебя дела не будет, все забудут.

— Не забудут, дядя Пётр. Нет.

— Смотри, тебе видней... Я ненадолго к тебе, с просьбой. Вот мужикам дома новые ставят, на льготных условиях. Говорят, что это твоя затея. Правда?

— Допустим. А что? — в свою очередь спросил Андрей.

— Как что? У меня ведь тоже нет дома.

— А где твой дом?

— Да ведь он с дедовских времён стоит, вот-вот развалится, — отвечал Хлыстов.

— А ты бы, как другие колхозники, подремонтировал его, — посоветовал Андрей.

— Мне нельзя по другим равняться: я — инвалид, — с обидой сказал Хлыстов.

— Брось, дядя, дурака валять, — оборвал Хлыстова Андрей.

— Помочь мне надо.

— В чём? — удивлённо спросил Андрей.

— Пусть и мне, как другим, домик поставят.

— Не будет этого.

— Почему?

— Не любят тебя колхозники.

— Знаю. Поэтому-то я и пришёл к тебе. Если ты поддержишь, согласятся колхозники выдать мне ссуду, — просительно сказал Хлыстов.

— Поддерживать я тебя не стану: не заслуживаешь ты этого, — ответил Андрей.

Хлыстов поднялся, надел фуражку. Подумав, спросил:

— Больше ничего не скажешь?

— Я всё сказал.

— И на том спасибо. В колодец плюёшь... А если когда-нибудь воду придётся из него пить, тогда как? — со злобой спросил Хлыстов.

— Другой найду, почище, — отрезал Андрей.

Наскоро простившись, Хлыстов ушёл.

17.

Хороши алтайские летние ночи. Небо — в щедрой россыпи звёзд. Ночь полна шорохами, таинственными звуками. В хлебах надрыдают голоса перепела, из лугов доносятся крики коростелей, стоны болотной выпи, гомон колхозных гусиных ферм.

Андрей, закончив дневные дела, сидит у раскрытого окна, любуется ночью. Вдруг откуда-то от реки послышалась песня. Андрей не может разобрать слов песни, но голоса поющих — сильные, радостные — властно вторгаются в ночь.

Андрей сел на подоконник. Он позабыл обо всём. Пели двое. Один голос особенно выделялся: чистый, сильный. Андрей узнал — это был голос Фени. И вдруг, совсем неожиданно, радостное чувство овладело Андреем.

Песня внезапно оборвалась. Напрасно Андрей ждал её продолжения.

— Здравствуйте, Андрей Алексеевич!

Андрей вздрогнул. Он не заметил, как к окну подошла Фёня.

— Я думала, что вы уснули на подоконнике: подошла, а вы не слышите, — и она, здороваясь, протянула руку Андрею.

— Песню вашу слушал, Фёня. Хорошо поёте, — похвалил Андрей.

— Ночь-то какая! Сама песня на волю просится. С поля шли, да у Галины Семёновой задержались. К вам можно зайти?

— Пожалуйста, Фёня.

— Поздно уже.

— Что вы! — воскликнул Андрей, испугавшись, что Фёня может уйти. — Ничего не поздно. Заходите.

— Задёрните штору, — попросила девушка, войдя в комнату. — Увидит кто-нибудь меня у вас — разговоров не оберёшься.

— А пусть смотрят, — серьёзно сказал Андрей. Он поправил скатерть на круглом столике, сел в полукресло напротив Фени, закурил.

— Всё читаете? — кивнула головой Фёня на стопку книг на столе.

— Для вас подобрал.

— Для меня? — удивлённо спросила девушка.

— Вы же просили.

— Но не так много.

— А вы возьмите, что понравится.

Феня взяла со стопки верхнюю книгу, прочла её название: «Далеко от Москвы».

— Интересная?

— Хорошая книга, а хорошие — всегда интересные, — ответил Андрей.

— О чём здесь?

— Об одной стройке, о наших людях.

— Это хорошо, когда о людях пишут. Читаешь о хорошем человеке, и самому хочется быть таким, как он... Так я возьму её?

— Ну, конечно.

— «Далеко от Москвы», — ещё раз повторила Феня, рассматривая переплёт книги. — А ведь мы тоже живём далеко от Москвы... Хочется мне побывать там, как хочется! Сходить бы в мавзолей Владимира Ильича, посмотреть бы Кремль. Хотя бы издали увидеть дом, где работает Иосиф Виссарионович... — мечтательно сказала Феня, и лицо её стало сосредоточенным, прозрачным, точно озарилось каким-то неведомым светом.

Феня развернула газету, которую она принесла с собой, начала заворачивать в неё книгу. При этом из газеты на пол упала маленькая книжечка. Андрей поднял её. Это был Устав ВКП(б). Феня смутилась.

— Изучаете?

— Сейчас с Семёновой читали. После нашего с вами разговора начала читать, — ответила она.

— Всё понимаете?

— Понимаю. Только боязно как-то, — призналась девушка.

— Чего боязно? — не понял Андрей.

— Вот чего: ведь я такая же, как и все, и вдруг — коммунист! Кто я? Обыкновенная колхозница, деревенская девушка, а буду носить такой же партийный билет, какой носит товарищ Сталин, носил Ленин... А вдруг я недостойна этого? В чём-нибудь могу ошибиться, запятнать такое высокое звание. Боязно...

— А вы не бойтесь. Помните, что вы — коммунист, и никогда не запятнаете этого звания.

— Подумаю, Андрей Алексеевич.

— Без этого нельзя. Все мы думали много, прежде чем вступить в партию.

Феня ничего не ответила. Взяв книгу, она поднялась со стула.

— Я провожу вас? — спросил Андрей. — Не возражаете?

Нет, Феня не возражала. Если бы Андрей был в этот вечер хоть немного наблюдательнее, то он бы заметил многое из того, что ему было нужно заметить.

Они медленно побрели вдоль улицы сонного села.

Шли они молча, каждый думая о своём. Не знали, что думают об одном и том же. Шли молча потому, что слова были лишними, они только мешали бы им.

На востоке занималась ранняя заря.

Феня переживала радостное и в то же время тревожное чувство. Всё чаще и чаще она думала об Андрее. Было в этом человеке что-то такое, что влекло к нему Феню. Она, помимо своей воли, начала изучать его привычки, вникать в мелочи его жизни. Стоило, например, Андрею появиться в поле с бледностью на лице, что с ним часто случалось после бессонных ночей, как у Фени само собой возникало беспокойство: не заболел ли он? Андрей умел следить за собой. В поле, в клубе, на собрании он появлялся в начищенных до блеска сапогах, в безупречно выглаженном костюме, с белым подворотничком.

Фене казалось, что Андрею нелегко следить за этими мелочами, и она с удовольствием помогла бы ему в хозяйственных делах.

Феня знала, что это — любовь. Знала, и боялась этой любви. В её жизнь вошло что-то новое, неизведанное.

... Феня выросла без матери. Её отец овдовел рано, а второй подруги жизни не сумел найти, или не хотел искать её. Занимая руководящие посты, он, всю жизнь кочуя из села в село, из города в город, возил за собой и Феню. Человек культурный, он как мог заменил дочери мать, был её наставником, воспитал в ней золотые качества — любовь к труду, жажду к знаниям.

В сентябре 1941 года Башлыков с поста председателя Беловодьевского райисполкома ушёл на фронт. Семнадцатилетняя Феня осталась одна. Из Беловодья вернулась она в своё родное село Коченёвку, в колхоз. Через три месяца с фронта пришло извещение о гибели отца. Выплакала Феня сколько было у неё слёз, да и осталась прежней: горячей в работе, упорной в достижении цели, чуткой к чужому горю. Большая колхозная семья помогала ей сохранять силы, удержаться на ногах.

В 1945 году правление колхоза послало её на учёбу в межобластную агротехническую школу. Вернулась она в Коченёвку через год агротехником, приняла полеводческую бригаду, работала не покладая рук. Личная жизнь отошла куда-то назад...

И вот к Фене неожиданно пришла большая любовь. Феня мало знала Андрея, боялась сделать ошибку, но любовь требовала своего.

С некоторых пор за ней стал ухаживать Семён Хлыстов. Не встречая ответа со стороны девушки, он всё настойчивей и настойчивей преследовал её. Грубый, несдержанный и заносчивый, он так надоел Фене, что она стала избегать его. Наоборот, к Андрею её влекла какая-то непреодолимая сила.

В клубе демонстрировали кинофильм «Молодая гвардия», эпопею о стойкости человека, о его преданности Родине.

Сеанс закончился поздно. Феня шла из клуба под впечатлением кинофильма. Роман Фадеева она прочла раньше, но впечатление от фильма было огромным. Перед Феней всё ещё стояли мужественные образцы Шевцовой, Громовой, Кошевого. Феня думала о том, что этот фильм следовало бы показать во всех кинотеатрах мира:

пусть бы посмотрели на простых советских людей наши друзья и недруги.

— Ну, как, Феня? — спросил Андрей, догнав Феню. Спросил просто, точно расстались они час тому назад, хотя из-за болезни Андрея они не виделись несколько дней.

— Это вы? — обрадовалась Феня. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Поднялся, как видите.

— Прекрасная картина, Андрей Алексеевич. Я иду и думаю: плохо мы знаем своих людей.

— В чём же?

— Во многом. Вот Олег, Люба, Серёжа... Кто они? Дети простых рабочих. Таких тысячи и тысячи у нас. А какая сила скрывалась в них до поры, до времени! Не будь войны, может быть мы так бы и не узнали этих юношей и девушек...

— Вы не правы, Феня. Не только во время войны дают себя знать замечательные черты характера советских людей. Наш народ ежедневно, везде и во всём, показывает образцы величайшего героизма. Но для нас это стало нормой поведения, законом советской жизни. Во время войны подвиги советских людей проявляются более ярко. А в том, что мы недостаточно знаем своих людей, вы, пожалуй, правы. Знанию людей нам надо учиться у товарища Сталина. Никто так не знает, так не любит наш народ, как он. Этим-то и объясняется любовь народа к нему.

Андрей умолк.

— Я прочла книгу, — тихо сказала Феня. — Какой там человек показан. И где только берутся такие.

— Батманов?

— Да. Настоящий большевик.

— А что же вы не заходите за новой?

— Всё некогда, Андрей Алексеевич, — неуверенно ответила Феня.

— Так ли?

— А вам хочется, чтобы я приходила? — вдруг спросила девушка.

Вместо ответа Андрей одним рывком привлёк к себе Феню, нашёл в темноте её губы и поцеловал.

19.

Андрей неторопливо ходил по комнате. Он был под впечатлением недавней встречи с Феней — весёлый, счастливый. Он распахнул окно. На дворе стояла предгрозовая тишина. Вдалеке, над горным Алтайским кряжем, гуляли грозовые всполохи. Оттуда на Коченёвку медленно надвигалась чёрная туча. В роще за селом зловеще кричал филин. Его унылый крик плыл над притихшим селом. Обеспокоенная этим криком, где-то на окраине села завывала собака.

Андрей отошёл от окна, прислушался: в сенцах кто-то возился.

— Кто там? — спросил Андрей.

Молчание, и снова — возня. Андрей распахнул дверь. Перед ним, освещённый ярким светом лампы, стоял Семён Хлыстов.

— Заходи, — пригласил Андрей.

Хлыстов, пьяно покачиваясь, вошёл в комнату. Сел на стул, тяжело навалился на стол.

— В гости пришёл к тебе, Андрей, — сказал он глухим, пропитым голосом. — Не выгонишь?

— Гостям всегда рад.

— Всем, или по выбору?

— Всем.

— И мне?

— И тебе.

— Добрая душа, — натянуто улыбнулся Хлыстов. — Может, ты и невест чужих по ночам у себя принимаешь по своей душевной доброте, а? По этой самой доброте и чужое счастье разбиваешь?

Андрей молча, с нескрываемым любопытством рассматривал большелобого, белобрысого человека.

— Может быть ты проспишься, и затем зайдёшь ко мне? Не люблю я с пьяными разговаривать! — сказал он.

— Не ты меня поил, не тебе и упрекать. А если хочешь знать, то я и напился из-за тебя.

— Ой ли?

— Из-за тебя, — повторил Хлыстов. — Феню отбил у меня... Возненавидела она меня.

— Значит, стоишь ты этого. Дожил — девушка возненавидела! Стыдись об этом говорить.

— Ты не знаешь Фени: сегодня у неё ненависть, а завтра скажи ласковое слово — любить будет. Все они такие, на одну колодку сделаны, — сказал Семён.

— Уходи! — сказал Андрей. — Уходи.

— Я уйду, но ты узнаешь Хлыстова, — многозначительно сказал Хлыстов.

— Уходи! — с гневом повторил Андрей.

Хлыстов, уловив в голосе Андрея угрозу, поспешил к двери. Остановившись, он некоторое время с каким-то страхом смотрел на Андрея, затем ушёл, громко хлопнув дверью.

У Андрея было такое впечатление, точно в его доме побывало грязное, зловонное животное, после которого надо долго проветривать комнату, мыть всё, к чему оно ни прикасалось.

20.

Вечером в только что отстроенный колхозный клуб с полевых бригад, с животноводческих ферм, с разных колхозных служб собираются колхозники. Молодёжь — на занятия кружков художественной самодеятельности, в бильярдную, пожилые — к шашкам и шахматам; в агрокабинет. Полным-полна читальня.

Лукаш только что обыграл в шахматы заведующего слесарны-

ми мастерскими колхоза Григория Карпова и теперь вышучивает его.

— Плохой полководец из тебя, Григорий Фомич. Никчёмный, можно сказать. А ещё унтер-офицером когда-то был.

— Это к делу не относится, — сердится Карпов.

— Как же это не относится? — притворно удивляется Лукаш. Очень даже относится: коль военначальник, так воюй по-настоящему. Ещё одну?

— Довольно, дядя Степан, — отказывался Карпов.

— Быть по сему, — соглашается Лукаш. Он вытаскивает из кармана блокнот, карандаш и что-то записывает.

— Знатный счётчик — 8 : 2 в нашу пользу. Так, кажется?

— Так.

— Прошу расписаться.

— Да что вы, дядя Степан!

— Пиши, пиши, а то откажешься, — продолжает смеяться Лукаш над разбитым «противником».

Карпов старательно выводит свою фамилию на листке блокнота.

В зал из боковой комнаты доносятся голоса. Кто-то с чувством читал:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... Ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

— Кто это? — спросил Карпов, поражённый смыслом этих слов.

— Учитель, Василий Васильевич.

— А чего это он?

— Спектакль готовит. «Борисом Годуновым» называется.

— А кто он, этот Борис?

— Царь когда-то был на Руси.

— Поди ж ты, царь, а здорово о совести сказал, — воскликнул Карпов. — «Жалок тот, в ком совесть нечиста...» Здорово, а?

— А что — царь? Среди них тоже умные были. Редко, а были, — с важностью изрёк Лукаш. — Вот на той неделе здесь конференция была по книге «Пётр Первый». Вот это царь был, скажу тебе! Он этих самых шведов лупил, как кошек шкодливых. Был у них королём Карло. Молодой, а приткий — Россию задумал покорить. Дал ему наш Пётр под городом Полтавой такую Россию, что он без штанов убежал.

— Дурак он был, этот Карло, — заключил Карпов.
— Не совсем дурак, — возразил Лукаш.
— Где там «не совсем», — продолжал отстаивать свою точку зрения Карпов. — Швед, и — на Россию! Тьфу! Круглый дурак. Так, говоришь, дал ему наш Пётр?

— Да ещё как!

— И поделом: не лезь. А этот самый Борис бил кого-нибудь из супостатов? — с интересом спросил Карпов.

— Не знаю, — честно сознался Лукаш. — Давно это было...

— Любопытно. Надо будет прийти посмотреть спектакль. Когда его будут показывать?

— Наверное, скоро. Вчера Андрей Алексеевич в город ездил. Сказывают, самого главного артиста из театра привёз, чтобы он помогал нашим правильно роли играть. Звание у этого артиста какое-то мудрёное, не запомнил я, — рассказывал Лукаш.

— Опять денежки колхозные плакать будут — коль самый главный артист, то его сотней не убоготишь. Как ты думаешь, дядя Степан? — спросил Карпов.

— Ничуть не будут плакать наши деньги. Андрей Алексеевич говорил, что отказался артист от денег. Он какое-то шефство взял над нашими артистами, — ответил Лукаш.

— Разве? Это его, наверное, Андрей уговорил. Хитрый человек, этот Андрей, — укоризненно сказал Карпов.

— Чем же это? — удивился Лукаш.

— Как же: тревожит почтенного человека, а денег ему не платит. Что мы, бедные такие? — сказал Карпов.

— Станный ты человек, Григорий, — вспыхнул Лукаш. — Вертишься, как бычий хвост в жару: то денег жалеешь, то артиста оплакиваешь. Нет у тебя твёрдого убеждения. Может быть, этот артист из любви к своему делу к нам приехал.

— Любовь любовью, а кушать всякому надо. Мы с тобой сделали что-либо — нам в табель пишут, а ему кто запишет? — спросил Карпов.

— Не всегда и мы требуем, чтобы нам записывали, — возразил Лукаш. — Осенью мы с колхозом «Коммунар» пруд построили, а от трудодней начисто отказались все колхозники. «Комсомольскую рошу» посадили без трудодней.

— Это-то так, — согласился Карпов. — Но Андрей — человек хитрый. Ты посмотри, как он народ взбудоражил. Не иначе, как в председатели метит. Всё не по его, ко всему дело ему. Огороды у людей отрезали.

— Огороды, говоришь? — побагровел Лукаш. — У тебя сколько отрезали?

— У меня — ничего, у меня по закону 50 соток, — сказал Карпов.

— Значит, по закону?

— Точка в точку.

— А у Епифана Рудака сколько отрезали? — продолжал Лукаш.

— От гектара половину оставили, — ответил Карпов.

— То-то и оно. Пусть не хватает лишку, а то ему некогда в колхозе работать... Ты Андрея не трогай, а то мы подерёмся с тобой как-нибудь, — зло сказал Лукаш. — Думать надо, а потом уже и говорить. Андрей — не Семён Хлыстов, он за местом гоняться не будет.

— Не сердись, дядя Степан, — попросил Карпов. — Люди так говорят, и я сказал... Давай ещё партию сыграем.

— Люди, люди! — передразнил Лукаш друга. — Знаем мы людей, которые так говорят, а тебе стыдно сплетни повторять.

Лукаш начал расстанавливать фигуры.

21.

С комсомольского собрания Андрей пришёл к себе в двенадцатом часу ночи. Сел за стол, закрыл глаза. Почувствовал, как усталость огромным грузом давит на плечи. Вчера он вернулся с семидневного семинара секретарей парторганизаций при райкоме ВКП(б), и сегодня — с утра на ногах: побывал на полях, проинструктировал агитаторов, сделал доклад строителям электростанции о международном положении, а вечером присутствовал на комсомольском собрании.

Собрание понравилось Андрею. В самой постановке вопросов — о массово-политической работе среди молодых колхозников и участии комсомольцев в уборке урожая и хлебозаготовках, в выступлениях рядовых комсомольцев — во всём чувствовалась деловитость, огромная энергия. Видимо, этому и обязана комсомольская организация своим авторитетом не только среди молодёжи, но и среди пожилых колхозников. Ничем другим Андрей не мог объяснить и большую тягу юношей и девушек к комсомолу: за короткий срок организация приняла в свои ряды восемнадцать лучших производителей колхоза.

Андрей решил познакомиться с последней почтой, но не успел он вынуть из стола бумаги, как в кабинет вошёл секретарь комсомольской организации Александр Захаров, светловолосый великан с красивым, строгим лицом. Андрей отложил в сторону бумаги, пригласил Захарова сесть.

— Я ненадолго, — как бы оправдываясь за позднее посещение, начал Захаров. — С жалобой на МТС, Андрей Алексеевич. Вчера на пару у нас остановился «ЧТЗ». Поломка мелкая, но сами исправить её мы не могли: требовалось заменить поршневой палец. Связались по телефону с главным механиком Дроздовым — пообещал выслать палец через час-два. Ждём три часа, пять, восемь — нет обещанного. Снова звоним — никого в конторе. Привезли палец только к вечеру. И что же вы думаете? У нас стоит «ЧТЗ», а палец привезли к колёсному. Разве это работа?

— Может, Дроздов не понял, к какому трактору вам нужен палец? — спросил Андрей.

— Да как же — не понял, ведь я лично с ним по телефону

разговаривал! — воскликнул Захаров. — Он дважды повторил, что пальцы к «ЧТЗ» на складе есть. Да разве это единственный случай? Уж несколько раз бывало — требуешь одно, а присылают другое. Весной у нас заболел тракторист Семён Балалайка. Наш бригадир написал записку в МТС с просьбой выслать на подмену Семёну кого-нибудь из трактористов, работающих в мастерских. Записку повёз учётик. Директора в конторе не оказалось, и записку он вручил Дроздову, тот не стал её читать, а сунул в карман и спрашивает: «Что там у вас стряслось, что целые петиции пишите?» — «Балалайка из строя вышел, заменить надо кем-нибудь», — ответил учётик. — «Хорошо», — сказал Дроздов и снова уткнул нос в какие-то бумаги. Через сутки участковый агроном привёз нам... балалайку, а с ней и записку Дроздова: «У замполита балалаек нет. Высылаю свою, но предупреждаю: разобьёте — взыщу 50 рублей».

— Чудак какой-то, этот Дроздов, — рассмеялся Андрей.

— Да пусть бы чудил себе на здоровье, но ведь от его чудачества работа страдает: машины простаивают, люди нервничают. Мы уже директору на него жаловались, да что-то толку нет от наших жалоб. Хоть бы вы, Андрей Алексеевич, поднажали на них, — сказал Захаров.

— Так и стоит «ЧТЗ» на поле? — спросил Андрей.

— Работает. Мы в соседнем с нами отряде Речной МТС заняли палец под честное слово, что вернём им новый. А если бы у них запасных не оказалось, тогда как?

— Я позволю директору, пусть он наведёт порядок, — пообещал Андрей. — А как вы живёте? Я ведь неделю не видал вас: на семинаре в районе был.

— Хорошо живём, Андрей Алексеевич, — ответил Захаров. — Вчера отрядом 183 процента дневного задания дали, первые по МТС идём. Наша учётчица Клава Соловьёва даже жалуется, что на последнюю колоночку боевого листка, где у нас «не в бровь а в глаз» помещается, нечего писать. «Хоть бы, говорит, занять где-нибудь лодыря одного».

— Регулярно выпускает Соловьёва боевые листки? — поинтересовался Андрей.

— Каждый день, а «молнии» — два раза в день: в обед и вечером. Прочтём, а потом в отряд Колмогорова, в «Перекоп», отсылаем. Мы соревнуемся с ними. Они нам свои присылают. Через боевые листки опытом обмениваемся. У Колмогорова в отряде добрые трактористы есть — по две нормы дают... Всё делаем так, как вы советовали, — ответил Захаров.

— Значит и отряд Колмогорова подтянулся?

— Подтянулся — меньше 120 процентов нормы не даёт. Правда, был у них один тракторист, Миша Шелестов, — с ленцей, но подтянули и его. Все за сто процентов перевалили, а он сидит себе на восьмидесяти. Его в стенгазету раз, другой. Не понравилось. Вспылил и говорит: «Плевать я хотел на вашу писанину: сколько могу, столько и даю». Обозлились ребята, разговаривать с ним пе-

рестали. Походил он 'бирюк-бирюком, да и давай у товарищей прощения просить. Помогли ему трактористы, поддержали. Сейчас ниже нормы не даёт.

— А у тебя как с выработкой за эту неделю? — спросил Андрей.

— У меня лично? — почему-то смутился Захаров. — Ничего: держу на своей машине отрядный красный флажок. Какой же был бы из меня комсомольский секретарь, если бы я отставал от других. Тяну, Андрей Алексеевич. К концу сезона на своём «натике» тысячи полторы гектаров дам.

— Хорошо. Труднее тебе, чем другим, — кивнул Андрей на пустой левый рукав шевиотого костюма Захарова, — но надо держать комсомольскую честь.

— Сейчас не трудно, а вот на первых порах трудно было... Так я пойду, Андрей Алексеевич. А на МТС поднажмите, пожалуйста, — попросил Захаров.

— Сделаю, Саша...

После ухода Захарова Андрей ещё долго думал об этом человеке, подвиг которого был достоин того, чтобы написать о нём книгу.

...В феврале на Алтае стоят сорокаградусные морозы, бушуют бураны. Студёные ветры безраздельно господствуют над степью. Рвут они глубокий снежный настил, оголяют вершины холмов, вылизывая из промерзшей земли всё, что можно унести. Всё живое прячется в затишье редких перелесков, в глубоких оврагах.

Вот в такую непогодь в феврале 1943 года в кабинет директора Октябрьской МТС вошёл высокого роста юноша, одетый в видавшую виды солдатскую шинель, шапку-ушанку и серые подшитые валенки.

Гость поздоровался с директором, снял шапку, торопливо потёр примороженную щёку, присел к столу.

— Озябли? — участливо спросил директор, подвигая гостю металлическую коробочку с «самосадам».

— Спасибо, не курю, — поблагодарил гость.

— Может, чаю выпьете?

— От чаю не откажусь, озяб очень.

Директор сходил в соседнюю комнату за чаем.

— Только без сахару, — извинился он, ставя перед гостем стакан кипятку и тарелку с маленьким ломтем хлеба, густо посыпанным крупной серой солью.

Гость понимающе улыбнулся, взял со стола стакан. Пил он маленькими глотками, не чувствуя, как горячий стакан обжигает пальцы.

— Я к вам по делу, товарищ директор, — сказал гость, ставя на стол пустой стакан. К хлебу он и не притронулся. — Моя фамилия Захаров, Александр Захаров. Живу в Коченёвке. Тракторист. Вернее, был трактористом.

Захаров шевельнул культией левой руки.

— В августе прошлого года в бою за город Калинов был ранен разрывной пулей. На фронте я сейчас человек бесполезный, а в тылу потрудиться могу. Снова за руль хочу сесть.

— С одной рукой! — невольно воскликнул директор.

— Да, с одной, — упрямо подтвердил Захаров. — С двумя-то всякий справится, а я хочу попробовать с одной. Я на фронте бронбойщиком был, первым номером. По немецкой статистике выходит, что однорукий солдат — человек конченный, ноль. Но я не хочу себя считать побеждённым. Рано мне нолём быть: не могу воевать, буду в тылу помогать фронтовикам. Дайте мне трактор, до весны успею отремонтировать.

— Хорошо, будет по-вашему, — согласился директор. Он не мог, не имел права отказать этому человеку.

Весной 1943 года Александр Захаров вызел в поле свой колёсный трактор. Машина получила капитальный ремонт. Произвёл его Захаров. Сколько это стоило ему физических и моральных сил — знал он да несколько самых близких его друзей. Были минуты, когда он с трудом удерживался от того, чтобы не бросить всё, не заплакать от горя и бессилия. Тогда он вспоминал своих фронтовых друзей: разве им легче сутками лежать в промёрзлом окопе без сна, отбивать атаку за атакой осатанелого врага? Нет, не легче. И Захарову становилось стыдно за своё минутное малодушие. К нему снова возвращалось мужество, сила воли. Казалось Захарову, что осиротелая правая рука начинает работать за две.

Внимательно следили за Александром товарищи. В особенно трудные для него минуты они приходили к нему на помощь. Завота чутких, внимательных друзей была той опорой, при помощи которой Захаров держался в строю.

В мастерских было легче: товарищи рядом, в любую минуту помогут. В поле стало труднее. Закапризничает машина, заглухнет, Захарову и не завести её одному, а товарищи — в разных концах поля. Но тут, как бы случайно, появляется или бригадир отряда, или свободный от работы тракторист. Чаще всего это был кто-нибудь из коммунистов или комсомольцев.

— Давай, Саша, помогу! — вызывался товарищ.

— Да я как-нибудь сам, — отвечал Захаров, хотя знал, что без помощи ему не обойтись. — Не вечно же мне на помощи выезжать.

— Придёт время — будешь и сам всё делать, а пока давай помогу, — брался товарищ за заводную ручку машины.

Прошло немного времени, и Захаров приноровился делать всё сам. И почувствовал он себя полноценным бойцом великой армии, одна часть которой с оружием в руках громила врага на фронте, а другая трудилась в тылу, снабжая фронт всем необходимым.

Вечерами учётик выводил на доске показателей итоги работы отряда за день. И каждый день цифра против фамилии Александра была не ниже ста, а нередко доходила и до ста пятидесяти.

— Молодец, Саша, — хвалили Захарова товарищи. — Нажимай!

И Захаров «нажимал». Осенью, когда мороз снова сковал землю, он повёл свой трактор на ремонт в мастерскую машинно-тракторной станции. Годовое задание тракторных работ он выполнил с превышением.

И вот обо всём этом Захаров говорит очень коротко: «Трудно было раньше, а сейчас — привык». Он, видимо, и не сознавал своего подвига, считал его делом обычным.

Такова уж натура у русского человека.

22.

Удивительна сила коллектива. Бывают люди, с которыми один на один невозможно договориться, невозможно убедить в самой простой истине. На один справедливый упрёк у них найдется десять оправданий. Единственный выход в таком случае — вытянуть человека на суд коллектива, заставить его отвечать сразу на обвинения многих людей.

Одним из таких людей был Семён Хлыстов. Гордый, до болезненности самолюбивый, он восставал против любого замечания в свой адрес. Карих он не раз заявлял: «Ты другим указывай, а я как-нибудь обойдусь без твоих замечаний. А то, что ты председатель, а я — бригадир, роли не играет: сегодня в председателях ходишь ты, а завтра, может случиться, изберут и меня».

Карих не знал, что ему отвечать. Как-то случилось, что он потерял власть над Хлыстовым. В первые дни он давал ему поблажку, как фронтовику, прощал ему многое, оберегал от критики колхозников. Думал: «Человек с фронта, пусть привыкнет к мирной обстановке». А вышло по-иному. Хлыстов закусил удила, и Карих не знал, что с ним делать.

Когда в бригаду Хлыстова пришла комиссия проверять готовность к уборке урожая, он отнёсся к этому, как к очередному выпаду Карих. «Роет председатель, — думал он. — И чего только ему надо?» Вывел он комиссию на середину бригадного двора и сказал: «Смотрите, мешать не стану. А мне некогда пустяками заниматься». С тем и уехал в поле.

Но когда через два дня в конторе колхоза и на полевых бригадных станах появились объявления об открытом партийном собрании с отчётом Хлыстова о готовности его бригады к уборке, он струсил. Да, струсил: одно дело — разговаривать с Лукой Карих или Андреем Говорковым, другое — держать ответ перед массой, перед коммунистами. Хлыстов понял, что пощады не будет. Вот почему он сейчас же направился к Карих.

Карих принял его суховато, как всегда.

— Значит, решил окончательно опозорить, добить меня? — спросил Семён председателя.

— О чём это ты? — спросил озадаченный Карих.

— А ты и не знаешь? — раздражённо ответил Хлыстов.

— Не знаю.

— Зачем на собрание коммунистов меня тянешь? — продолжал Хлыстов.

— Не я, не я, Семён. Говоркова затея, — сказал Карих.

— А ты зачем разрешаешь избивать свои кадры? Ты же председатель, а не Говорков.

— Я, но собрание-то партийное, а Говорков — секретарь организации, — как бы оправдываясь, сказал Карих.

— Не пойду я к ним на собрание, — вскипел Хлыстов. — Не пойду.

— Пойдёшь, Семён, нельзя не итти. Поставят мой отчёт — буду и я ответ держать. А тебе это особенно полезно.

— погоди, да ты, кажется, одобряешь затею Говоркова?

— Одобряю. Давно пора с тебя сбить спесь. Измотал ты меня.

— Ах, вот как!

— Да, так, Семён.

— Значит, ты просил Говоркова об этом?

— Нет. Говорков сам догадался.

Хлыстов ушёл, хлопнув дверью.

Карих в разговоре с Хлыстовым немного кривил душой. Он сам был недоволен тем, что Андрей поставил отчёт Хлыстова на партсобрании. Считал, что Говорков подменяет его. Правда, когда Говорков советовался с ним по повестке дня собрания, он не возражал, но в душе остался недовольным. Ему казалось, что Андрей разгадал его бессилие в отношении Хлыстова и обсуждением его отчёта на партсобрании хочет подчеркнуть это бессилие. Но, вместе с тем, он надеялся, что коммунисты одёрнут Хлыстова.

...Партийное собрание началось поздним вечером. Было оно многолюдным. Кроме коммунистов, на собрание пришло много колхозников. Собрание открыл Говорков. Пока избирали президиум, Хлыстов чувствовал себя спокойно. Но вот председатель собрания Семёнова объявила повестку дня. У Хлыстова в груди родился неприятный холодок и быстро побежал по всему телу. Семён подошёл к столу, начал доклад. Обильный пот струился по его лицу.

После доклада первым выступил руководитель проверочной комиссии Карманов. Не стесняясь в выражениях, он доложил собранию, что Хлыстов проваливает подготовку к страде, недобросовестно относится к своим обязанностям. Своё выступление он закончил словами:

— Сегодня мы, коммунисты, должны спросить у Хлыстова, долго ли он ещё будет так вести себя? Мне кажется, что пора нам рекомендовать правлению освободить его от бригадирства, послать на рядовую работу. Пусть он докажет, что достоин быть членом нашей колхозной семьи.

Карманова поддержали все выступающие. Дело принимало для Хлыстова плохой оборот. Обстановку разрядил Говорков. Он начал своё выступление с того, что поставил перед коммунистами задачу — помочь правлению колхоза образцово подготовиться к уборке. Он потребовал, чтобы Хлыстов честно признал свои ошиб-

ки, и предложил собранию обязать Карих, Карманова и Семёнову помочь Хлыстову навести порядок в бригаде.

На этом и порешили.

23.

Огромный свод неба залит чёрной тушью. Сыплет мелкий густой дождь. Земля напилалась водой, не принимает её, а дождь идёт и идёт.

Карих в дождевике бредёт по улице напрямик, не обходя луж. Под его ногами чавкает грязь. У дома Андрея останавливается, как бы раздумывая: зайти или не стоит? Махнув рукой, решительно взялся за скобу калитки.

Карих долго вытирал сапоги о соломенный мат у крыльца, за чем-то запахнул дождевик, вошёл в сени. Дверь в комнату ему открыл Андрей.

— Пришёл за советом, — начал он, усевшись на стул. С его дождевика на пол стекали тоненькие струйки воды. — Найдёшь время на разговоры?

— Ночь только началась. Раздевайся.

— Посажу одетый.

Лицо Карих было хмурым.

— Бригадир Хлыстов подал заявление с просьбой отпустить его на стройку в горы. Как ты смотришь на это?

— Чего это он? Не после ли вчерашнего партсобрания?

— Не знаю, — засмеялся Карих.

— Не понравилось, значит?

— А кому это понравится? Человек он беспартийный, а мы на него всем собранием обрушились.

— А что же мы должны были делать? Он распустил бригаду, не готовится к уборочной, а мы бы его по плечу хлопали?

— На это есть правление, есть председатель колхоза. Хоть плохой, но есть.

— Ах, вот оно что! — сказал Андрей, догадавшись, что именно привело Карих к нему.

— Ты объясни мне, кто из нас руководит колхозом — ты или я? Кто в колхозе старше — правление колхоза или парторганизация? Когда в январе колхозники выбирали себе руководителя, то они голосовали за Луку Карих, а о других прочих и речи не было.

— Вот ты, оказывается, зачем пришёл, Лука: обиду свою излить. Давно бы пора. Ведь за этим ты пришёл?

Карих помолчал.

— За этим? — не унимался Андрей.

— Что ты допрашиваешь меня, как прокурор? — вскипел Карих. — Я хочу сказать тебе в глаза, что, зная, верны людские разговоры, будто ты метишь на моё место. Ну, что же, может сумеешь свалить. Когда трудное время было — Луку хорошим председате-

лем считали, а теперь, когда колхоз на ноги встал, можно его и в отставку. Спасибо, друг! — с иронией проговорил Лука.

— Глупости говоришь, Лука, — спокойно сказал Андрей.

— Я в умники не лезу. Куда мне, неучу!

— Брось принижать себя. Неужели ты не замечаешь, как люди всё больше и больше отходят от тебя? А ведь это и есть самое страшное для руководителя. Потерять доверие людей равнозначно политическому самоубийству.

— Я всё понимаю, всё вижу. Но кто сманил людей от меня, кто внёс раздор в колхоз? Ты, ты, Андрей! Пока не было тебя, у нас всё шло хорошо. Теперь же, после того, как ты начал воду мутить, не только между мной и колхозниками, но и между мной и правлением колхоза согласия нет. Все мои предложения встречаются в штыки. Какой же я руководитель после этого?

— Это должно было случиться и без меня. Быть может позже, но случилось бы неизбежно, — сказал Андрей, делая ударение на слове «неизбежно». — Руководить, Лука, это ещё не значит командовать. Разве все твои предложения встречаются неодобрительно колхозниками и членами правления? Не все, конечно. Значит, надо уметь находить правильное решение, вести за собой народ. Надо прислушиваться к голосу передовых колхозников, учиться у них. Ты в обиде на колхозников за то, что они заставили тебя организовать помощь колхозу «Перекоп», что они настояли на строительстве межколхозной электростанции. А разве они не правы? Ну, скажи, не правы?

— Конечно, нет! — крикнул Карих.

— Почему?

— Трудились на сеноуборке в «Перекопе» мы, а слава кому? Бадулину. То была бы электростанция колхоза «Берёзовая роща», а то чья будет? Общая. Чьих колхозников больше работает на строительстве? наших. А доходы от станции делить будем поровну. Я душой болею за свой колхоз, а меня заставляют всё сыпать в общий с другими колхозами котёл. Обидно, — упорствовал Лука.

— Не гонись, Лука, за славой — скользкий это путь. Надо вперёд глядеть, а не назад. Говоришь, что на строительстве наших колхозников больше работает? В отдельные дни, во время субботников — больше. А ты заметил, что колхозники отказались от оплаты своего труда за субботники? А денежные же затраты, постоянные строительные бригады у всех колхозов равные. В строительстве гидростанции участвует перевалочная база — государственная организация. Сорок процентов всех затрат она берёт на себя, а электроэнергией будет пользоваться всего лишь год—два, и государство не считается с этим. Так? — спросил Андрей.

— Так, — согласился Карих.

— Ты очень гордый, Лука, самолюбивый, а это — плохо. Почему мы только сейчас об этом всё говорим с тобой? Потому, что ты дважды отказывался выслушать меня. Так?

— Зол я на тебя, Андрей. Когда мне сказали, что ты под меня

клинья подбиваешь, я хотел прийти к тебе и сказать: «Или ты уходи из села, или я уйду».

— А почему же не пришёл?

— Хочу посмотреть, что будет дальше.

— Посмотри. Только я не изменюсь. Ты спрашиваешь, кто у нас старше в колхозе — правление или парторганизация? Так ставить вопрос нельзя. Руководит колхозом правление, но за парторганизацией остаётся право контроля его деятельности, и это право мы используем полностью — независимо от того, нравится ли это кому или не нравится. Тебе же я советую: держись нас, коммунистов, мы — твои помощники во всём. Ты — трус. Тебя страшит всё новое, ты считаешь, что уронишь авторитет, если пойдёшь за советом к людям. Не бойся этого, иди к ним смелее.

— Непонятный ты человек, Андрей — примирительным тоном сказал Карих.

— Чем же?

— Да хотя бы одним тем, что как-то легко у тебя ладится с людьми. Завидно мне, Андрей.

— А почему?

— Не знаю.

— Потому, что я не чужаюсь людей. Я их понимаю, они меня. Ты не держись особняком. Постарайся переломить себя. Советую:

— Попытаюсь.

Часы пробили двенадцать. Андрей накрыл на стол.

Карих разделся, подсел к столу. Помешивая ложкой горячие щи, спросил:

— Сам готовишь?

— Сам.

— Жениться бы тебе надо. Удобнее семейному, да и разговоров бы меньше.

— Брось, Лука, об этом, — ответил Андрей. — Я сам разберусь в этом деле.

— Да я ничего, по-доброму ведь советую, — извинился Карих.

24.

Был ранний час утра. Солнце ещё не взошло, но вот-вот его диск должен показаться над землёй. Всё кругом молчало, точно природа боялась нарушить торжественный момент рождения нового дня.

Байкалов сидит у раскрытого окна, слушает Андрея. По резким морщинам на его лице, по синим кругам вокруг воспалённых от бессонницы глаз видел Андрей, как устал Байкалов.

Район готовился к уборке урожая, и секретарь райкома дни и ночи находился в колхозах. Видеть его можно было везде: на полевых станах колхозов, в тракторных отрядах, на собраниях коммунистов и колхозников.

— Силы свои мы расставили так, — докладывал Андрей. —

Коммунисты Семёнова, Карманов, Лизнев и кандидат партии Башлыкова будут отвечать за ход и качество уборки в своих бригадах. На самоходном комбайне будут работать коммунисты Фомин и комсомолец Тюленин, на сцепе двух машин «Сталинец-6» — комсомольцы Зябликов и Духанин. На их буксировку ставим машину секретаря комсомольской организации Захарова. Заведующим током рекомендуем коммуниста Кузина. Думаю, что правление колхоза согласится с нами. На курсы весовщиков посланы колхозницы Языкова и Кротова. Надёжные девушки. На вывозку зерна государству ставим своих две полуторки, да одну трёхтонку обещает дать директор МТС. Думаю, что дней за двадцать — двадцать пять план выполним.

— В двадцать — двадцать пять? — переспросил Байкалов.

— Раньше не сможем, — подтвердил Андрей, поняв его вопрос.

— А если дожди пойдут?

— Дожди не страшны. Есть у нас три брезента, сотни три новых мешков, крытые тока отремонтировали, зерносушилки готовы к работе, — ответил Андрей.

— Двадцать дней — многовато для вас, — потёр лоб Байкалов, как бы силясь что-то вспомнить. — Крайком обещал дать нашему району машин полтора ста. Если мы дадим вам ещё две—три машины, тогда как?

— Хорошо бы, Пётр Михайлович. Тогда бы мы дней за пятнадцать управились и с хлебосдачей, и с натуроплатой.

— Зерно подрабатывать успеете?

— Должны успеть. Лукаш целую бригаду организует.

— Лукаш... Этот, которого вы в кандидаты приняли недавно?

— Он.

— Хороший старик. А как вы планируете политическое обеспечение уборочной? — изменил направление разговора Байкалов.

— У нас будут работать одиннадцать агитаторов, утвердили мы девять редакторов боевых листков, лекторская группа большую помощь окажет. Есть у нас своих три кружка художественной самодеятельности, да районный Дом культуры обещал обслужить наших колхозников. Для передовых бригад установим переходящее знамя колхоза. В полевые станы и тракторную бригаду дадим достаточно газет, передвижные библиотечки. Думаю, что справимся со своей задачей, Пётр Михайлович, — закончил Андрей.

— Надеюсь, Андрей. В другие колхозы мы направляем политорганизаторов, у вас же своих сил достаточно, да и в тебе райком уверен.

Байкалов спросил о ходе строительства электростанции.

— Большая надежда у нас на неё. Слабоватой только будет она для нас, — сказал Андрей.

— 250 киловатт — мало, — удивился Байкалов.

— На четыре колхоза мало, — повторил Андрей. — Каким я хочу видеть свой колхоз? На фермах электрокубы для подогрева воды в зимнее время, кормодробилки, электродойка коров и электрострижка овец, в теплицах, чтобы зимой свежие овощи росли, что-

бы навоз в поле возить вагонетками по электрифицированной узкоколейке, на всех полях — дождевальные установки, а в хозяйстве — механические мастерские, инкубатор установить, в домах водопровод. Да мало ли что можно сделать электричеством...

— Всё это будет у вас, Андрей, скоро будет: к этому идём, — сказал Байкалов. — Начнём с 250 киловатт, а кончим тем, что установим столько электромоторов, сколько надо, чтобы освободить колхозников от тяжёлого труда. Обязаны думать об этом мы, коммунисты. Думать и делать.

25.

Зной.

В мутном небе — ни облачка. Над полем гуляет горячий ветер. Под его порывами, как море в непогоду, волнуется рожь.

Рожь высокая, с тяжёлым четырёхгранным колосом. Будет чем рассчитаться с государством, полным-полны будут колхозные закрома. Торопятся колхозники, спешат убирать богатый урожай. Как огромные швейные машины, трещат жатки-самосброски и лобогрейки. За оврагом, где рожь особенно мощная, ходит сцеп голубых комбайнов. На бункере переднего красный флажок победителя в социалистическом соревновании. От комбайна на ток и обратно снуют подводы: двадцать девять центнеров зерна даёт каждый гектар на участке бригады Фени Башлыкковой.

Юлия Груздева, небольшого роста чернобровая девушка, связав последний сноп, с трудом разогнула ноющую от непривычного труда спину. С тревогой посмотрела на работающую впереди подругу Аню Сальникову. Лобогрейка, сделав круг, снова подходила к их участку, а у Ани ещё много несвязанных снопов. Юлия бросилась помогать подруге.

Токари одного из городских заводов, Юлия Груздева и Аня Сальникова проводили свой отпуск у родных Сальниковой в Коченёвке. Когда началась страдная пора, девушки пришли в правление артели с просьбой дать им возможность поработать в поле. Да не где-нибудь, а на вязке снопов. И вот они трудятся наряду со всеми колхозницами.

— Поднажми, девушки! — крикнул машинист лобогрейки, молодой парень в белой соколке и широкополой соломенной шляпе. — Последний круг гоню: сейчас на обед позовут.

— Хорошо ему — поднажимать, — зло сказала Аня в адрес машиниста. — Сидит себе, да руками машет, а здесь в глазах темно.

— Напрасно, Аня. Ему ведь тоже нелегко. Посмотри, у него соколку хоть выжми, — вступилась за машиниста Юлия. — А нам не на кого пенять, сами напросились на вязку снопов. Да и чем мы хуже других? Колхозницы — по полторы-две нормы в день дают. Посмотри на Надю Хворову — ведь ещё подросток, а вчера 208 процентов нормы дала.

— Не знаю, как они так работать умеют. Мы с тобой вчера до седьмого пота трудились, а нормы так и не выполнили.

— Привычка нужна, Аня. Вчера не выполнили, а сегодня выполним.

— На большее сил у меня нет, — с отчаянием в голосе сказала Аня.

У полевого стана ударили в подвешенный на столб старый лемех: поспел обед. Довязав снопы, подруги ушли к стану.

— Ну, как? — встретил девушек Карих.

— Тяжело, товарищ председатель, — созналась Юлия.

— Ничего, девушки. Пообвыкните малость, дело пойдёт, — успокоил он девушек. — А если совсем немоготу станет — перебросим на другую работу.

— Нет, нет! — запротестовала Юля.

Карих понимающе улыбнулся.

Сели обедать. Никогда ещё девушкам не казался таким вкусным картофельный суп, щедро заправленный луком и свиным салом.

— Достаётся и вам, дочки, — сочувственно вздохнула пожилая колхозница, сидевшая рядом с девушками. — Вы бы не очень торопились. Сколько сделаете, и то ладно — всё нам в помощь.

— Надо же, мамаша, хоть норму дать, — ответила Юлия. — Мы на заводе по полторы нормы за смену даём. А здесь... Стыдно даже...

Феня раньше других справилась с обедом и под села к большой группе колхозниц. Феня за страду заметно похудела, лицо и голые до локтей руки стали бронзовыми от загара.

— Интересную вещь прочла я сегодня в газете, — сказала она, обращаясь к колхозницам.

Женщины притихли. Феню знали, как агитатора, умеющего находить для своих бесед с колхозниками интересные темы.

— Прочла я, что украинская вязальщица Александра Дейнега с двумя своими подругами за день связала более 17 тысяч снопов. Вот это работа!

— Сколько? — переспросила пожилая колхозница, сидевшая в сторонке от других.

— Более семнадцати тысяч, тёта Глаша, — повторила Феня.

— Что-то путаешь ты, дочка, немыслимо это. Никаких сил человеческих нехватит на это. Я сорок лет вяжу снопы и знаю, что это такое — 17 тысяч... Скажет же такое!

— Не может быть этого! — поддержали колхозницу другие вязальщицы.

— Путаешь ты, Феня.

— Ошибка какая-то.

— Никакой ошибки, девоньки, — улыбалась Феня. — Вот сейчас принесу газету, сами посмотрите.

Феня сходила в полевой вагончик, принесла газету. Колхозницы сгрудились вокруг девушки. Поспешила к ней и Юлия.

— Да как же она, эта Александра Дейнега, работает? — удивилась Глаша. — Семижилная она, что ли...

Феня подождала, пока улеглось возбуждение колхозниц, а потом объяснила:

— Знаете, как она работает? Одна из её помощниц готовит перевясла, другая — равняет валок и перепоясывает его перевяслом, а сама Дейнега берёт сноп «на замок», отбрасывает его в сторону. Получается нечто вроде конвейера. Здесь главное — быстрота, экономия времени. Надо нам попробовать это дело...

— Ничего не выйдет! — загудели колхозницы.

— Это одна на весь Союз такая нашлась.

— Не доросли мы до этого...

После обеда участок девушек удлинился: заболела одна колхозница, а заменить её было нечем.

— Будем вязать и её участок, — предложила Юлия.

— Что? — посмотрела Аня на подругу испуганными глазами. — Ты с ума сошла?

— Пока ещё нет, — засмеялась Юлия. В её карих глазах вспыхнул лукавый огонёк. — Ты слышала, о чём рассказывала Феня? Это очень интересно. Хоть и говорят колхозницы, что невозможно так работать, но попробовать не мешает. Авось и выйдет что-нибудь похожее. Перевясла у нас готовые — третьей вязальщицы не надо. Ты будешь равнять валок и перепоясывать его, а конец операции на мне. Идёт?

— Идёт, Юля, только получится ли что из этого?

— Получится, должно получиться.

К удивлению обеих, работа пошла споро. Аня проворным движением рук равняла валок, перепоясывала его перевяслом и быстро переходила дальше. Как ни торопилась она, а Юлия не отставала. Позади них оставался густой ряд туго связанных снопов. Жнейка ещё не появилась на их стороне загона, а девушки уже успели связать и участок заболевшей колхозницы.

— Подружка, можно тебе помочь? — задорно крикнула Юлия молодой колхознице, вязавшей снопы на боковой стороне загона. И, не дожидаясь разрешения, начала работать с ещё большим пылом. Колхозница с удивлением смотрела на горожанок. Она ещё не видела таких темпов. Перед ней было что-то новое и поэтому необычайное.

— А теперь — к себе! — скомандовала Юлия, услышав шум жнейки на своём участке загона.

Машинист, как и колхозница, которой только что помогали девушки, с удивлением смотрел на участок горожанок, усеянный снопами. Заметив это, Юлия крикнула:

— Нажимай, нажимай, машинист, а то за простой будешь платить!

Ездовой хлестнул кнутом по лошади. Звучно затрещала лобогрейка, машинист еле успевал сбрасывать с полки срезанную рожь. С его лица сошло то насмешливое выражение, которое так бесило Аню. Девушки не отставали от машины.

— Стой! — крикнул машинист пареньку. Он сошёл с лобогрейки, поднял с земли сноп и потряс его, пробуя качество вязки.

— Ничего работа, подходящая, — одобрительно заключил машинист. — Как же это у вас получается?

— А так и получается, — весело блеснула глазами Аня.

— Так из-за вас можно и лошадей загнать, и самому руки отмотать.

— Лошадей чаще подменяй, а ты выдержишь — здоровый, — засмеялась Юлия.

* * *

На второй день весть о том, что Юлия с Аней за день навязали более четырёх тысяч снопов, распространилась по колхозу. Об этом было написано во всех боевых листках, об этом рассказывали агитаторы. Все вязальщицы побывали на участке горожанок, смотрели на их работу. Видавшие виды пожилые колхозницы, наблюдая за работой девушек, только качали головами. Теперь уже многие из них пробовали вязать снопы по примеру горожанок и убеждались, что работа идёт в три—четыре раза быстрее...

Ночь в бригаде Башлыковой была горячей. Готовились перевясла, машинисты ремонтировали, проверяли жатки, ездовые сами кормили лошадей. Вязальщицы дали слово навязать за день по пять тысяч снопов каждая! Каждому хотелось сделать всё от него зависящее, чтобы вязальщицы своё слово сдержали.

Работа на полосе началась ранним утром. На жатки сели коммунисты Андрей Говорков, Ефим Лизнев, Иван Карманов и Тихон Фомин. На вязку снопов попарно встали Феня с Надей Хворовой, Юля Груздева с Аней Сальниковой, а всего двенадцать пар. Так ещё никогда не работали коченёвцы. Через каждые два часа сменяли лошадей, а вязальщицы всё торопили и торопили машинистов. К обеденному перерыву стало ясно: двадцати четырёх вязальщицам на полосе делать нечего, достаточно и двенадцати. К вечеру ушли на подноску снопов ещё две женщины — им не оставалось работы на вязке.

К вечеру на месте, где недавно шумела рожь, густо стояли копны. Бригада Фени за три дня до срока убрала свой участок.

26.

В колхозной конторе, в полевых станах, на току, на стенах домов пламенеют призывы: «Борьба за хлеб — борьба за укрепление могущества нашей Родины», «Досрочно выполним свои обязательства перед государством, поддержим честь родного Алтая!».

Эти призывы определяют жизнь Коченёвки в августовские дни. Борьба за хлеб ощущается в поле, на токах, в деловой работе бригад, в крепкой трудовой дисциплине колхозников, в сплочённо-

сти большой колхозной семьи. Пропало обычное понятие о продолжительности рабочего дня. Люди, движимые благородным стремлением во-время и без потерь убрать урожай, досрочно рассчитаться с государством и начать сверхплановую сдачу хлеба, работают без усталости, ночуя в поле и на току. Даже школьники работают с рвением взрослых людей, знающих цель и место в большом общенародном деле.

Андрей с инструктором райкома партии Багровым шли от комбайнов на ток. Андрей с тревогой поглядывал на западный склон неба, задёрнутый плотной пеленой дождевых облаков.

— Как думаете, Николай Николаевич, дождик будет?

Багров посмотрел на облака.

— Будет.

— Всё дело испортит нам, все расчёты поломает. Зерна на току много, а когда это машины вернутся с глубинки, — взволновался Андрей.

Из лога на просёлок выехал всадник. Некоторое время он стоял на одном месте, а затем, заметив на дороге Андрея с Багровым, погнал лошадь им наперерез.

— Кто-то к нам спешит, — показал Багров на всадника.

— Председатель, — узнал Андрей Карих.

Карих остановил коня, торопливо поздоровался. Серый жеребец, похрапывая, тяжело водил боками. Лука проворно соскочил с седла, торопливо вытащил из кармана смятый номер районной газеты и подал его Андрею.

— Видел? — зло крикнул он. — Полюбуйся!

Андрей развернул газету. На первой полосе крупным шрифтом была напечатана небольшая корреспонденция под заголовком «300 пудов зерна сверх плана».

«Проникнутые чувством глубокого советского патриотизма, хлеборобы Белореченского сельсовета взяли на себя обязательство выполнить план хлебозаготовок к 25 августа.

Передовой колхоз «Алтай» (председатель т. Лопатин) своё обязательство выполнил на много раньше — план хлебосдачи выполнил к 20 августа и сдал сверх плана триста пудов зерна. Сверхплановая сдача хлеба колхозом продолжается.

Председатель сельсовета Н. Борисов».

— Молодцы белореченцы! — сказал Андрей, возвращая газету Карих, точно Карих только и ждал от него этой похвалы. — Обскакали нас, значит?

— Из-за тебя обскакали, — побагровел Карих. — Ты же посоветовал мне отказаться от машин, присланных нам Байкаловым: «Справимся и без них, людям они нужнее, чем нам...» Вот и «справились», — кричал он так, что жеребец испуганно косил на него чёрным глазом.

— Погоди кричать, — остановил его Андрей. — Неприятно, что перегнали нас, но беды в этом особой нет: они вчера выполнили, а мы — завтра.

— Завтра, завтра... Вот то видишь? — показал Карих на синие облака на западе.

— Вижу. Поезжай на ток, мы подойдём, что-нибудь придумаем.

Карих молча сел в седло, крупной рысью погнал лошадь на ток.

— Горячий у вас, Андрей Алексеевич, председатель, — улыбнулся Багров.

— Этим-то он мне и нравится. Не люблю людей с рыбьей кровью, — ответил Андрей.

На току стоял шум клейтонов, стук веялок, неприятная для слуха дробь триеров. Вороха янтарной пшеницы были заботливо укрыты брезентом.

— Ну как, папаша, — норму выполняете? — спросил Багров у Лукаша, насыпавшего зерно в «грохот».

— О какой норме вы спрашиваете, милый человек? — удивился старик. — Вон белореченцы свою первую заповедь уже выполнили, а вы — норма...

Карих пригласил колхозников на зелёную лужайку возле тока. Щуря близорукие глаза, он прочёл корреспонденцию о выполнении плана хлебозаготовок колхозом «Алтай».

— Ну, что делать будем? — спросил он колхозников. — Чтобы догнать «Алтай», нам надо сегодня же сдать двести центнеров зерна. Подработанного у нас есть сто центнеров, а сто надо подработать. Вытянем?

— Подработаем к вечеру! — загудели колхозники. — Давай машины, председатель, а зерно будет.

Это было в два часа дня, а вечером пошёл дождь. Шёл всю ночь, не переставал итти и днём. Потоки воды низвергались на землю. Дороги развезло, машины остановились. А на току под наветами, лежало сто двадцать центнеров пшеницы.

В десять часов вечера на ток собралось тридцать колхозников и колхозниц. Никто их не собирал — пришли они сами. Пришли встревоженные, с одним вопросом: «Что делать?»

И тут кто-то сказал:

— Не идут машины, пойдут лошади... На себе понесём мешки, если надо будет!

Эту мысль подхватили все собравшиеся.

Через час был организован красный обоз с хлебом. Укрепив на передней подводе флаг с надписью «Алтай — Родине», коммунисты Ефим Лизнев и Феня Башлыкова повели тридцать две подводы на заготовительный пункт. Не остановили людей ни дождь, ни ночная темь, ни семнадцать километров тяжёлой дороги.

Отправив обоз, колхозники не ушли с тока. Засучив рукава, они принялись за работу.

С восходом солнца на дороге появились автомашины. Они шли к току колхоза. Город прислал свою помощь — четыре мощных «ЗИСа», снабжённых наколёсными цепями.

— Ну, этих не остановит никакая грязь! — радостно крикнул

повеселевший Карих, обращаясь к Андрею. — Ты извини за мою вчерашнюю горячность. Заело, понимаешь?

— Понимаю, Лука, — положил Андрей руку на плечо друга. — Когда в таких делах «заедает» — хорошо.

27.

Сельский сход собрался в клубе. Пришли мужчины и женщины, старики и подростки, кормящие матери.

Галина Семёнова с трудом разыскала в людской толчее Феню, только что вернувшуюся из района, куда её вызывали с отчётом на бюро райкома.

— Ну, как Фенечка? — с тревогой в голосе спросила Семёнова. — Досталось?

— Ой, не говори, — засмеялась Феня. — Выйдем на улицу, расскажу.

Выбравшись из клуба, подружки уселись на лавочке у клумбы георгинов. Феня рассказывала:

— Пригласили нас в кабинет Петра Михайловича сразу человек тридцать — всё бригадиры разных колхозов. Были там и такие, как я «желторотые», но больше — пожилые, с орденами да медалями. Только расселись мы на стульях, Пётр Михайлович и говорит:

— Познакомимся с опытом работы первой бригады колхоза «Берёзовая роща». Докладывайте, товарищ Башлыкова!

Поднялась я, мну в руках бумаги, а слова сказать не могу — язык не слушается. А Пётр Михайлович улыбается, подбадривает меня. Посмотрела я на него, на всех сидящих вокруг стола членов бюро и осмелела. Ну и начала свой доклад с того, как мы готовились к уборке, как людей расставили, социалистическое соревнование организовали, как вели борьбу с потерями, как у нас люди работали. И когда сказала, что колхоз наш выполнил план хлебопоставок и сдал сверх плана шестьсот пудов хлеба, — все зааплодировали. Когда я кончила, начали мне вопросы задавать. И члены бюро задавали, но больше — бригадиры. О чём только меня не спрашивали! Полчаса на вопросы отвечала. Начальство выступления, хвалят меня, а мне как-то неловко, словно за чужие дела хвалят. Ведь не одна я в бригаде работала — люди работали, им и слава должна быть, похвала. Без людей что я такое? Последним выступил Пётр Михайлович, в пример нашу бригаду ставил, советовал учиться у нас другим бригадирам. В конце — постановление бюро зачитали. Вышла я в приёмную, а там уже человек из редакции ждёт меня. Пришлось рассказать всё сначала. Я рассказываю, а он — пишет.

Из клуба донеслись аплодисменты.

— Никак уже началось! — спохватилась Феня. — Пойдём.

За столом президиума сидели Карих, Андрей, Лукаш, Надя Хворова, Саша Захаров, а в конце стола — председатель райиспол-

кома Гусев, средних лет мужчина, с орденом Ленина и партизанской медалью на груди.

Карих открыл собрание и предоставил слово Гусеву.

Гусев подошёл к трибуне, вытащил из кармана зелёного френча бумагу.

— Дорогие товарищи! — начал он, немного картавя. — Хорошая слава идёт по стране о нас с вами — хлеборобах Алтая. И не будет нескромностью если я скажу, что это слава заслужена нашим трудом. Каждый год мы честно выполняем свою первую заповедь перед Родиной. Мы должны и в этом году отблагодарить Родину за её заботу о нас — дать как можно больше хлеба сверх плана. Вы выполнили свои обязательства перед государством и дали сверх плана шестьсот пудов пшеницы, — продолжал Гусев. — Благородное начинание, дорогие друзья! Давайте подсчитаем сейчас, сколько ещё можете сдать хлеба сверх плана. Послушаем вашего председателя, да и решим. Подсчитаем мы потом по району, а там подсчитают по краю, да и доложат Иосифу Виссарионовичу.

Гусева проводили громом аплодисментов.

Карих говорит необычно коротко: доложил, что, по всем подсчётам, колхоз может сдать ещё не менее двух тысяч пудов хлеба. При этом будут засыпаны семена, страховой фонд, фураж для общественного скота, на трудодень придётся достаточно хлеба, да и продать колхоз может, чтобы повысить денежные доходы.

Вслед за ним выступил Лукаш. Юркий, с подстриженной клинышком бородкой, он казался моложе своих шестидесяти лет.

— Державе нашей нужен хлеб, дадим его. За ней ничего не пропадёт, другим концом вернётся к нам наш хлебушко! Урожай нынче у нас — не стыдно показать людям. Председатель доложил, что мы сможем сдать сверх плана ещё пару тысяч пудов хлеба. А я думаю, что не след нам приbedняться: сдали мы шестьсот пудов, ещё сдадим две тысячи четырёхста. Чтобы, значит, кругло получилось три тысячи.

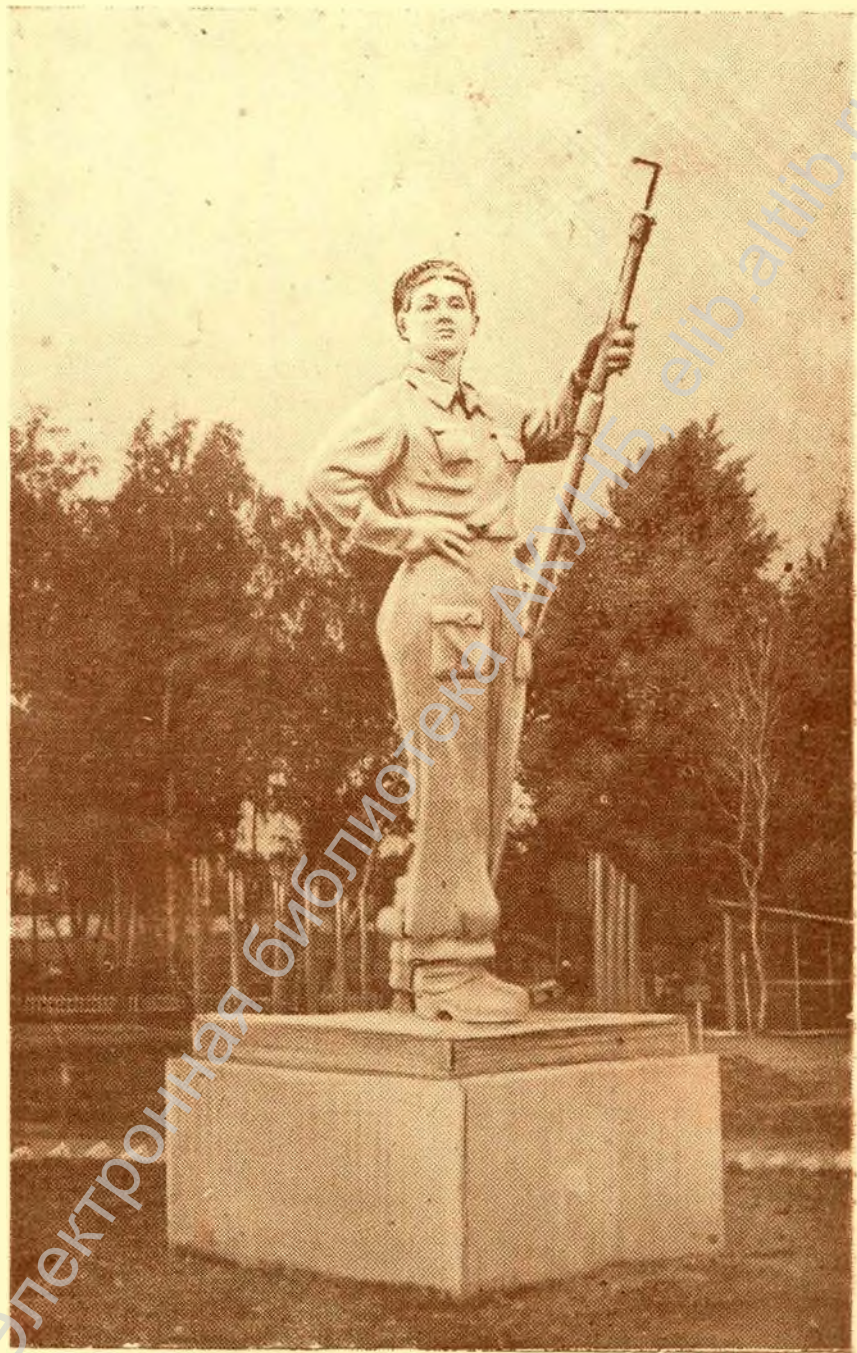
— Правильно! — всколыхнулся зал.

— Теперь — другое, — продолжал Лукаш. — По пять килограммов на трудодень падает нам. Солидно, ничего не скажешь. У меня со старухой четыре сотни трудодней. Четыреста на пять — две тысячи выходит, сто двадцать пудиков на старую меру. Зачем мне столько! Да мне и четверти этого хватит за глаза. Сам буду целый год с белым хлебом, да и про запас останется. Вот и выходит, что полторы тонны я могу продать государству. Так и запиши, Надя: Степан Лукаш продаёт Родине из личных запасов полторы тонны зерна, — обратился Лукаш к секретарю собрания, Наде Хвовой.

Гусев под аплодисменты всего зала пожал руку взволнованному Лукашу.

— Спасибо, Степан Семёнович!

Выступавшие после Лукаша колхозники поддержали его предложение о сдаче сверх плана ещё двух тысяч четырёхсот пудов хлеба.

В. М. Воронков. Цеховой электрик (скульптура в Парке энергетиков).

Собрание закончилось. Но ещё долго толпились у стола колхозники, записывая, сколько хлеба они продадут государству из личных запасов.

28.

Темь. Накрапывает мелкий, густой дождь. Холодный ветер яростно треплет флаг над крышей правления колхоза. В темноте флага не видно, слышно только, как он полощется, бьётся о дерево. Из окна дома правления в промозглую темноту ночи льётся свет лампы. Колхозный сторож Ефим Козодоев, вооружившись очками, склонился над газетой. Одежда на Козодоеве мокрая, он только что обшёл весь обширный двор — амбары, мастерские, конюшни. В такую ночь приятно поспать в тёплой, мягкой постели, но Козодоеву отдыхать не положено: он «ночной человек», хранитель колхозного добра.

Но не один Ефим Козодоев не спит в эту ночь. Ещё кто-то бродит по коченёвским переулкам. Согбенная фигура человека воровски метнулась от ограды колхозного двора к заборам. Человек, прильнув к стене амбара, стоит неподвижно, прислушивается к шуму дождя и ветра. Вот он опустился на землю, скрылся под амбаром... Короткий бурав жадно вгрызается в сухие доски пола. Человек нажимает на стальной стержень всё сильнее и сильнее. Бурав, пронизав пол, легко подаётся вверх. Из отверстия падают зёрна. Человек вынимает бурав и подставляет мешок. Щедро течёт струя отборной семенной пшеницы, наполняя мешок... Дело сделано: отверстие в полу забито деревянной пробкой, мешок — завязан. Пыхтя и обливаясь потом, человек толкает его впереди себя. Выбравшись из-под амбара, он с трудом приподнял мешок с земли. Ноша для него оказалась непосильной: пожадничал, не рассчитал своих сил...

Ефим Козодоев стоит за углом амбара, слушает подозрительную возню, думает: «Скот забрёл или пьяный кто возится?»

— Кто здесь? — спрашивает он.

Молчание.

— Кто здесь? — кричит Козодоев, бросается туда, где только что был слышен подозрительный шум, и налетает на человека, припавшего к земле.

— Не шуми, Ефим, — шепчет человек. — Не шуми, ради бога.

— Да кто ты?

— Хлыстов Пётр.

Козодоев опускается на землю, нащупывает мешок. Для него становится всё понятным.

— Сюда, люди добрые, сюда! — кричит Козодоев. Пальцы Хлыстова мёртвой хваткой смыкаются на шее Козодоева. У того перехватывает дыхание, в глазах — зелёные круги пляшущих огней. Но от конюшни уже бежит Харитон Баранов, у сельмага гремит выстрел сторожа...

Пять минут спустя Хлыстов сидел в углу одной из комнат конторы правления колхоза. Возле него — мешок с пшеницей и Ефим Козодоев с полуосью от плуга в руках. Баранов ушёл за Карих.

— Не вышло, гад? — спрашивает Козодоев Хлыстова. Тот молчит. Его взгляд — взгляд затравленного волка...

29.

Андрей Говорков зашёл к Карих ранним ненастным утром. Зашёл запросто, посидеть, побеседовать. Карих возился с сыном. Трёхлетний крепыш — отец в миниатюре — взнуздав Луку, разъезжал на нём по комнате.

Когда Андрей вошёл в комнату, Карих снял со спины маленького наездника, смущённо подал руку гостю.

— Извини, брат. Пристал сын, пришлось побаловать.

Андрей улыбнулся.

— Нашёл в чем извиняться. Гостинца хочешь? — обратился он к ребёнку.

— Хочу, — сказал маленький Карих и смело шагнул к незнакомому дяде.

Андрей взял ребёнка, присел к столу, положил перед ним несколько конфет. Некоторое время сидел молча, гладил белокурую головку ребёнка. Чем-то родным, дорогим веяло от этого маленького человека. Великое счастье — дети. Без них жизнь кажется неполной, ненужной. Карих ушёл на кухню, о чём-то вполголоса переговаривался с женой.

... Через полчаса на столе появились бутылка домашней настойки и закуски. Лука щедро налил в стаканы.

— За что? — спросил Андрей, поднимая стакан.

— За дружбу, за твоё здоровье, — ответил хозяин дома.

— Почему же только за моё?

— Хороший ты человек, Андрей.

Андрей внимательно посмотрел на Карих: шутит, или всерьёз? Нет, Карих не шутил.

— Пусть будет так, Лука.

— Много я думал, Андрей, — сказал Карих, ставя пустой стакан на стол. — Во все стороны мерил, всё прикинул. Выходит одно: ты прав. Опередило меня время, опередили и люди. Коммунисты открыли мне глаза. Понял и стало очень обидно за себя, да и за других — за тех, кто мог и не поправил меня во-время. Позволили оторваться от людей, отставать от темпа жизни. Вот за это обидно. Теперь вот думаю — что делать?

— И до чего додумался? — серьёзно спросил Андрей.

— Ни до чего, уходить мне надо.

— Куда?

— Куда угодно. Хоть в конюхи...

— Не прав ты, Лука. Учиться тебе надо, перестраиваться. На ходу перестраиваться. Понял?

— Трудно это, Андрей.

— Нелегко. Поможем, только духом не падай.

— За помощь спасибо. Но...

— Что «но»?

— Подумать надо. Только ты помни: что бы я ни надумал, а тебе останусь благодарным.

— За это спасибо, Лука. Мы ещё поговорим об этом. А сейчас я хочу рассказать тебе один случай. Под холмами трактористы пахут пар. Рядом — наши и колхоза «Прогресс». Знаешь, как они пахут? Насквозь поля обоих колхозов.

— Как это? — не понял Карих.

— А так — махнули рукой на межу и гоняют машины на все гоны. Выгоднее им так, поворотов меньше. Вот я и думаю, что если бы эти межи ликвидировать? Хорошо было бы.

— Не понимаю я тебя, Андрей.

— Да чего же здесь понимать? Взять бы, да и объединить наши колхозы. А?

— Погоди, погоди, Андрей. Как же можно?

— А почему же нельзя?

— Кто же согласится? Один колхоз богаче, другой — беднее, третий — ещё беднее. У нас, скажем, в банке денег уйма, а в «Перекопе» и «Прогрессе» их не ахти как много. У нас тягла и рабочих рук хоть отбавляй, они же бедствуют ими. Как же нас уравнишь? — озадаченно говорил Лука.

— А как уравнились середняки и бедняки во время коллективизации? Не в этом дело. Ты подумай, какая польза была бы! У нас развито полеводство, в тех колхозах животноводство, огородничество. Вот тебе и многоотраслевое хозяйство. Готовое, уже сложившееся. Равномерная нагрузка на тягло, на колхозников. Три колхоза — в один! Вот махина! Вот когда можно было бы всерьёз взяться за механизацию хозяйства, за его электрификацию. Подумаю, Лука, и дух захватывает. Вот поеду к Байкалову — потолкую.

— Не знаю, Андрей, что тебе сказать... Загадку ты мне задал. Боюсь и подумать... Был колхоз «Берёзовая роща», и нет его. Все труды, все мои старания — насмарку, так что ли? — спросил Лука.

— Станный ты, Лука, — проговорил Андрей. — Не пропадут твои старания. Да к тому же пока это только мысли...

— Мысли, говоришь! Знаю я тебя, Андрей. Ты не скоро откажешься от своих намерений. А мне надо подумать.

Долго ещё сидели друзья за столом. Простились они тепло, как никогда. Обоим казалось, что они снова нашли друг друга.

Байкалов работал над лекцией для семинара руководителей политшкол. По горке папиросных окурков в пепельнице и кипе испанской бумаги можно было заключить, что секретарь райкома не один час просидел за работой.

В кабинет вошла секретарь приёмной.

— К вам, Пётр Михайлович, из «Берёзовой рощи».

— Кто?

— Председатель.

— Просите.

В кабинет вошёл Карих.

Байкалов подал Карих руку, внимательно посмотрел ему в лицо: хотел заранее определить, зачем тот приехал. Карих обычно посещал райком только по вызову, да и то не всегда, а тут сам за-
вился.

— Как живём, Лука Петрович?

— Ничего живём, Пётр Михайлович.

— Надо хорошо жить, «ничего» для нас уже мелкоовато.

— Надо бы, да не выходит.

— Что, неполадки какие-нибудь?

— Неполадок, кажется, нет.

— А что же тогда?

— Личное у меня, Пётр Михайлович, приехал выложить вам.

— Что ж, выкладывай.

Карих помолчал. Видя, что ему трудно начать разговор, Байкалов не торопил его.

— Закурить у вас можно?

— Пожалуйста! — протянул Байкалов раскрытый портсигар.

Карих взял папиросу, прикурил от зажжённой Байкаловым спички. Раскурив папиросу, глубоко затянулся и закашлялся. Байкалов знал, что Карих не курил, и если взял сейчас папиросу, то, видимо, нелегко у него на душе.

— Хлеб мы убрали, Пётр Михайлович, — начал Карих. — С государством рассчитались, что обещали сверх плана — вывезли. Остаётся теперь сахарная свёкла да картофель — рано за них приниматься. А придёт время — без меня управятся. На отдых хочу.

— На курорт?

— Нет, совсем.

— Как «совсем»? — удивился Байкалов.

— В отставку, Пётр Михайлович, — пояснил Карих.

— Погоди, Лука Петрович! Ты перед тем, как в райком зайти, не побывал ли в «погребке» райпотребсоюза?

— Не был, хотя очень хотелось зайти.

— Тогда с чего же тебе в голову пришло такое?

— Устарел я, Пётр Михайлович, для моей должности. Давно иными стали и время и люди. А я просмотрел это. Лучше уж самому уйти, чем ждать, пока народ выгонит. А выгонит — при отчётном прокатят.

— А есть за что?

— Есть, Пётр Михайлович, — искренне сознался Карих. — Близоруким оказался, дальше своего носа не видел. Не прав я был во многом: и с помощью колхозу «Перекоп», и со строительством колхозной станции, и в отношении к людям, к Андрею Говоркову.

Они лучшего желали для колхоза, для всего народа. Я же считал, что роют они под меня яму, хотя уравнивать наш колхоз с другими, не дорожат нашим добром. Да разве только в этом я не прав? А продажа весной сена колхозам по рыночным ценам, а выжидание высоких цен на мясо на базаре... Слепым оказался я, — вздохнул Қарих.

— Ты это сам понял?

— Кое-что сам, а больше — люди помогли понять, Андрей Говорков. Вот и приехал просить вас, чтобы освободить меня от работы. Поработаю рядовым, может у людей наберусь ума-разума.

— Куда же думаешь податься, в город? Мне как-то говорили, что тебя друзья всё в город тянут.

— Нет, Пётр Михайлович. Нет такого ножа, который бы перерезал пуповину, соединяющую меня с землёй. Хлеборобом умереть хочу, а умирать мне рано, очень рано. Ещё сто лет прожить бы не отказался.

— Не могу, Лука Петрович, твоей просьбы выполнить, не имею права: председателей колхозов райком не назначает и не снимает с работы, их избирают и снимают сами колхозники. Тебе ли объяснять это?

— А вы посоветуйте колхозникам, подскажите. Нет у меня сил дальше работать. Пока считал, что не прав Андрей, люди не правы — терпел, нахрапом старался брать, а понял, что я не прав — раскис. Себя не нахожу. А до отчётного ждать долго...

— Подожди. Пусть колхозники сами решат, как быть с тобой. Найдут нужным — освободят, а доверят и дальше руководить колхозом — будешь работать. Вот и весь мой сказ.

— Не доверят мне. Нельзя доверять, — вздохнул Қарих.

— Если ты серьёзно понял, в чём был не прав — доверить можно. Постарайся сделать так, чтобы доверили. Учиться тебе надо, тогда правильно понимать всё будешь. Начинай с политшколы в своём же колхозе, вместе со всеми коммунистами. Зимой на месячные курсы вызовем тебя. Читай больше: книги — надёжный помощник. В работе на коммунистов опирайся, больше к людям присматривайся, старайся замечать во-время ростки нового, а старое, отжившее — руби без сожаления. Чаще Андрея беспокой — пусть помогает... Думаю, что нет необходимости сейчас поднимать вопрос о твоём освобождении. Договорились? — улыбнулся Байкалов.

— Договорились. Спасибо вам, Пётр Михайлович, как гору с меня сняли. Теперь я пойду со спокойной душой, — ответил Қарих.

— Счастливого пути, Лука Петрович. Привет Андрею, Фене Башлыковой. Умница она у вас. Мы её подучим зимой, да заберём от вас. Из неё председатель колхоза хороший получится.

— Нет, Пётр Михайлович, Фени мы не отдадим, — серьёзно сказал Қарих. — Мы её нынче к званию Героя Социалистического Труда представлять будем. По всем статьям подходит.

Где-то у ледников алтайских гор маленьким ручейком начинается речушка Снежить. Пробираясь по горным ущельям, петляя меж холмами, она вырывается в предгорную степь бурной, своенравной рекой. Даже суровая природа не в силах совладать с ней. Снежить не замерзает и зимой.

В районе села Коченёвки Снежить, присмирив, несёт свои студёные воды прямо на восток, к своей старшей сестре Катунь. Но спокойствие реки и здесь обманчиво. Люди не один раз пытались обуздать её — напрасно. Перехваченная плотиной, она быстро разрушала податливые берега и уходила своим новым руслом в обход плотины.

Лет двадцать пять назад коченёвский прасол Вавил Пырякин всё же обуздал Снежить. Он перехватил её плотиной в узком, очень глубоком месте, укрепил берега и, таким образом, заставил реку приводить в движение мельницу на два постава. Два года бешеным темпом кружились жернова пырякинской мельницы, перекачивая трудовые деньги крестьян в бездонный карман прасола. Каждый месяц повышая цену за помол, Пырякин любил повторять: «Река тоже чувствует твёрдую руку хозяина». Но Снежить, как-то раз собравшись с силами, прорвала плотину. Сколько потом прасол ни бился, совладать с ней не смог.

Шли годы. Место у разрушенной плотины стало вотчиной коченёвских рыбаков-любителей. Снежить не видела в этом никакого поползновения на её свободу — продолжала катить свои воды в Катунь. Но вот коченёвцы, заручившись расчётами инженеров, решили заставить реку вращать турбину электростанции. Как ни бесновалась Снежить, а оказалась бессильной в борьбе с техническими расчётами инженеров и коллективной волей колхозников.

Андрей с молодёжными бригадами колхоза «Берёзовая роща» прибыл на строительную площадку рано утром. Через полчаса пришли бригады колхозов «Прогресс», «Перекоп» и «Коммунар». Их привели сами председатели.

На берегах Снежети жизнь закипела ключом.

Каменщики, присланные на строительство городским строительным трестом, заканчивали облицовку плотины голубоватыми каменными плитами. На крыше кирпичного здания станции сутились кровельщики. Колхозники укрепляли берега реки сплошным частоколом просмоленных брёвен. Два длинношеих экскаватора заканчивали прокладку обводного канала. От них, с проворством пчёл, куда-то в степь и обратно, сновали автомашины — отвозили землю. Вслед за экскаваторами шли плотники, за ними — бетонщики: покатые стенки канала одевались бетоном. В разные стороны от здания станции уходят линии передачи. На новых столбах работают монтеры.

Людской говор, шум моторов, весёлый смех слышны на берегах Снежети.

Несколько человек суеются у огромной стальной плиты, толь-

ко что доставленной на строительство. Плита сошла с деревянных катков, и люди не в силах справиться с ней. Андрей с Харитоном Барановым бросились к ним. Одну сторону плиты приподняли над землёй. Бородатый колхозник поправил под ней катки.

— Ставим! — скомандовал он.

Люди, поддерживающие плиту слева от Андрея, не удержали: плита всей тяжестью плюхнулась на катки. Один из них поднялся концом вверх.

— Берегись! — раздалось разом несколько голосов. Но было уже поздно. Конец катка со всей силой ударил Андрея в бок. Андрей почувствовал, как режущая боль пронизала всё тело, и потерял сознание. Лежал он у плиты, широко раскинув руки, без признаков жизни. Над ним стояли растерявшиеся люди.

Как ударом электрического тока, парализовало все работы на площадке. Люди, бросая инструмент, кинулись к месту несчастья. Даже ковши экскаваторов, и те застыли над землёй, точно сиюсь рассмотреть, что случилось у плиты.

Прибежала Феня. Лицо её было бледным, губы вздрагивали, как при невыносимой боли.

— Да как же так? — тихо, с болью спросила она, ни к кому не обращаясь и, упав на колени возле Андрея, расстегнула ворот его гимнастёрки.

— Андрюша, родной! — прошептала она.

В толпу влетел Лукаш, весь измазанный цементной пылью. Взглянув на Андрея, он закричал:

— Чего, чего собрались? Марш по своим местам! Да машину сюда быстрее.

— Машина готова! — доложил шофёр.

— В село, в больницу! — распорядился Лукаш.

Андрея осторожно перенесли в кузов машины, уложили на брезент. С ним поехали Феня и Лукаш.

32.

За глубоким логом, у небольших, густо разбросанных колков и «блюдец», Саша Захаров поднимал зябь. Мощный «ЧТЗ» тянул за собой два пятикорпусных плуга. Лемеха плугов подрезали и переворачивали пласт никогда не паханой земли. Когда на пути машины встречались участки, особенно густо поросшие кустарниками, Захаров сбавлял скорость. На поверхность выворачивались полусгнившие корни деревьев.

У дороги машину Захарова ожидала Феня. В синем комбинезоне и голубом берете она была похожа на мальчика-подростка.

— Какая глубина? — спросила Феня, проворно вскочив в кабину трактора.

— 25 сантиметров.

— А глубже нельзя?

— Не пробовал. Вряд ли: десять корпусов да бороны, а земля — не первый сорт. Часто остатки пней встречаются.

— А ты, Саша, попробуй, — попросила Феня.

— Попробовать можно. Эй, Ченцов, а ну прибавь глубину! — крикнул Захаров прицепщику.

Щелкнули автоматы плугов. Машина дёрнулась, замедлила ход. Захаров прибавил газ. Мотор взревел, и машина пошла быстрее. Феня соскочила на землю, вынула из кармана складной металлический метр.

— Сколько? — спросил Захаров, когда Феня снова уселась рядом с ним.

— 27. Потянет так? — спросила Феня.

— Должен потянуть, — уверенно сказал тракторист.

— У меня, Саша, большие надежды на эту землю. Эх, и урожай снимем здесь!

— Кто его знает, — усомнился Захаров. — Земля-то «бросовая», никудышной её считают.

— Не должно быть у нас «бросовых» земель, Саша, — сказала Феня. — Если дать удобрение, правильно обработать — любая земля станет плодородной.

— Неугомонная ты, Феня, — с теплотой в голосе сказал Захаров. — Лежало себе это «Заячье поле» веками, и никому до него дела не было. А ты и за него взялась... Ты, случайно, не сродни Андрею Алексевичу будешь?

Феня внимательно посмотрела на Захарова — не смеётся ли?

Нет, Захаров не смеялся. Лицо его было серьёзным, между бровями резко выделялась строгая морщина.

— А что это тебе в голову пришло заниматься моей родословной? — улыбнулась Феня.

— Да оба вы какие-то ненасытные, беспокойные.

— А разве это плохо?

— Нет, это хорошо.

— Да, мы с Андреем Алексевичем в родстве, — сказала Феня после некоторого молчания. — Коммунисты мы. Одному делу служим, вместе идём вперёд.

— Ты только коммунистов считаешь своей роднёй? — спросил Захаров.

— Зачем? Все, кто честно трудится — дороже мне всякой родни.

— Ты, Феня, ошибалась когда-нибудь?

— В чём?

— В людях, в работе — вообще в жизни?

— Ошибалась, Саша.

— Это очень страшно, когда ошибаешься?

— Не страшно, а обидно. Обидно за себя. А к чему это ты?

— Да вот работаю и думаю: вспашем мы эту землю, затратим труд, горючее, а вдруг здесь ничего не уродится. Тогда как?

— Вырастим и здесь урожай, Саша. Вырастим. Андрей Алексеич обещался помочь мне.

— Как он чувствует себя? — спросил Захаров.

— Поправляется, скоро вернётся.

— Не уберegli мы его, — вздохнул Захаров.

— Есть, Саша, такой металл — радий. Очень драгоценный. Как ни оберегай его, а он всё уменьшается в весе. Есть люди, у которых сердце, как радий: сколько бьётся, столько и горит. Горит и другие сердца зажигает. Вот у Андрея Алексеевича, видимо, такое сердце. Смотришь на него, и самой хочется гореть таким огнём, от которого бы людям было и светло, и тепло.

Помолчали. Саша украдкой поглядывал на притихшую Феню, на её красивое, строгого рисунка лицо. В его взгляде было уважение к этой умной, беспокойной девушке — уважение брата к старшей сестре.

Феня подняла голову, провела рукой по лицу, словно снимая с него невидимую паутину. Машина подошла к дороге. Феня распрощалась с Захаровым, пошла вдоль дороги к Гнилой балке.

«На озимь», — догадался Захаров.

33.

Андрей сидит у окна светлой палаты городской больницы. Видны ему уголок старой тополевоy рощи и большой кусок поля за ней. Деревья стоят голые, обтрёпанные ветром, и кажется, что сама жизнь их ушла вместе с листвоy, унесённой ветрами кто знает куда.

Степь стала серой, унылой. Опустели поля, обезлюдели. Изредка появится на просёлке одинокая подвода, пройдёт случайный путник, и снова — никого. Лишь день-деньскоy кружит над серым жнивнём коршун, зорким глазом высматривает добычу. Камнем упадёт на неосторожную мышь и снова — кружит, кружит.

Неистовый ветер гонит на юг тяжёлые снеговые облака... Насколько прекрасна степь весной, настолько печальна она осенью. Только не замечает этого Андрей. На столике перед ним раскрытая книга, но вот уже полчаса, как он не перевернул ни одной страницы. Худой, с почерневшим лицом и глубоко запавшими глазами, Андрей кажется далеко старше своих лет. Нос его заострился, а глаза попрежнему горят молодо, радостно. Думает Андрей о людях. Какой прекрасный народ вокруг него! Часто посещает его Байкалов, а если не может прийти — позвонит. Часто приезжают Лукаш, Феня, Карих, друзья-коммунисты.

Гонимый ветром, через раскрытую форточку окна в палату залетел лист тополя. Андрей поймал его налету и долго-долго любовался его багряноy окраской.

— Значит, отжил ты своё? — сказал он листу. — А я вновь начинаю, дружок. Весна у меня, понимаешь? В наше время не пропадёшь, из могилы вытащат люди. Хорошая у нас с тобой Родина! В палату вошла Феня.

— Вечером Пётр Михайлович пришлёт свою машину, — сообщила она. — Поедем с тобой домой, родненький.

Андрей поднялся, привлёк к себе Феню. Стояли, прильнув друг к другу, и чувствовали, как полны они огромным счастьем, жадной жизни.

* * *

Машина, разрезая упругими лучами света темноту ночи, неслась по просёлку. На поворотах её фары освещали куски слегка запорошённой снежком пахоты, ровные шеренги стройных молодых тополей, частые кустики акации полезавших лесных полос, и снова — скованный морозом укатанный просёлок. Переехав глубокую балку, машина поднялась на холм.

— Останови машину, Серёжа! — попросил Андрей шофёра. — Отсюда хочу взглянуть на Коченёвку.

Взявшись за руки, Андрей с Феней отошли от машины. Внизу, в километре от них, среди бескрайней степи лежала залитая светом Коченёвка. По прямым линиям фонарей легко было определить улицы и переулки села. Ярко светились окна в домах колхозников. За Коченёвкой так же ярко были освещены хутора колхоза «Перекоп» и «Прогресс». Казалось, что вся степь горит этими яркими огнями. С каждым днём они будут разгораться всё ярче и ярче, освещая людям путь к коммунизму.

НА ОЗЕРЕ ИВНЯКОВОМ

1.

Всякий раз, отправляясь на рыбалку, Костя мечтал о большой рыбине. Он представлял себе во всех подробностях, как она утопит поплавок, как затем он выбросит её на берег, как понесёт её по городу, перекинув через плечо — хвост потянется по тротуару, — с каким удивлением и уважением будут смотреть на него встречные и как скажет ему мать, погладив потные русые волосы:

— Ты у меня рыбак настоящий.

И всякий раз ему не везло: клевали чебаки, ерши, пескари, мелкие окуни — секунишки, а крупная рыба не ловилась. Когда Костя возвращался домой, кот Леший встречал его у ворот и провожал до кухни, приняхиваясь, облизываясь и заискивающе виляя хвостом.

— Мученик ты мой, — ласково говорила Косте мать, вытряхивая улов из сумки в синюю эмалированную чашку. — Лешему на обед хватит. А тебе, Костенька, яишенку сготовила.

Утомлённый, проголодавшийся, хмурый, Костя молча садился за стол, молча ел, молча ложился в постель. Он думал иногда, не забросить ли рыбалку и не заняться ли голубями, но только наступало голубое солнечное утро, — снова торопился к Оби.

Однажды, возвращаясь на катере из-за реки, Костя сел рядом с пожилым человеком, видимо, бывшим матросом — на нём была старая выцветшая бескозырка, старый бушлат, в зубах — искусно сделанная трубка, увенчанная откидной крышкой, на которой покоился миниатюрный сфинкс.

Костю увлекла морская романтика, и потому он живо вообразил себе прошлое своего случайного соседа, непременно избороздившего на огромных кораблях все моря и океаны. Мальчику хотелось о многом расспросить старого моряка: приходилось ли ему плавать в бурю, участвовать в морских сражениях, видеть кашалотов... Но собеседник оказался настолько словоохотливым, что добрых полчаса, пока катер, ритмично постукивая и слегка вздраги-

вая, шёл до города, говорил только сам, давая возможность Косте лишь коротко ответить на его вопросы. Он говорил о рыбалке, говорил с увлечением, энергично жестикулируя потемневшими от солнечного загара руками. Самым интересным для Кости было сообщение о том, что в озере Ивняковом водятся крупные щуки.

— Вот такие чертяки, — моряк взял у Кости удилишко и быстро отмерил четвертей пять, сделав отметку ногтем. — Носятся за чебаками поверх воды, как торпеды. Беда моя — не могу выбрать время сходить туда — был бы с рыбой. Знаешь, где это озеро?

— Нет.

— На заливных лугах. На речке Тихой бывал?

— Был.

— Левым берегом километров этак пяток вверх по течению. Можно лугами напрямик — там тропинка...

Старый моряк откинул крышку трубки, надавил пальцем табак, начал прикуривать. Воспользовавшись моментом, Костя спросил:

— Вы плавали по Тихому океану?

Собеседник взглянул на него удивлённо.

— По-о Тихому-у? Да ты что?.. всю жизнь работаю бакенщиком на Оби.

Костя прикусил нижнюю губу от такого неожиданного ответа. У него сразу пропал интерес к собеседнику. Только теперь он заметил, что и нос у собеседника некрасивый — большой и с синими прожилками, и бушлат — не бушлат, а простая куртка. Однако, разговор с бакенщиком не прошёл бесследно для Кости: сведения о щуках-торпедях взволновали сердце рыбака.

Ночью Косте снилась огромная тёмная хищница, носящаяся по воде с раскрытой зубастой пастью; на поворотах она была хвостом, взметая искристые брызги, а впереди её, как ошалелые, то скрываясь под водой, то вновь появляясь на поверхности, метались чебаки и дождём рассыпались крохотные мальки.

Утром Костя наспех позавтракал, сунул в сумку ломоть хлеба, кусок колбасы, несколько сырых картофелин, схватил удилишко, банку с червями и помчался. Мать крикнула ему вдогонку:

— Далеко не уходи, на ночь у реки не оставайся.

— Ладно, — ответил Костя.

Он, разумеется, не знал, что ожидает его впереди. В этот день он домой не вернулся. Напрасно кот Леший весь вечер проторчал у ворот. Напрасно встревоженная мать несколько раз выходила на перекрёсток улиц посмотреть, не появится ли сын...

2.

По правобережью Оби на многие километры раскинулись заливные луга. Если вы взглянете на них в летнее время с высокого левого берега, то вам представится зелёная равнина, местами про-

резанная извилистыми голубыми лентами проток и стариц. Тут и там вы увидите тёмнозелёные шапки кустарников, приземистые ивы с белесоватыми кронами, небольшие островки, поросшие сосняком. Эти островки бросаются в глаза темнотой красок не только в половодье, когда свинцово-серые воды достигают леска, что маячит в дымке у самого горизонта, но и летом, среди моря зелени. Кто не знаком с заливными лугами, кому не доводилось побывать на них, тот и не подумает, сколько на этой живописной равнине может встретиться путнику самых неожиданных препятствий.

Переправившись на правый берег, Костя вскоре достиг излучины Тихой. Здесь была широкая заводь. Под кустами, нависшими над зеркальной гладью воды, плескалась рыба. Не больше минуты колебался Костя — спешить ему на озеро или остановиться здесь ненадолго. Он размотал удочки и, едва успел закинуть первую, поплавок нырнул книзу. Рывок, и в воздухе заблестел, извиваясь, серебристый чебак.

Рыба клевала непрерывно. Костя увлёкся. В азарте он не обращал внимания на укусы комаров.

Мимо заводи вверх по течению проплыли двое мужчин на лодках. Первый, высокий, в белой панаме и кремовой рубашке с короткими рукавами, грёб легко и свободно, словно играл вёслами. И лодка, и вёсла, и удилишки, торчащие из кормы, — всё было длинное, как нарочно подобрано по пловцу, по его длинным и сильным рукам. Второй мужчина, в котором Костя сразу узнал вчерашнего «моряка», едва поспевал за первым. Взмокшая от пота синяя рубашка липла к телу.

«На Ивняковое поплыли», — сразу догадался Костя и, как бы боясь, что они могут выловить всю рыбу, не оставив ничего ему, быстренько собрался. Он не нашёл прямой тропинки, о которой говорил вчера бакенщик, и зашагал по нетронутой, густой и высокой траве. Незаметно для себя он вошёл в мочежину. Трава становилась всё выше и гуще, осока сменилась камышом. С головой скрытый в зарослях, Костя с трудом пробирался вперёд, держа в одной руке удилишки и сумку, раздвигая другой камыши, чтобы они не хлестали по лицу своими жестковатыми узкими листьями. Ноги вязли в иле, ботинки размокли, отяжелели. Комары настолько облепили лицо, что стоило Косте провести ладонью по щеке, как вся ладонь оказывалась в крови.

За первой мочежиной последовала вторая, затем протянулась ляга. Отыскав узкое место, Костя пытался перебраться через неё по обомшелым коряжинам. Они оказались гнилыми, обломались, и Костя упал в воду. Измученный, напрягая все свои силы, он с большим трудом выбрался на крутой берег.

Солнце приближалось к полудню. Весело стрекотали кузнечики, радуясь солнцу, теплу. А у Кости тяжело было на душе. Ориентирами ему до сих пор служили кусты вдоль Тихой и высокий правый берег Оби. Теперь он не видел ни то, ни другое. Кусты были кругом. Возвращаться назад значило повторить утомительный путь. Итти вперёд... но куда итти? Костя снял мокрую одежду,

разбросал на траву, чтобы подсохла, пообедал и заснул. Сон был короткий и беспокойный — палило солнце.

Костя встал. Он чувствовал себя сдавленным, ноги, будто налитые чем-то тяжёлым, отказывались двигаться. Однако не оставаться же здесь. Он обогнул небольшое озерко, затем пришлось преодолевать болота.

...Уже стемнело, когда Костя, вконец измученный, достиг воды. Он не знал, что перед ним: река или озеро. На противоположном берегу в кустах пылал костёр, у берега колыхались на лёгкой волне две лодки. Со всех сторон доносился коростелиный скрип, лягушье кваканье. Досаждали комары. Лицо, руки и ноги у Кости ныли от укусов. Нисколько не задумываясь о том, кто там сидит у костра, что его там ожидает, стремясь только поскорее попасть к людям, узнать, где он находится, высушить одежду, избавиться от комаров, Костя крикнул:

— Перевезите меня-я!.. Перевези-и-те-е!

В просвете между кустами появился тёмный силуэт человека, приблизился к берегу, остановился. Костя ещё раз крикнул. Силуэт человека слился с силуэтом лодки. Костя услышал, как скрипнули уключины, и на сердце у него сразу отлегло.

Лодка остановилась в десяти шагах от берега. Сидящий в ней спросил:

— Кто ты?

— Костя Борискин.

— А кто ты есть такой, Костя Борискин?

— Мальчик... ученик.

— Ученик? Так вот я тебе и поверил. Ученики в такое время спать ложатся, а не шатаются по лугам. Говори правду...

— Да правда же... спросите в первой школе.

— Сейчас пойду спрашивать. Начистоту говори — зачем пришёл?

— Рыбачить.

— Один ли ты здесь?

— Один.

— Может, остальные в кустах прячутся?

— Дяденька, да нет никого больше, один я. — Костя шагнул вперёд к самой воде, чтобы убедить, что он действительно один. Этот допрос ему начинал нравиться: как в настоящем приключенческом романе.

— Оружие при себе имеешь?

— Два удилишка.

— Может быть у тебя там за кустами шестиствольный миномёт?

— Танк и пушка, дяденька, — рассмеялся Костя.

— Вот как! Вижу, от такого вояки далеко не уйдёшь. Чего доброго, рассердишься и пальнёшь по мне. Садись, перевезу.

Снова скрипнули уключины, лодка причалила к берегу. Костя сразу узнал бакенщика и обрадовался ему: как-никак знакомый...

— Это какая вода? — спросил Костя.

— Мокрая, — добродушно ответил бакенщик.

— Нет... речка или озеро?

— Озеро Ивняковое.

— Ивняковое?! — Сюда мне и надо. А вы меня узнали?

Бакенщик наклонился вперёд, присмотрелся к нему.

— Что-то не узнаю.

— Помните, вчера на катере вы мне рассказывали про щук, которые как торпеды?..

— Вон кто ты!.. Теперь понимаю: стало быть, ты за большими щуками пришёл?

— За щуками, — грустно ответил Костя. Уже не впервые за этот вечер он вспомнил о матери, вспомнил её предупреждение не уходить далеко и к вечеру вернуться домой. Его волновала мысль о том, что мать ждёт его теперь и, может быть, всю ночь не уснёт, а утром пойдёт искать.

У костра их встретил тот самый рослый мужчина в белой папачке, который утром проплыл мимо Кости на длинной лодке. Он оглядел Костю с ног до головы, подал ему руку.

— Андрей Михайлович Кадников. Твоё имя?

Костя застенчиво отрекомендовался.

— А это, — указал Андрей Михайлович на бакенщика, — Фёдор Никифорович Гвоздичкин.

— Мы с ним уже знакомы, — промолвил бакенщик, подкидывая хворост в костёр. — Вчера познакомились. Видать, для нашей компании подходящий: услышал, что в озере много рыбы, и не вытерпел — прибежал-таки.

Фёдор Никифорович при свете костра долго приглядывался к Косте и, откровенно говоря, с трудом признал в нём вчерашнего своего собеседника. Вчера на катере сидел рядом с ним опрятный мальчик с конопатым носом и живыми карими глазами. Бакенщик любовался его резвостью, когда он взбегал по откосу на высокий берег. Теперь же Костя походил на мокрую курицу — плечи у него опустились, весь он съёжился, куртка была помята, штаны мокрые и грязные, из-под фуражки выбились и прилипли ко лбу взмокшие от пота пряди волос, лицо покрылось багровыми пятнами от раздавленных комаров.

— Хорош, хорош для нашей компании, — повторил Фёдор Никифорович. — Настоящий рыбак!

— Видать, видать, — подтвердил Андрей Михайлович, спуская в котёл, подвешенный над костром, четырёх крупных линей. «Ого, — подумал Костя, — какая здесь рыба клюёт!»

— Ты возле Тихой шёл или напрямик? — спросил его Фёдор Никифорович.

— Напрямик.

— Тропинкой?

— Не нашёл тропинку.

— А как же?!

Костя рассказал, как мог, подробно о своих злоключениях. Слушая его, Фёдор Никифорович охал, ахал и вздыхал.

- Я виноват... моя вина, — говорил он сокрушённо.
- Родители знают, куда ты ушёл? — спросил Андрей Михайлович.
- Нет... Мама теперь ждёт. — Эти слова Костя произнёс тихо, понуриив голову и машинально, без видимой причины, теребя своё ухо.
- Нехорошо получилось, Костя, — промолвил Андрей Михайлович. — Нехорошо. Сейчас поужинаем и поедем.
- Куда? — насторожился Фёдор Никифорович.
- В город Костю повезу. А вы снимите утром мою сеть и увезите к себе.

3.

Усталость сказывалась. Костя хотел спать и мог бы хорошо уснуть на увядшей мягкой траве, набросанной в лодку. Но он не спал. Стыдно было и перед матерью, и перед этим посторонним добрым мужчиной, который бросил рыбалку, чтобы среди ночи отвезти домой попавшего в беду Костю. И всё-таки, несмотря на стыд и усталость, Костя блаженствовал. Ночь была тихая, свежая, небо ясное, звёздное. Костя прислушивался к всплескам воды под вёслами, к нестройному хору коростелей, лягушек и неизвестных ему птиц, кричащих на высокой ноте: врри, вррри, вррри... Среди тёмных силуэтов кустов, обступивших обрывистые берега, золотом поблёскивала луна, едва успевшая подняться над горизонтом.

Вначале Андрей Михайлович грёб молча. Костя объяснял это тем, что дяденька сердится на него за испорченную рыбалку. А уж если дяденька сердится и молчит, Костя не решался заговорить первым.

— Хороша ноченька! — вдруг мечтательно произнёс Андрей Михайлович. Костя облегчённо вздохнул. «Значит, уже не сердится», — заключил он.

- В каком классе учишься, Костя?
- Шестой окончил, в седьмой перешёл.
- Отметки?

Кто бы из взрослых ни спрашивал Костю об учёбе, обязательно интересовался отметками. Он привык к этому и, отвечая, всегда ожидал — вот сейчас похвалят, если он сообщал, что отметки хорошие, или пожурят, — если отметки плохие. И хвалили и журили его часто с каким-то равнодушием, из вежливости или из желания поговорить, занять время. Костя подумал, что и Андрей Михайлович спрашивает так, между прочим, чтобы о чём-нибудь поговорить, но, почувствовав к нему доверие и расположение, ответил с готовностью:

— По всем предметам пятёрки и четвёрки, только по зоологии тройка.

— А почему по зоологии тройка?

— Червячки, да бабочки, да личинки, да лягушки, — сказал Костя откровенно, — а зачем мне их знать?

И. Е. Харин.

Кольвалская дорога.

— Кем ты хочешь стать, Костя?

И этот вопрос для Кости не был новым. Иногда он отвечал на него: «Не знаю», иногда, если спрашивал кто-либо близкий, открывал свои душевные тайники.

— Капитаном корабля, — ответил он стеснительно.

— Неплохая должность, — серьёзно сказал Андрей Михайлович. — Очень хорошая должность... Компас, барометр, паровой двигатель, карты, астрономия, география, физика — и никакой зоологии не надо... Так?

— Не знаю... — Костя действительно не знал, как ответить на такой вопрос. Нужна ли капитану корабля зоология? Пожалуй, не нужна. А вдруг зачем-нибудь понадобится?

— Теперь вот ещё что скажи мне, Костя. Как я понял, ты шёл на озеро ловить щук, а захватил с собой только удочки. Неужели ты надеялся на простую удочку поймать большую щуку?

— Нельзя разве?

— Вот ты какой рыбак!.. Ясно, всё понял. Хочешь вместе со мной рыбачить? У меня и лодка есть, и, кроме удочек, некоторые снасти... Хочешь?

Как не хотеть! Костя с радостью согласился.

...Мать ещё не спала, хотя уже наступал рассвет, когда Костя появился на пороге.

— Где ты был?! — в упор спросила мать. Ещё минуту тому назад она готова была расцеловать Костю, несмотря на его проступок, лишь бы он пришёл живым и здоровым. Теперь же её глаза, утомлённые бессонной ночью, выражали гнев. В это мгновение в дверях появился незнакомый ей мужчина. Она вопросительно взглянула на него.

Андрей Михайлович познакомился с ней и, уходя, сказал на прощанье:

— Костя расскажет вам всё, как было. Если вы разрешите ему рыбачить вместе со мной, — пусть послезавтра в шесть часов утра приходит на пристань с запасом продовольствия на два дня. Найдёшь меня, Костя, там, где хранится много лодок. Знаешь?

4.

Прошло около месяца с тех пор, как повстречался Костя с дядей Андреем. Всё это время они рыбачили вместе, — денёк-другой отдохнут дома и снова двое — трое суток проводят на озере Ивняковом. На том месте, где Костя впервые увидел костёр, был устроен просторный, уютный шалаш с мягкой постелью из веток и травы.

Андрей Михайлович установил режим — рыбачили и отдыхали они в строго определённое время. Иногда, бывало, рыба клюёт отчаянно, а дядя Андрей, взглянув на часы, вдруг объявляет:

— Пора обед варить.

Косте не хочется бросать рыбалку, он упрашивает подождать с обедом ещё несколько минут, но дядя Андрей непреклонен.

— Рыбы на уху хватит, а перед отъездом домой свежей наловим.

После обеда Андрей Михайлович иногда спал, но чаще всего ложился у шалаша в тени, забросив длинные ноги на ивовый пенёк, и читал, а Костю обязательно заставлял спать, и Костя привык к этому. Летние ночи короткие, как следует отдохнуть не успеешь, поэтому днём спалось всласть.

Андрей Михайлович казался Косте загадочным человеком. Однажды он его спросил:

— Дядя Андрей, вы где работаете?

— Как видишь, рыбак, — спокойно ответил тот.

Но если он рыбак, то почему вдруг бросает рыбачить, когда рыба клюёт? Настоящий рыбак всегда старается наловить рыбы как можно больше, а дядя Андрей вместо рыбалки читает книги. И какие книги! То на иностранном языке, то на русском, но с непонятными для Кости заглавиями, вроде «К вопросу о монистическом взгляде на историю»... Костю мучили сомнения.

Иногда к ним на озеро приезжал Фёдор Никифорович. Старый любитель рыбалки и охоты, он знал много всяких историй из этой области и рассказывал их мастерски, вдохновенно, с той энергичной жестикуляцией, которая знакома Косте с первой встречи. Косте уже не казался некрасивым нос бакенщика, и он давно уже смирился с тем обстоятельством, что дедушка Фёдор, как он теперь называл его, оказался не моряком, а бакенщиком.

Вечера проходили оживлённо. Весело потрескивал костёр, выбрасывая рваные языки пламени, гомонили птицы, ветерок слегка шумел в кустах, у берега плескались волны. Отужинав, Фёдор Никифорович вытирал лицо большим красным платком, сладко потягивался, поднимая кверху дрожащие от напряжения руки, затем начинал:

— А вот ещё какая забавная история...

И Фёдор Никифорович живо, картинно рассказывал историю за историей — то как ему на блесну попала огромная щука и часа два катала его на лодке по озеру, то как осётр стянул с берега рыбака, запутавшегося в перемёте... Иногда во время его рассказов где-то в кустах кричала птичка: врри, вррри... Фёдор Никифорович прекращал рассказ, возмущённо хмурился. Это смешило и Костю и дядю Андрея.

Однажды, оставшись вдвоём с Фёдором Никифоровичем, Костя решил во что бы то ни стало выведать у бакенщика, кто такой дядя Андрей. Но и от него ничего не узнал. Фёдор Никифорович пожал плечами и неохотно промолвил:

— Мужчина он — это знаю определённо.

— Вижу, что не женщина, — рассмеялся будущий капитан.

Итак, дядя Андрей оставался загадкой. Зато Косте была подсказана отгадка, как ловить крупную рыбу. Щуку, например, дядя Андрей ловил жерлицами. Он ставил жерлицы, насадив на них

живых чебаков, поближе к кустам или лопухам. Иногда, сидя на корме, опускал в воду длинную-предлинную лесу с блесной и заставлял Костю грести. Блесна крутилась где-то далеко за лодкой. Вдруг дядя Андрей вздрагивал, тихо, словно боясь напугать рыбу, приказывал Косте остановить лодку и начинал вытягивать лесу осторожно, без рывков. Щука металась, часто появляясь на поверхности воды то в одном, то в другом месте, натянутая леса звенела, как струна. Случалось — рыба обрывала или разгибала крючок и уходила, но чаще всего она попадала в лодку. Дядя Андрей брал её из воды подсачком, несколько мгновений держал навесу, рассматривая, какова она; в его голубых глазах появлялись озёрные огоньки.

Если ему не удавался один способ рыбалки, он прибегал к другому. То наживит большой крючок лягушей и, ловко управляя лодкой, движимой ветерком, пускает приманку почти к самому дну; то орудует голой блесной безо всякой насадки; Костя иногда думал, насколько глупа рыба, если она глотает голую железку.

Однажды Андрей Михайлович спросил Костю:

— Хочешь уху из линий?

— Хочу.

Дядя Андрей выехал на отмель в лопухи, взмутил воду палкой, снял рубашку, брюки и в одних трусах выпрыгнул из лодки. Вода была ему по пояс. Он спустил леску, прикреплённую к короткому удилишку — мотылю, и вскоре добыл золотистого линя, затем второго, третьего...

— Для чего вы мутили воду? — поинтересовался Костя.

— В мутной воде, — ответил Андрей Михайлович, — линь ничего не видит, подходит смело к приманке, находя её по запаху, и даже отирается у моих ног, поэтому я знаю, в каком месте он клюнет, и туда опускаю удочку с червяком.

Червяка Костя считал единственной приманкой, но от дяди Андрея он узнал, что их существует великое множество. Язь, к примеру, охотно лакомится тестом с растительным маслом, горохом, изюмом, окунь не постесняется схватить крючок, если на него нацеплён глаз другого, уже пойманного окуня, и с жадностью цаплет живого малька.

Порой рыба наотрез отказывалась брать червяка. Поплавки часами торчали над водой, не шелохнувшись, если их не качало волной. А рыба плескалась вокруг. Тогда Андрей Михайлович наживлял на крючок то стрекоз, то мух, то кузнечиков, и выбрасывал из воды одного чебака за другим. Или шёл к маленькому озерку с ловилом — металлической сеткой на длинном шесте и приносил странных тёмнозелёных существ вроде гусениц, но с раздвоенными головками.

— Что это за букашки? — спросил Костя, когда дядя Андрей принёс их впервые.

— Кто изучает зоологию, — ответил Андрей Михайлович, хитровато взглянув на Костю, — тот знает, что это личинки стрекозы.

— В воде?! — удивился Костя. — Стрекоза же в воде не живёт.

— А личинка стрекозы в воде развивается... Вот посмотри.

Андрей Михайлович порылся в банке и достал личинку, начавшую уже развёртывать длинный хвост и тоненькие прозрачные крылья, затем достал почти оформившуюся стрекозу.

— Вот эта, — сказал он, — скоро бы уже вышла из воды и полетела. Она бы отложила яйца на водорослях, а из яиц снова бы развились личинки.

В другой раз, плывя по Тихой, он остановил лодку у берега, покрытого небольшими отверстиями, словно источённого червями или истыканного прутиком. Андрей Михайлович с силой погрузил весло в дно, достал из-под воды комок густой грязи и, поплескав на него водой, извлёк сжавшегося беленького червячка.

— Личинка мотылька, — сообщил он Косте. — Если личинку стрекозы надо искать в водорослях, то эта прячется в твёрдой зеленоватой глине. Видишь отверстия в берегу?

— Вижу!

— Личинки мотылька пробуравили.

Андрей Михайлович нацепил личинку на крючок, бросил удочку недалеко от берега, и через некоторое время добыл окуня.

— Как видишь, — промолвил он, — и это — лакомая приманка, и не только для окуня, но и для язя и чебака.

Многое узнал Костя от дяди Андрея. Он узнал, что карась хорошо клюёт при тихой солнечной погоде, особенно утром и вечером, что при плохой, ветренной и дождливой погоде он зарывается в ил; что когда дует северный или восточный ветер, на рыбалку лучше не ездить.

— Почему?

— Я так понимаю, — пояснил Андрей Михайлович. — В нашей местности осадки приносит южный или юго-западный ветер. Если ветер дует с севера или востока, воздух становится разрежённым, давление атмосферы понижается, и рыба уходит в глубь, где давление больше.

И ещё узнал Костя, что когда прибывает вода, тоже не следует ходить на рыбалку, особенно на реку, — с берегов несёт много мошек, жучков, букашек, и рыба сыта ими; что при ветре, дующем против течения, переплывать реку на лодке опасно — большой вал...

Костя научился грести и управлять лодкой. При любой скорости движения он мог держать лодку прямо и быстро поворачивать её в любом направлении.

Домой он всегда приходил с богатым уловом, и мать ласково гладила его потные волосы и говорила:

— Вот теперь ты у меня рыбаком стал...

Костя рассказывал матери, что он узнал нового от дяди Андрея и какие новые истории рассказал ему дедушка Фёдор.

— А узнал, кто он такой — Андрей Михайлович?

— Нет, больше не спрашивал — неудобно. А хочется узнать, ой, как хочется!

5.

Был один из тех дней, когда рыбаки отдыхали дома. Костя налаживал перемёт, когда в дверь постучали.

— Можно! — крикнул Костя, продолжая привязывать крючок к поводку.

Вошёл дядя Андрей. Костя встал и застыл на месте от изумления. Дядя Андрей был одет в форму морского офицера — белый китель с золотыми нашивками на рукаве, погоны, фуражка с золотой эмблемой выше околыша, сбоку кортик. А на груди — два ряда орденских колодок и гранёная, поблёскивающая золотая звёздочка.

— Добрый день, — поздоровался Андрей Михайлович.

Костя продолжал стоять перед ним с широко открытыми глазами.

— Не узнал? — снова спросил Андрей Михайлович, чтобы вывести будущего капитана из оцепенения.

— Узнал, — промолвил Костя, краснея и покусывая от волнения нижнюю губу.

— Получил телеграмму. Вызывают в Москву. Зашёл попрощаться с тобой. — Андрей Михайлович присел на стул, приблизил Костю к себе, положил ему на плечи свои длинные руки.

— Ты хочешь стать капитаном, — сказал он серьёзно, — это хорошая черта: человек должен выбрать цель и стремиться к ней. Но ты ещё мал, тебе ещё долго расти до капитана. Пройдут годы, а с годами могут интересы измениться. Я хотел стать архитектором, стал моряком. Ты собираешься стать капитаном, а будешь, может случиться, артистом или художником, или инженером... — трудно сейчас предугадать. Одно запомни...

Андрей Михайлович внимательно посмотрел Косте в глаза, как бы проверяя, не отвлекают ли его другие мысли, вникает ли он в то, что ему говорят.

— Одно запомни, — продолжал Андрей Михайлович, — кем бы ты ни стал в будущем, ты должен быть образованным человеком. Мы с тобой, пока я был в отпуске, занимались простым делом — любительской рыбалкой. Чего бы, казалось, тут мудрёного. Мы не промысловики, а любители. Но, выходит, что и любителю нужно кое-что знать. Нужно знать повадки рыбы, где и когда её искать, на какую приманку она может пойти сегодня, на какую — завтра, где найти червей и личинок. Выходит, что для рыбака некоторые сведения из зоологии полезны. Видишь, сколько нужно знать рыбаку-любителю.

А капитану или архитектору, агроному или инженеру, артисту или художнику знаний нужно куда больше, чем рыбаку-любителю.

лю. Рядовой рабочий не может сейчас обойтись без знаний. Так вот — учись всему, чему тебя учат. Твои учителя — люди образованные, с большим жизненным опытом, они знают, чему нужно учить. В жизни всё может пригодиться. И читай. Как можно больше читай хороших книг.

Андрей Михайлович взглянул на часы и поднялся:

— Мне пора... скоро на поезд... Выполнишь одно моё маленькое поручение?

— Выполню.

— Вручи вот это письмо Фёдору Никифоровичу. Я с ним не успел попрощаться. — Андрей Михайлович достал из кармана и подал Косте конверт. — Жаль расставаться с вами, хорошие вы товарищи...

ЯБЛОНЕВАЯ ДОЛИНА

Природа нам дала ягоды. Этого добра в наших горах растёт вдосталь. А вот фруктов нет. Яблоньку или грушу в диком виде не встретите. Между тем, фрукты — штука вкусная и для человека полезная. Появится на столе вот такой розовый или ярковишный ароматный плод — тут не только у детишек, но и у взрослого загорятся глаза. И решил человек: быть в наших горах вкусным фруктам.

Теперь уже всякий знает, что на Алтае можно фруктовые сады разводить. То в одном, то в другом колхозе появляются свои яблочки, в своих садах выпестованные. Но скажите вы лет двадцать тому назад местному крестьянину, что у него на огороде можно фрукты вырастить, он бы вас на смех поднял. Сибирским яблоком мы называли картошку. Вот и хочется мне по этому поводу одну историйку вспомнить.

Живёт в нашем колхозе уважаемый старик Прохор Лебедев. Вам, может, доводилось встречать его — в конторе колхоза частенько появляется, — высокий, бравый, с окладистой седой бородой. Голос у него басовитый: ежели погромче скажет, окна зазвенят, стены дрогнут.

Главным занятием у него было пчеловодство. Но с давних пор имеет пристрастие к садам и огородам. Первый в нашем селе развёл в своём огороде викторию, помидоры. Было это в двадцатых годах. Приглашает Прохор меня к себе.

— Пойдём, Иван Андреевич, новую закуску испробуем.

Пришли, сели за стол. Смотрю, хозяйюшка приносит из кухни тарелку, наполненную небольшими красными пластиками с прозеленью в середине. Тут же насыпана соль и накрошен лук. Беру на

вилку пластик, разжёвываю — кисленький и будто не совсем приятный. Хотел было сразу вилку положить и больше не притрагиваться к этому кушанью, но вижу — Прохор уписывает за обе щёки и на меня поглядывает.

— Не нравится? — спросил он. — А ты лучку прихватывай да подсаливай.

Когда я раскусил как следует, за уши бы не оттащил меня от этой тарелки.

— Что же это такое? — спрашиваю его.

— Томаты.

На другой год я взял у Прохора помидорной рассады и посадил её в своём огороде. А ещё года через два—три томаты появились почти у всех жителей нашего села. Здесь они хорошо родятся — крупные, сочные, вкусные.

Ещё при единоличной жизни Прохор пристрастился к журналам, газетам, книгам. Придёт в избучитальню, сидит и читает, пока полночные петухи свой концерт не заведут. Когда вступил в артель и назначили его заведывать пасекой, то артельное пчеловодство он поставил на научную ногу: рамные ульи построил, заставил сеять возле пасеки гречиху, подсолнух и медоносные травы...

Однажды он высказался на колхозном собрании в том смысле, что в нашем селе могут яблоки произрастать. Мы подумали, что Прохор пошутил — он большой охотник до шутки.

— На кедрах или на берёзах? — спросил кто-то.

Как сейчас помню — такой смех поднялся — до слёз хохотали. Председатель призывает: «Тише, товарищи... к порядку», — а сам тоже прыскает, унять его не может. Про Мичурина мы тогда слышали, но он же не в нашей местности сады разводил, а в Тамбовщине.

Вскоре все об этом случае позабыли — мало ли что может Прохор начудить — всего не упомнить. Только у нас в колхозе девушка была, такая бойкая, язвительная — теперь её Полиной Ивановной зовут, а в ту пору просто Полинкой звали. Она проходу старику не давала. Встретит его, бывало, и обязательно спросит: «Скоро яблоки кушать будем?» или так ещё: «Прохор Семёнович, когда груши созреют?»

— Отвяжись, худая жизнь, — досадовал старик.

Партторгом у нас в то время был Николай Шатров. Он уже знал, что в Горном Алтае начинал работать знаменитый теперь мичуринец Лисавенко. Шатров пригласил к себе Прохора, спросил:

— Ты на собрании пошутил или в самом деле уверен, что здесь можно фрукты выращивать?

— Уверен не уверен, а попробовать надо, — ответил Лебедев.

— Возьмёшься за это дело?

— С превеликим удовольствием!

— Поезжай к Лисавенко за саженцами и спроси там совета, что и как делать.

— Хорошо. Только об одном прошу: пока яблоки не вырастут,

чтобы никто не знал. Вдруг неудача — смеяться будут надо мной.
— Обещаю.

В ту же весну Прохор съездил к Лисавенко, привёз несколько саженцев и посадил их на пасеке. Об этом никому не было известно, кроме Шатрова и меня. Со мной Лебедев был в большой дружбе, и обо всех своих делах рассказывал. Много хлопот доставили ему фруктовые деревца. Как-то раз пришёл ко мне, задрал рубашку и показывает спину — она вся в синяках.

— Кто тебя так разукрасил? — спрашиваю его. Прохор расхохотался и принялся рассказывать:

— Сижу в избушке, натягиваю на рамки восковину. Слышу — поднялся ветер. Смотрю в окно — чёрная туча. Как бы, думаю, не было граду. Выбежал в сад и начал прикрывать яблоньки — у меня щиты для этого из тальниковых прутьев сделаны. Все деревца прикрыл, а последнее не успел — пошёл град. Бежать за щитом далеко. Я нагнулся над яблонькой, чтобы прикрыть её своим телом. А ледяшки падают большие — с голубиное яйцо. Как стукнет-стукнет по спине — искорки посыпятся из глаз. Крякнешь от удовольствия, и опять стоишь.

...Прошло года четыре. Полинка повзрослела, а всё не унималась:

— Прохор Семёныч, — обращалась она при встрече, — заждались мы лимонов, терпение вышло.

Старик сердился: «Вот ты у меня пострекочешь, — отцу скажу». Но она всё своё:

— Хоть бы одну кисточку винограду...

Как дождался Прохор завязей на яблоньках, отшучиваться начал. Спросит Полинка про абрикосы или про мандарины, он отвечает:

— К свадьбе твоей будут. Скоро замуж пойдёшь?

— Жених не вырос.

— Поторапливай, нето фрукты наперёд вырастут.

Осенью Полинкин отец позвал меня в гости.

— Посидим у меня, — сказал он. — Полинка именинница. Прохор Семёнович обещался прийти.

Пошли мы с женой. Выпиваем по маленькой, беседуем. Полинка, принаряженная, сидит вместе с нами за столом.

— Что-то Прохор задержался, — досадовал хозяин. — Видно, совсем не придёт.

Но вот распахнулась дверь и на пороге появился наш кудесник из медового царства, сияющий, довольный.

— Здравия желаю, — пробасил он.

— Здравствуйте, здравствуйте, проходите, Прохор Семёнович.

— Я не один. Старушка! — позвал он. — Где ты там запропала?

Вошла его жена с корзинкой, накрытой белым платком. Пока она здоровалась со всеми, Прохор поздравлял Полину:

— С именинами, Полинка. Желаю тебе лет девяносто жизни и детишек десятка полтора.

— Спасибо, Прохор Семёнович, — отвечала Полинка, а в глазах у неё бегали озорные бесики. — Угощайтесь, Прохор Семёнович. Вам водочки или настойки... мандариновой?

— Водочки... светленькой. Старушка, корзинку сюда. Вижу на столе всего много, а фруктов нет.

Он взял корзинку, поставил её на стол, разом смахнул платок.

— Яблоки! — вырвалось у Полинки.

Да, в корзине лежали самые настоящие яблоки — крупные, розовые, ароматные.

— Где покупали? — спросила именинница. В её глазах уже не было прежнего озорства, по всему видно, догадывалась девушка.

— Вырастил на пасеке. Если не веришь, — спроси Ивана Андреевича.

Я тотчас подтвердил и рассказал, как нашему садоводу град разукрасил спину. Полинка смотрела то на Прохора, то на яблоки... Смотрела, смотрела — и... слёзы покатались по щекам — вспомнила, озорница, как досаждала старику. А Прохор обнял её и ласково так:

— Ничего, ничего, Полинка, я не сержусь.

* * *

Теперь в нашем колхозе большой сад. Осенью на столе у каждого колхозника свежие фрукты появляются. Раньше та самая местность, где сад разросся, Таловым логом именовалась. Теперь Яблонево́й долиной называем. Заведует садом Прохор Лебедев. Помощницей у него работает Полина Ивановна. Она прошла курсы садоводов-мичуринцев и про груши да виноград говорит уже без смеха: наша алтайская земля всякую всячину родить может, только бы руки умелые да старательные были приложены.

НА СИВАШЕ

1. ТУМАННЫМ УТРОМ

В конце 1943 года войска генерала Толбухина, прорвав сильно укреплённые позиции противника на реке Молочная, носившие название линии «Вотан», освободили Мелитополь. Разгромив немецкую группировку, части Советской Армии вышли на оперативный простор к Перекопскому перешейку — единственному сухопутному пути, ведущему в Крым. Здесь завязались ожесточённые бои за крымскую землю. Началась практическая подготовка Крымской операции, а для сапёров — сивашская страда.

Советские войска генерала Крейзера подошли к Сивашу. Сиваш (Гнилое море) — это мелководная западная часть Азовского моря, отделённая от него узкой песчаной косой — Арабатской стрелкой, но соединённая с морем Геническим проливом. Вся площадь Сиваша составляет 2600 квадратных километров, наибольшая глубина его не превышает трёх метров.

Издали набережная Сиваша напоминает красивый пляж. Далеко от берега плещется вода, а сам берег отливает гладью наносного ила, похожего на мелкий песочек. Но когда вы подходите к этому «пляжу», он оказывается гладким, прикатанным, похожим на асфальтированную дорожку.

Своеобразные природные условия Сиваша создали ему славу «непроходимой топи». Воды его так же мертвы, как и мертва степь, лежащая вокруг.

Однако же это не помешало большевикам в 1920 году под командованием талантливого полководца М. В. Фрунзе совершить легендарный поход через Сиваш. Местные жители, очевидцы этого похода, считали его чудом. И вот это чудо повторили советские войска в 1943—44 гг., и притом в более широких масштабах.

Ранним туманным утром советские воины бесстрашно вошли в холодные, солёные воды Сиваша. Батальон за батальоном, полк за полком преодолели почти трёхкилометровую преграду и укрепились на крымском берегу.

В планах немецко-фашистского командования Советскому Крыму придавалось большое значение. Гитлеровцев прельщали колоссальные богатства полуострова. Фашистское командование рассчитывало, захватив Крым, превратить его в стратегическую базу для дальнейшего продвижения на Восток.

Пробыв в Крыму более двух лет, немцы создали здесь мощную оборону.

Крым и сам по себе, окружённый морями и причудливо переплетёнными межозёрными дефиле Сиваша, представляет крепость. В местах возможных ударов немцы создали сильные инженерные укрепления. Турецкий вал, Ишунские позиции, защищающие Перекопский перешеек, Чонгарская переправа в узком

месте Сиваша стали сильно укрепленными позициями. Здесь немцы установили проволочные заграждения, минные поля, доты, дзоты, противотанковые рвы, вырыли траншеи и укрепили их огневыми точками. В Крыму немцы держали большую группировку: десять румынских и семь немецких дивизий, входящих в 17-ю армию.

2. ПЕРЕПРАВА

Для советских войск наступили тяжёлые дни. Чтобы удержать плацдарм, на крымский берег необходимо было доставить военную технику, боепитание и продовольствие.

Наши войска, укрепившиеся на крымской земле, особенно остро нуждались в противотанковых минах, чтобы оградить себя от контратак противника.

Первыми в холодные воды Сиваша, в его топкую солёную жижу вошли изводы младших лейтенантов Катаманова, Аксютин, Быкова, лейтенантов Ильина, Сильева, Степаненко. Люди, нагружённые противотанковыми минами, шагали по Сивашу. Тяжела ноша, неудобно. Топкое дно глубоко засасывает ноги. Омундирование намокает, тяжелеет. А Сиваш всё тянется... И поступь становится реже: заочневшие от ледяной воды ноги передвигаются с трудом, деревенеют руки...

Впереди медленным шагом идёт худощавый мужчина. Это — парторг Иван Иванович Морозов. Ему давно минуло за сорок, но солдаты забывали о его возрасте, видя его всегда весёлым, находчивым и бодрым. А живые, внимательные глаза парторга, казалось, пронизывали каждого насквозь. Не укрыть от него ни усталости, ни растерянности, ни печали — всё заметит с первого взгляда. Вот и теперь, оглянувшись назад, он сразу определил состояние солдат. «Вынесут ли?» — на миг пронеслась в голове беспокойная мысль. И чтобы избавиться от неё, он крикнул громким голосом:

— Друзья мои, вот он, крымский берег, ну просто рукой подать! Ещё одно усилие — и мы выручим наших товарищей.

Солдаты любили парторга. Не раз его смелость и находчивость выручали их в трудные минуты. И теперь, после его слов, сразу как-то легче стало идти.

Вот, наконец, и крымский пологий берег. Он тоже топкий и «мёртвый». А впереди — голая степь, изрытая заливами и озёрами. Закрепившиеся на берегу солдаты радостно, взволнованно встречают сапёров:

— Во-время, братишки, подоспели: снаряды и патроны дозарезу нужны, — обнимая сапёров, говорили раненые солдаты. Никто из них не хотел покинуть берег.

— Доставим всё, что нужно, — заверил сержант Рябчевский. — Наше отделение без отдыха идёт в обратный рейс.

Когда возвращаясь с первого рейса, туман над Гнилым морем рассеялся. Теперь ясно видно, как Приазовская степь где-то далеко-далеко сливается с горизонтом, а потом, как-то вдруг, неправильным узким клином, обрывается у высокого скалистого берега Сиваша. Это и есть знаменитая коса «Сар», что напротив мыса Чонгар. Кругом — бедная, сухая, безводная степь. Все ближние хутора уничтожены немцами.

Во втором рейсе каждый из солдат отделения сержанта Ивана Салтыкова взял по пять и даже по шесть мин. Чтобы удобнее было переносить груз, они использовали свои обмотки — из них вышли прекрасные носильные ремни. Рядовой Азизов стал носить снаряды целым ящиком по двенадцать штук.

Ноябрьский ветер дует всё сильнее. Как весенний паводок, становой воды Азовского моря заполнили многочисленные рукава Сивашского залива. В последнем рейсе вода достигает груди, а волны с комьями снега окатывают людей с головой. Но сапёры несут противотанковые мины, снаряды, ящики с патронами. Работа спорится. Весёлыми прибаутками подбадривают солдаты друг друга. В этот день было сделано четыре рейса. Только отделение сержанта Салтыкова за день переправило на своих плечах около тонны боевых припасов.

Самая трудоёмкая работа выпала на долю сапёров. Без снарядов и боевой техники не удержать плацдарм. А на руках немного перенесёшь. Надо что-то придумать... И вот у берега строится небольшой подъезд — деревянная ко-

ля, а у воды сооружается погрузочная площадка. По колее груз подвозят почти к воде и перекалдывают на понтоны и лодки.

Вначале понтоны тянут по жидкому илу, затем по воде и снова по илу. Тянут волоком, бечевой, как бывало бурлаки на Волге. Грузёный понтон идёт тяжело, его тянет отделение, а то и два. На понтоны грузят снаряды, мины, пушки, лошадей, машины, кухни. Особую радость пехотинцам доставил понтон старшего сержанта Стёпкина, который привёз махорку и боевые сто граммов.

День и ночь отважные сапёры не прекращают работу. Люди за Сивашем чувствуют жизнь Большой земли, греются её тёплой заботой.

Сиваш ожил. В скалах берега появилось незатейливое солдатское жильё — «лисы норы».

Но Сиваш создавал всё новые трудности. Недоставало топлива и пресной воды. Первое время выручали нагнанные ветром «перекати-поле» и трава. Но всё это было быстро использовано. Пробовали рыть колодцы, но даже на большой глубине вода была горько-солёной. Солдаты радовались каждому «копытцу» с дождевой водой.

Немцы заметили оживление на Косе. Вражеские самолёты по четыре—пять раз в день налетали на неё и сбрасывали тонны смертоносного груза. Работать стало опасно, смерть подстерегала на каждом шагу. Но даже и тогда, когда на земле вьются бомбы и вверх взлетают столбы грязи, неутомимые сапёры продолжают грузить на понтон «Катюшу» под задорное:

— Раз, два — взяли!

— Ещё-о-о, взяли!

Это переключаются Салтыков, Рябчевский, Кузнецов, Стёпкин, Савочкин, Баранов. Соревнуясь, они стараются обогнать друг друга — больше погрузить, быстрее завершить рейс.

Но вот очередной прилив срывает колею, сердитый Сиваш уносит с трудом добытые брёвна. Отделение старшего сержанта Буянова целый день по шее в воде борется со стихией. На помощь приходит команда старшего лейтенанта Майорникова. Общими усилиями в течение двух часов колея была восстановлена. Боевой груз вновь пошёл на крымский берег.

Осень несла с собой стужу. Ударили первые заморозки. Но солёная вода Сиваша и его серая жижа у берегов не замерзали. На волнах плавали комья снега. Вода разъедала тела сапёров до ран. Одежда и обувь разваливались. В один из рейсов со срочным грузом у солдата Войтюшенко на середине Сиваша судорогой свело руки и ноги и он камнем пошёл ко дну. Вслед за ним упал и начал тонуть рядовой Кульматов. Рядовые Кузнецов и Низамутдинов подняли товарищей и на руках вынесли их на берег. Расчёт в уменьшённом составе довёл понтон до крымского берега.

Бомбёжка и артиллерийский обстрел сеяли смерть. Пали младшие сержанты Расеев, Летуновский, сержант Савслов, рядовые Кролев, Иванов, Тёмин.

Солёные воды Сиваша также делали своё дело. Язвы разъедали ноги. Из батальона майора Демьяненко было отправлено в госпиталь свыше тридцати человек, около пятидесяти получили освобождение от работы по болезни. А ведь впереди предстояли ещё большие трудности.

3. СО СЛОВОМ ВОЖДЯ

Вечером и ночью шестого ноября у причалов, на понтонах, в сушилках, землянках агитаторы знакомили солдат с докладом товарища Сталина о 26-й годовщине Октября. Слушали напряжённо, стараясь не пропустить ни одного слова вождя.

На понтоне младшего лейтенанта Балашова с взволнованной речью выступил старший сержант Перцевой — рабочий Донбасса, герой Сталинграда, Миусса, Молочной. Он — передовой командир, любимец солдат, ротный вожак коммунистов, успевший пройти по Сивашу около 100 километров. Говорил он уверенно, горячо, от души:

— Сталинское отцовское слово о годе коренного перелома, о бессмертных подвигах наших воинов и наших родных в тылу вдохновляет нас на новые, большие дела. Я ещё сильнее верю в нашу победу, когда слышу слова товарища Сталина: заставим немецких захватчиков держать ответ за все злодеяния.

Эту ночь и весь следующий день понтоны Савочкина, Перцевого, Салтыкова, Беспрозванных, Кузнецова, Рябчевского работали без отдыха, с большой нагрузкой. Они сделали по шесть рейсов. Когда грузили снаряды для «Катюш», солдаты весело шутили:

— Это наши «пирог» и «пышки» на завтрак фрицам.

В темень сивашской ночи врываются зарницы ракет. Иногда в небо влетали огненные следы шальных трассирующих пуль. И снова — непроглядная тьма. Тишину нарушает лишь непрерывный плеск волн о борта понтонов да чваканье солдатских сапог в сивашской грязи.

На рассвете понтон старшего сержанта Белова вышел к берегу. Тяжёлая «Катюша», качнув его, посадила на мель. Сивашский ил опасен — он тянет в себя, засасывает. В это время немцы начали обстрел группы бесстрашных воннов. Белов, Сысоев, Саид Набиев, Приходько, Медведев, Кучнов, Садыков под яростным огнём противника вытащили понтон с гвардейским миномётом, и рейс продолжался. Казалось, у людей нехватит сил. Но вот кто-то затягивает песню. Веселый шагают солдаты, быстрой движется понтон, и эхо громко повторяет мужественные слова «идёт война народная, священная война».

Люди шли на ратные подвиги, неся в сердцах мудрые слова любимого полководца Сталина, беспредельную веру в победу.

В эти трудные дни росла любовь к большевистской партии. В её ряды шли лучшие люди. Младший сержант Жмурин, прошедший шестьдесят раз Сиваш, в своём заявлении о приёме в ряды коммунистической партии писал: «Буду драться до последней капли крови, а если придётся погибнуть — погибну коммунистом». Заседание бригадной парткомиссии состоялось тут же, на причале. В новый рейс Жмурин пошёл коммунистом.

Враг становился всё ожесточённее. «Хейнкели», «Юнкерсы», «Фокке-Вульфы» бомбами оглушали Сиваш, пахали его дно, разрывали берег. «Мессершмитты» поливали свинцом двигающиеся караваны. Методически била дальнобойная артиллерия. Вода стала боевым рубежом. Но люди, понтоны, лодки продолжали свой путь. Больше месяца солдаты ходили по Сивашу. Не все дошли, но победа приближалась с каждым днём.

За это время сапёры капитанов Халабуденко, Барынникова, Ростовцева и майора Демьяненко переправили на крымский берег 224 пушки, 70 автомашин, 1300 тонн боеприпасов, 836 тонн продовольствия и других грузов. Герои Сивашской переправы — старший сержант Брыкин, ефрейторы Корягин, Сигаев, Горелов, рядовой Атабаев прошли по восемьдесят раз через Сиваш. Старший сержант Жадаи, сержанты Хаматов, Антонов, Воробёв, рядовой Адулаев сделали свыше 300 километров по Гиллому морю. В осенне-зимнюю слякоть, при холодных ветрах, частых дождях и снегопадах, по пояс в студёной воде рабтали сапёры по 10—12 часов. Это был титанический труд советских воинов.

4. НЕОБЫЧАЙНАЯ ТРАССА

Паромно-лодочная переправа не могла обеспечить связь с крымским плацдармом. Поэтому было принято решение — построить двухкилометровый мост с украинского берега до острова Русский и километровую гать с острова Русский на крымский берег. Руководство строительством будущей трассы было возложено на полковника Павлова. Заготовка материалов шла по всей округе. Подбирали обломки и остатки брёвен в разбитых хуторах, не трогали лишь насаждения заповедника «Аскания Нова».

Пробные сваи вошли глубоко в ил, и солдаты шутили:

— А Сиваш-то, оказывается, бездонный.

Мост решено было строить на равных опорах, но и они не держатся, их засасывает ненасытное дно. Решили подкладывать под раму подушку — 4-метровый щит. Это увеличило потребность в материалах.

Приехавший на строительную площадку из штаба Крейзера генерал Разуваев осмотрел строительство, побеседовал с сапёрами. На утро из штаба поступил приказ: «Строительство моста закончить к 10 декабря».

Времени оставалось в обрез — не более месяца. Теоретически уложиться в такой срок было почти невозможно, но советские воины знали одно слово: «Надо».

— Раз надо, значит сделаем, поднатужимся и одолеем, — говорили сапёры.

К строительству гати приступили сапёры капитана Александра Ростовцева. Заготовку фашин производили за пятьдесят километров и доставляли на подводах к берегу Сиваша в районе Зендюп-первый. Подразделение старшего лейтенанта Ярмош на десяти понтонах доставляло фашины через Сиваш на остров Русский.

Ярмош — сгорбившийся, коренастый, с крепкими и длинными руками человек. Из-под низко нахлобученной шапки смотрят большие, голубые, немного лукавые глаза. Он — опытный командир. В войсках легендарного полководца Котовского он прошёл большую боевую школу. Нынешнюю войну Ярмош начал под Сталинградом, там же стал и коммунистом. Говорит лёгким баском, немного «окает» и каждое слово сопровождает жестом, как будто бы устанавливает слово на своё место. Ярмош сразу вошёл в дело с головой, проверил понтоны, дал каждому расчёту точное задание.

— Надо понимать, что эти нормы — не предел. Да и гать может потребовать больше материалов, чем мы предполагаем. Вот ведь он какой, Сиваш: все расчёты может перепутать, — напутствовал солдат командир роты.

Потекли дни напряжённого упорного труда. Работали целыми сутками. К берегу лес и фашины доставляли на лошадях, затем их грузили на понтоны, которые волоком тянули через Сиваш на расстоянии двух с лишним километров до острова Русский, а по острову снова на лошадях доставляли к берегу.

На острове работа шла только ночью, ибо днём он подвергался артиллерийско-миномётному обстрелу немцев.

Люди уставали, их изнуряла постоянная сырость. Сушить обмундирование приходилось или у костров, когда их можно было разводить, или в «лисых норах» на берегу. Капитальную сушку производили в центральном обогревательном пункте на северном берегу.

Но, несмотря на все трудности, работа шла нарастающими темпами. В первый день сделали всего лишь два рейса и перевезли на понтонах 25 фашин. Вечером сапёры сушились у костра, здесь же подводились итоги работы первой смены. Усталость не заглушала заботу о завтрашнем дне. Говорили о том, как увеличить погрузку и прибавить рейс.

— Надо дать на понтон за смену 100 фашин, — пришли к выводу солдаты.

— Дадим! — от имени всех заявил ефрейтор Сигаев.

Оживлённо проходило соревнование между фронтовыми друзьями — сержантами Воробьёвым и Антоновым. Подружились они ещё в Сталинграде, рука об руку прошли Миусс, Молочную. И сейчас они понимали, что переправа — тот же боевой рубеж, что и здесь люди борются за освобождение Родины. В труде они постоянно мерились силами. Их пыл и задор передавался другим. На понтоны друзья грузили по 30 фашин, затем по 35 и по 40. Они делали по четыре—пять рейсов.

Воробьёв — очень живой, весёлый, красивый солдат, жадный до работы. За что ни возьмётся, всё делает быстро и хорошо. О таких в народе говорят: «У него всё в руках горит».

Родился и вырос Воробьёв на великой русской реке Волге, горячо любил её широкий простор, задушевные русские песни. Любил петь и сам. Прищутив немного глаза, он прислушивался к своему голосу, и в каждом слове ему слышался плеск волжских волн о крутые берега.

— Построим гать, добьём врага, и вернёмся в свои родные места, — часто мечтал он вслух и каждый день прибавлял число рейсов и количество фашин, погружаемых на понтон.

Но Антонов тоже не хотел отставать от друга. Сапёры его отделения переправляли понтоны через Сиваш ускоренными темпами. По соревнующимся равнялись и другие. Сапёры отделений, которыми командовали Перцевой, Беспрозванных, Савочкин, Точилкин, Баранов, не знали усталости. Запевалами соревнования среди солдат были ефрейтор Сигаев и гвардии ефрейтор Горелов.

Лаврентий Сигаев, 48-летний плотный и сильный мужчина, таская без труда к понтону по жидкой грязи трёхметровые фашины, умел во-время бросить весёлую шутку.

— Вот, ребята, смотрите, как нам подфартило: в мирное время на грязи можно было попасть только по путёвке, а теперь она — вся твоя, принимай курортное лечение бесплатно.

— То-то ты больше всех в ней топчешься, — смеясь, отвечали солдаты.

В работу Сигаев постоянно вносит усовершенствования. У понтонов он расширил борта. Это позволило увеличить их грузоподъёмность до 50 фашин. Достигения Сигаева отметил «боевой листок», который ежедневно читали бойцы в обеденный перерыв. В этот день работали как-то особенно долго, с азартом. Поздно вечером повар Сорокин, разжигая костёр, ворчал:

— У меня каждый сук, не то что полено, на учёте. А тут нате — третий раз разогреваю ужин, а народ всё не идёт. Что же это такое?

За ужином читали только что вышедший свежий, второй за день, «боевой листок», в котором сообщалось, что большинство понтонов сделали по шесть рейсов. Солдаты с радостью жали друг другу руки. Но и сегодняшняя радость была омрачена налётом вражеской авиации, при котором была разбита кухня, убит помощник повара.

Следующий день выдался на редкость погожий. В расчёте Воробьёва люди поднялись раньше обычного. Старый солдат, пятидесятилетний мордвин Торговкин, взглянув на небо, предупредил:

— Пораньше надо начинать, нето скоро начнут наведываться «гости».

— Да, погода лётная, надо торопиться.

И Воробьёв начал готовиться к работе.

Сегодняшние воды Азовского моря ушли назад. Тих и спокоен Сиваш. Его зеркальная гладь переливается радугой солнечных лучей, отражает причудливые крымские горы, сады.

Воробьёв работает с бойцом Маликовым. Сержант Юдин с рядовым Винеццевым. Понтон быстро наполняется фашинами и короткими брёвнами. Воробьёв осматривает гружёный понтон, проверяет крепи, после чего подаёт команду:

— Вперёд!

И сам, упираясь руками в понтон, весело, как всегда, начинает:

— Раз, два, — взяли! Ещё раз!

Понтон медленно сползает с вязкой жижи и, плавно качаясь, выходит на плес Сиваша. На втором километре от берега Юдин кричит:

— Воздух!

В небе показались вражеские самолёты. Летят тройками.

Нудно и неприятно гудят «Хейнкели». Раз, два, три... Вон ещё и ещё...

Первые тройки приближаются к берегу. Застучали зенитки. В воздухе появляются белые клубочки дыма. На берегу взвиваются в небо чёрные столбы, в море долетает страшный грохот взрыва. «Хейнкели» сбрасывают свой груз вдоль берега. Последняя тройка бомбит понтоны. Рядом с понтоном Воробьёва взметнулся столб воды:

— Ложись! — успел подать команду Воробьёв.

Новый грохот, новый столб воды. Воробьёв и Маликов падают. Осколки впиваются в их тела, солёная вода разъедает раны.

— Ташите их на понтон, приготовьте пакеты! — приказывал Юдин.

Истребители снова пикируют на понтон. Пулемётные очереди вспенивают воду. Юдин встречает их автоматной очередью. Один из самолётов поливает понтон свинцом. Пуля задевает Юдина... В открытом море, с гружёным понтоном остаётся один красноармеец Винеццев. Он поочерёдно перевязывает раненых и, напрягая последние силы, доводит понтон до острова. Раны Воробьёва оказались смертельными.

— Ну, Антонов, тебе придётся работать за двоих, — прощался он с товарищем. — Крым близок, а жаль, не дойду.

Антонов украдкой смахнул слезу.

Мстить, жестоко мстить за друга, и в первую очередь — быстрее пути в Крым!

Антонов в этот день без отдыха совершил со своим отделением шестнадцать рейсов. Сам командир прошёл по вязкому сивашскому илу шестьдесят четыре километра. Его ботинки сгорели от соли, порвалось обмундирование, ноги разъело до крови. Только приказ комбата заставил Антонова, Огаркова, Рослякова, Несгерова, Савина и Торговкина смениться на отдых. Усталые, но гордые, они подошли к парторгу.

— Товарищ старший лейтенант, сегодня смертью храбрых пал наш това-

рищ, коммунист Воробьёв, — сказал рядовой Торговкин. — Мы постараемся восполнить потерю. Мы хотим стать коммунистами.

С острова Русский к крымскому берегу строилась километровая гать. Для её строительства требовалось 380 кубометров леса, 15 тысяч фашин. Кроме того, на неё нужно было насыпать слой земли в 40 сантиметров толщиной. Здесь в течение месяца день и ночь трудились роты Лысенко и Емченко. Офицеры Ларин, Кондрашов, Ищенко, Лутовкин, Логунов руководили строительством. Душой всего коллектива являлся капитан Александр Ростовцев, командир 121 инженерно-сапёрного мелитопольского батальона.

Ростовцев — невысокого роста, коренастый, быстрый в движении. Суровость Сиваша его не пугала. Сибиряк-омич, он с детства получил закалку в условиях сибирского климата. По профессии — инженер-дорожник, Ростовцев начал войну лейтенантом, вначале командовал взводом, затем ротой. На отдыхе вместе с бойцами он заводил пляску, крепко любил весельчаков и плясунов. Ростовцев всегда находился с людьми. Часто среди ночи он появлялся у места погрузки фашин, на острове, показывал пример в работе, подбадривал, давал советы.

Строительство гати подходит к концу. Сегодня особенно весело. По Сивашу идут последние понтоны. Много усилий приложили сапёры, каждый метр стоил крови, человеческих жизней. Теперь гать выглядит большим сооружением. А ведь весь этот груз воины-сапёры переправили на понтонах и лодках, перенесли на своих плечах. Они сделали по ледяной воде Сиваша полторы тысячи рейсов. Говоря языком занимательной арифметики, сапёры-мелитопольцы прошли путь, равный от Москвы до Байкала.

Десятого декабря по переправе длиною около семи километров прошёл первый «Виллис». Ширина острова Русский не превышает километра, а в длину он растянулся на три с половиной километра. На фоне Сиваша он выглядит большим жёлтым пятном и со стороны противника простреливается. Вот почему здесь не осталось «живого места». Остров весь изрыт воронками, движение по нему производилось только ночью. Зенитки и прожекторы зарывались в землю, но и это мало помогало. Кругом — голая степь, вся переправа видна, как на ладони. Но, несмотря на все трудности, необычная трасса вступила в строй действующих переправ.

Теперь ожил и остров Русский. Здесь появились все роды войск. Они накапливались, зарывались в землю.

В скалах берега выросли новые жилища: землянки, блиндажи. Солдаты обзавелись хозяйством, в землянках появился свет. Солдатскую жизнь веселила фронтовая копилка. При её свете читались газеты, писались письма, чертились боевые карты, слушались лекции, интересные самодеятельные концерты старшего сержанта Ивана Ткаченко. Пели, плясали, а иногда и грустили под баян. В больших землянках показывали кино. Но самым радостным событием явилась постройка землянки-бани. Правда, она была маловата, но за четверо суток в ней успевали все помыться и даже «пожарить» бельё.

Неискушённый человек ничего не обнаружил бы на пустынном сивашском берегу. Вся жизнь проходила под землёй. Теперь здесь были склады — продовольственный, лесоматериала, скобяной, появилась даже сапожная мастерская.

И всё это жило бурной, кипучей жизнью. Ночью переправа оживает, тишину нарушает скрежет железа и скрип телег. Пугливо храпят кони. По всей переправе от берега до берега сплошной лентой движется поток груза: тут и автомашины, тракторы, орудия и солдатские кухни. Вдоль всего моста, на каждом пролёте, по обеим сторонам, как патрули, растянулись сапёры аварийного батальона капитана Халабуденко. Они вооружены автоматами, топорами, скобами и прочими сапёрными принадлежностями. Сапёры по-хозяйски осматривают всё до мелочей, тут же исправляют неполадки.

— Вот постройка где-нибудь мост через большую реку, стоит он десять лет и никакого ему ремонта, — философски замечает рядовой сапёр Якубов, — а тут, что ни ночь — ремонт.

— Оно, конечно, — отвечает ему в тон Ахмадулин, — по тому мосту за десять лет столько людей и груза не пройдёт, сколько по нашему за одну ночь.

Небо прощупывают десятки прожекторов. Где-то гудят вражеские самолёты. Слышны сигналы воздушной тревоги. Вот в лучах прожекторов замечается

фашистский стервятник, захлопали выстрелы зениток. Огни загоревшегося бомбардировщика на несколько минут озаряют небо, а затем самолёт с жутким воем погружается в трясину сивашского дна. Остальные самолёты, беспорядочно сбросив груз, скрываются.

Прямое попадание бомбы выводит из строя 50 метров моста. На берегах «зумерят» телефоны. На месте аварии появляется дежурный взвод лейтенанта Ильина. Ильин отдаёт короткую команду:

— Старшина Плешков, вашему отделению обеспечить доставку материалов. Сержант Брыкин, приступайте к заделке места взрыва.

Брыкин и его команда быстро спускаются на дно. Обнаруженные воронки заделываются мешками с землёй. За время эксплуатации моста аварийный батальон Халабуденко научился работать чётко. В батальоне появились специализированные отделения: сапёров, плотников, восстановителей.

После налёта вражеской авиации немцы начали методический обстрел переправы. Под свист снарядов и жужжание осколков на мосту кипит работа. Когда отделение Юртаева устанавливало последнюю опору в пробое, снарядом были тяжёло ранены рядовые Вересаев и Ломакин. Их сразу же заметил рядовой Сверчков. Но вот и его сразил осколок снаряда. На его место стал рядовой Маликов. Но и он был убит. Тогда командир группы, старший сержант Юртаев, снял фуфайку, говорит:

— В армии Сталина приказы выполняются в срок.

Юртаев тоже погиб смертью героя. Но всё же пробойна была исправлена.

Раненым оказывают первую помощь на месте. Бесстрашная Аня Пуканова перевязывает раненого Плешкова. Сумку с красным крестом она пронесла до Сиваша от самого Сталинграда.

Авария ликвидирована за полтора часа. Лейтенант Ильин, капитан Халабуденко, представитель штаба бригады капитан Андреев спускаются под мост и в воде проверяют качество работы. И снова гудит переправа — идут машины, подводы, люди, движется боевая техника.

Но противник не унимается. Он ещё яростнее атакует переправу. В течение дня его авиация совершила три массированных налёта. Теперь немцы бомбили мост и северную часть сивашского берега, то есть место работы сапёров. За всё время действия переправы на неё было совершено 40 налётов вражеской авиации, сделано полторы тысячи самолёто-вылетов. В районе моста было сброшено до десяти тысяч бомб. Мост был разрушен в 62 местах. Почти всё надо было делать заново. Погода неблагоприятствовала работе — шли частые дожди, в декабре и январе падал снег. Но, несмотря ни на что, переправа действовала безотказно. С каждым днём расширялся плацдарм в Крыму.

5. БЕСПОКОЙНЫЙ СИВАШ

Страшен Сиваш, когда он бушует. Степь становится серой от пыли. Буйный ветер ерошит ковыли, вихрем кружит береговые ракушки. Небо мутнеет, закрывается тёмными облаками. Они низко спускаются к Сивашу и плывут быстро, быстро, как будто играют вперегонки. Сначала Сиваш чуть вздрагивает, потом он вскипает и покрывается пеной. Ветер нагоняет новые потоки воды. Она врывается в заливы высокими волнами. Серые, с зловещим шумом и грозным рёвом, волны нарастают и, яростно ударяясь друг о друга, солёными брызгами разлетаются во все стороны, сметая всё, что встречается на их пути.

Несколько дней бушевал Сиваш. 16 февраля северо-восточные ветры подняли воду в Сиваше на 70 сантиметров. Разыгралась буря. Шторм размыл гать, разметал дамбы. Живая связь с берегом прервалась. Переправа замерла.

Но командование решило направить на берег понтон с продовольствием. Команда отважных сапёров во главе с гвардии ефрейтором Гореловым, потянула понтон. Когда они уже подходили к берегу, Сиваш подхватил понтон и понёс его в море. Он потерял управление, волны каждую минуту грозили опрокинуть его. Двигаться к крымскому берегу было уже невозможно. В первую же ночь смельчаков унесло на полкилометра в сторону от берега, а за вторую ночь отбросило ещё на километр.

Но люди не падали духом. Без сна, без отдыха они медленно, метр за метром, подвигали понтон к берегу. Напрягая последние силы, сапёры думали не

о себе, а о своих товарищах, о Родине, о необходимости разбить противника. Победили воля к победе, великая сталинская закалка, благородный советский патриотизм. Слезы радости появились на глазах солдат, когда они достигли желанной цели. После шестидневного перерыва был доставлен первый груз. На берегу смельчаков приветствовали радостными возгласами, крепко жали им руки.

— Страшно, поди, было Горелов? — спрашивали любопытные.

Горелов никогда ничем не отличался. Был он человек скромный, молчаливый, всегда старался быть незаметным, но делал всё быстро, аккуратно. На собраниях никогда не выступал, но слушал внимательно. Любое поручение Горелов принимал с охотой и выполнял его добросовестно. И вот теперь, когда ему задали такой вопрос, он густо покраснел и застенчиво ответил:

— Конечно, страшновато. Да ведь с нами целая лодка была имущества. Ценный груз, жалко.

Не сказал он о том, что двое суток не спал и по горло в воде, вместе с товарищами, спасал от неминуемой гибели лодку.

19 февраля буря стихла. На следующий день спала вода. Вместо гати чернела узкая полоска грязи. Надо было начинать всё заново. На помощь пришли сапёры майора Демьяненко. Нечеловеческими усилиями был спасён лес. Самое дорогое — брёвна, тес, жерди стихия разбросала по всему Сивашу. Поиски их были организованы в радиусе 80 километров. Для подразделений и расчётов были отведены участки. Люди работали по 12—14 часов, причём по 8—10 часов в воде. Отделение Салтыкова, работая на самом отдалённом участке, собрало свыше 50 брёвен. Иван Егорович Салтыков — не только командир отделения, но и вожак коммунистов в роте. Бойцы подражают ему в бою и в труде. Вот и теперь он первым вошёл в море. Умело зацепив бревно железной скобой, он подтягивает его к берегу.

В течение двух дней трудились люди, собирая лес по брёвнышку, чтобы снова возродить гать. Её разделили на две части — южную и северную. На гать несли остатки леса, соломенные маты, фашины и землю. Землю носили на носилках и возили на подводах с крымского берега и с острова. На обоих берегах образовались земляные разработки, которые походили на карьеры. Сапёрам помогали пехотинцы. На гати установился своеобразный закон: всякий проходивший по ней обязан был заплатить земельную дань. Откуда бы ни шёл человек, он нёс на гать землю в корзине, в вещевом мешке, в поле шинели.

Противник перенёс огонь своей артиллерии на гать. День и ночь рвались над ней снаряды. На острове Русский каждый квадратный метр был накрыт бомбой, либо снарядом. В эти дни был убит сержант Антонов, герой Сталинграда и Мелитополя, тяжело ранен капитан Ларин. Санитарные инструкторы — сержант Вера Сердобольская и младший сержант Маруся Свеженцева умело организовали первую помощь. Легко раненых они направляли в санбат, тяжело раненых сами сопровождали в полевой госпиталь. В третий раз был ранен старший лейтенант Илья Емченко. Он не ушёл со своего поста и, лёжа на боку, продолжал отдавать команду.

Зато вечером полковник Пухтин передавал по телефону:

— Ключка в порядке, ждём ваши мешки.

Это означало, что гать может принять танки. К вечеру погода резко изменилась, небо нахмурилось, заморосило. На землю спустился густой сизый туман. Артиллерия противника била реже, огонь её становился менее опасным. Снаряды летели далеко и ложились в Сиваш.

Всю ночь через гать шли лёгкие танки. Сапёры встречали каждую машину на острове и сопровождали её вдоль гати. Первые танки прошли хорошо, но после них образовалась колея. Углубляясь, она замедляла движение танков. Вот быстроходная машина останавливается, разбрасывает комья грязи, зарывается в землю. Здесь начинается работа отделений Сигарова и Точилкина. Их люди с «вагами» и с подручным сцеплением приходят на помощь и выкатывают машину.

Отделения Савочкина и Перцевого быстро засыпают колею песком, землёю, кладут фашины. Колея трамбуется, и танк проходит без задержек. Люди не замечают дождя и усталости. Третьи сутки без отдыха здесь дежурит полковник Пухтин. За три дня он только один раз поел горячей пищи, урывками спал,

сидя у телефона. Сводку Информбюро ему ежедневно рассказывал работник полтотдела. Солдаты относились к нему с большим уважением.

Большие танки по мосту пройти не могли. Генерал Петров приказал:

— Усилить мост под нагрузку тридцать тонн, не останавливая переправу.

На гати проложили узкоколейку. Теперь подвозили землю вагонетками. Гать расширили, а высоту земли довели до метра. Используя опыт предыдущей работы, решили поставить дополнительные рамы, а их надо было ещё столько же, сколько было поставлено в начале строительства. Прогоны и укосины делались на берегу командами плотников. Специальные команды доставляли эти детали к месту работы и устанавливали здесь. Особенно много понадобилось скоб, косяблей и штырей. Собрали кузнецов и поручили им обеспечить строительство этими материалами.

— Дядя Василий, ты теперь вроде центральной фигуры на мосту, — шутили сапёры.

Дядя Василий, приволжский крестьянин, высокий, широкий в плечах, ходил медленно, вразвалку.

— А что же, — весело отвечал он, — всё может быть. Я за свои двадцать лет работы столько железа не перековал, сколько здесь за этот месяц.

Работа продвигалась быстро, несмотря на то, что попрежнему мешали вражеские бомбёжки. Немцы три раза бомбили одно и то же звено моста. И три раза восстанавливала, вернее, делала его заново рота капитана Ларецкого. Первый танк — «34» пропускали поздно вечером. Все волновались. Через каждые 50 метров стоял телефон. Через каждые четыре минуты телефон «зуммерил»: шестой прошёл — порядок, десятый — порядок, двадцатый — порядок...

— Говорит 380-я — опора просела. Сдвинуто два прогона. Лопнула одна насадка.

— Танк остановить. Укрепить грунт. Заменить опору, — приказали с берега.

Танки прошли. Мост и гать сделали своё дело. Воздвигнутые самоотверженным трудом сапёров, они помогли Советской Армии разгромить немцев в Крыму

6. ЗА ПЕРЕДНИМ КРАЕМ

В это же время производились и другие оперативные работы. В декабре рота старшего лейтенанта Сунарчина на крымском берегу в районе обороны Н-ского стрелкового корпуса производила проверку наших минных полей. Получив задание, точный инструктаж, рота в составе 3 взводов отправилась в путь. Впереди шёл взвод лейтенанта Сильева. На каждой линии наших войск часовые останавливали сапёров возгласами:

— Стой! Кто идёт?

— Свои, — отвечал Сильев, — сапёры.

Это слово вызывало у встречных солдат уважение, и сапёров охотно пропускали на передний край, к минным полям. Немецкие позиции близко. То и дело степь озаряется ярко-зелёным светом немецких ракет. Тогда сапёры прижимаются к земле, сливаются с ней, замирают. Каждое отделение имеет свой участок. Привычные глаза находят, а руки нащупывают мины, устанавливая их порядок, наносят на карты. До рассвета нужно вернуться незаметно назад. Три ночи подряд лейтенант Сильев, старшина Якушин, старший сержант Кузнецов ползают по переднему краю, у самого носа противника. Иногда они слышали чужую речь.

«Может, услышали нас?» — на минуту овладевает страх.

Но глаза и руки продолжают своё дело, сапёры до рассвета возвращаются к себе. Рота Сунарчина с исключительной чёткостью выполнила свою ответственную задачу. Минирование местности, расположенной на флангах воинских частей, является непреложным законом наступательного боя. Это оберегает фланги от возможных контратак механизированных сил противника.

На одном из участков, где ожидалась контратака противника, необходимо было уточнить месторасположение минного поля для действующей на этом участке части. Такая задача перед сапёрами ставилась не раз. Были случаи, когда рота ходила за свой передний край, под носом у противника снимала мины и срезала проволоку, открывая путь для наступления.

В руках сапёров Сунарчина побывало много тысяч различных марок и типов отечественных и вражеских мин. Вражеские мины они снимали без шума, тихо, осторожно, иногда подрывали. И сейчас не случайно эту почётную задачу поручили им.

За ночь сапёры осмотрели всё минное поле и установили, что оно действительно. Противник здесь не пройдёт. На отчётную карточку была нанесена каждая мина. Размечены и указаны возможные места проходов. Они должны быть ориентированы на карте или, как говорят сапёры-разведчики, «привязаны» к ориентире. И это сапёры Сунарчина провели на отлично. Все их работы и отчётную карту похвалили в штабе корпуса. Корпусный инженер объявил роте благодарность.

На утро в батальоне капитана Бутыльникова делились впечатлениями о действиях сапёров Сунарчина за передним краем.

7. ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ

Восьмого апреля рано утром загрохотала наша артиллерия. В воздух поднялась авиация. Тронулись танки, двинулась лавой пехота. Войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление. Это была большая радость. Наступил долгожданный день. Во имя его шли через холодные воды Сиваша, во имя его терпели невзгоды.

Во время движения войск на гати вражеский артиллерийский снаряд вырыл воронку. Это могло задержать всё движение. Группа бойцов отделения старшины Баранова ринулась к воронке и приступила к её заделке. Немцы усиленно обстреливали гать, и войскам грозила опасность. Это отчётливо знал не только Баранов, но и все его бойцы. Вот почему отделение с такой быстротой приступило к ликвидации затора. Здесь как-то само собой выработался определённый «процесс производства».

Вот красноармеец Халимов подвозит на лошадях лесоматериалы и мешки с землёй. Баранов указывает, куда их складывать. Яма быстро засыпается. Противник продолжает обстрел, но люди не оставляют работу. Из строя вышло пять бойцов. Но Баранов смело продолжает работать. Воронка заделана. Пробка ликвидирована. В этот момент смертельно ранило Баранова. Перед смертью он успел сказать товарищам:

— Гать недаром полита нашей кровью. В Крым двинулись войска, и он будет нашим.

Переправа живёт. По ней движутся всё новые и новые силы. Вместо сапёров на мосту появились дорожники. На подъездах и перекрёстках стали с красными флажками регулировщики. Но о великом труде сапёров никто не забывает. О нём красноречиво говорит памятник, воздвигнутый на крутом берегу Сиваша.

Против острова Русский, на самом высоком мысе расположено кладбище сапёров. За простой, но любовно сделанной оградой, темнеют могилы. Это спят вечным сном сивашские герои. А над ними возвышается обелиск, на верхней части которого гордо стоит с автоматом в руках русский воин. Его плащ-палатка развевается на ветру. Он мужествен, суров и величествен. В нём отражены смелость, стойкость и выносливость русских воинов. Его облик устремлён на переpravу, на остров, в Крым.

Памятник этот создал красноармеец 7-й инженерно-сапёрной бригады Николай Горский. Скульптуру воина он слепил из подручного материала: сивашская серая глина, древесные опилки и ржаной клейстер. Работал он тут же, на Сиваше, в самую страду, под грохот бомбёжки. На пьедестале памятника сохранилась надпись: «Вечная слава сапёрам — героям Сиваша, воинам Великой Отечественной войны, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Теперь, когда отгремела война, памятник попрежнему гордо высится над суровым Сивашем. Шум сивашских волн и приазовских ветров рассказывает героическую повесть о людях, в жестоких боях отстоявших родную русскую землю.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>МАРК ЮДАЛЕВИЧ.</i> Ползунов. Повесть в стихах	3
<i>ИВАН ФРОЛОВ.</i> Китайская ваза. Стихи.	28
<i>БОРИС ОРЛОВ.</i> Вождь. Стихи	29
<i>МИХАИЛ ДЛУГОВСКОЙ.</i> На вахте Мира. Стихи	30
<i>ЕВГЕНИЙ КАШИРСКИЙ.</i> В Салаирской тайге. Стихи.	31
<i>ВАСИЛИЙ РАЗЛИВИНСКИЙ.</i> В кино. Стихи.	32
<i>ВЛАДИМИР КУЧИЯК.</i> Не позволим. Стихи.	33
<i>ДМИТРИЙ РУСАНОВ.</i> На Южсибе. Стихи	35
<i>БОРИС ВАХРУШЕВ.</i> Золотое озеро. Пьеса.	36
<i>ПРОКОПИЙ БУТУРЛАКИН.</i> Огни в степи. Повесть.	70
<i>АЛЕКСАНДР ТРЕСКОВ.</i> На озере Ивняковом. Яблоневая долина. Рассказы.	139
<i>ИВАН СЕРГЕЕВ.</i> На Сиваше. Очерк.	154

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. А. Баринцев, С. Т. Гусев, А. А. Розин,
С. А. Романенко, П. М. Старожилов, В. И. Трушин, М. И. Юдалевич.

Техредактор С. Каплан.

АГ 40925.

Объем 10¹/₄ п. л. и 5 вклеек.

Подписано к печати 11. 10. 1951 г.

Бумага 60×92¹/₁₆. Тираж 6000 экз.

Заказ № 1840. Цена 5 р. 50 коп.

Барнаул, тип. Алткрайполиграфиздата. •

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

5 р. 50 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru